

Н. Н. ВОРОНИН

олъ дри срдл. ѿни гм оу слышав
амь. ѿ гъ повѣ жетоствни. и млт
лшлн. пепрвѣ моткѣ ѿта рѣкод

АНДРЕЙ
БОГОЛЮБСКИЙ

свѣтѣ блгу прамотвѣ. вртлюма

ВОДЕЙ PUBLISHERS НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

вратниша. ѿп
кѣпоу. и пои с
ю. ноу вдемъ

ма. бѣ агъ

НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

ВОДОЛЕЙ PUBLISHERS

Н. Н. ВОРОНИН

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Водолей Publishers

Москва

2007

ББК 84(0)4
В75

**Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»**

Главный редактор: *С. О. Шмидт*

ISBN 978-5-902312-81-9

© С. О. Шмидт, предисловие, 2007

© Ю. В. Кривошеев, послесловие, 2007

© «Водолей Publishers», 2007

Н. Н. Воронин – зодчий русской культуры и ее хранитель*

Николай Николаевич Воронин (родился 13 декабря 1904 г., скончался 4 апреля 1976 г.) стоял у истоков Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Знаменитый исследователь истории Древней Руси, археолог и искусствовед, первым из историков удостоенный Ленинской премии (в 1965 г.), был автором многих книг, статей и научных реконструкций не дошедших до нас или видоизмененных памятников архитектуры. Список научных трудов Н. Н. Воронина за 1925–1965 гг. – в сборнике статей, подготовленном к 40-летию его научной деятельности, «Культура Древней Руси» (М., 1966), за 1966–1974 гг. – в сборнике статей «Средневековая Русь» (М., 1976), готовившемся к 70-летию ученого, но ставшем книгой его памяти.

Н. Н. Воронин был неутомимым и убежденным исследователем и защитником памятников нашей культуры. Название книги 1960 г. «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», обращенной к самому широкому читателю (а также и к тем облеченным властью лицам, от которых зависит дальнейшая судьба старинных памятников культуры), можно признать девизом его творчества и общественной деятельности. Это – и завет современникам и потомкам.

* Послесловие к кн.: *Воронин Н. Н.* В защиту памятников культуры. По-смертная книга Н. Н. Воронина. посвященная проблемам охраны культуры (с приложением составленного И. В. Ковалевым обзора архивных материалов фонда ученого), была подготовлена в 1990 г. для издания Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Но в ВООПИК не сумели отыскать средств для выпуска книги в свет.

Главная тема многостороннего творчества Н. Н. Воронина – культура русского средневековья, культура и материальная и духовная: архитектура и живопись, летописи и жития, фольклор и ремесла. И все это в тесной взаимосвязи с явлениями социально-экономической и государственно-политической истории. Отличительная черта трудов Н.Н. Воронина – обращение ко всем типам исторических источников: к памятникам письменности и к фольклору при изучении древних зданий и фресок; к памятникам изобразительного искусства при исследовании творений древних писателей и разговорного языка той поры.

Н. Н. Воронин замечательно владел комплексной методикой источниковедческого исследования, обладал редкой способностью синтетического – и одновременно образного – мышления. Но в основе его оригинальных широких построений всегда строгий анализ – искусствоведческий, текстологический, даже технологический, учитывающий малейшие детали и повновения и словесного текста и памятника архитектуры, особенности материала (камня, дерева и др.) и его изменений во времени или от пребывания в земле.

Н. Н. Воронин еще в аспирантские годы, в Ленинграде, вошел в большую науку и как историк – знаток памятников письменности и как археолог. В его книге 1935 г. «К истории сельского поселения феодальной Руси» выясняется социально-экономическое значение таких древнерусских терминов, как «село», «деревня», «погост», «слобода»; в другой работе – роль народных восстаний в общественной жизни Руси XI в.

Особенно его привлекали проблемы архитектурно-археологического изучения древнерусских городов: Владимиро-Суздальской земли (в Боголюбове он открыл целый дворцовый комплекс), Гродно, Смоленска. Сопоставляя материал новейших археологических находок с ранее известными многообразными памятниками, он приходил к обобщениям и социологического характера, и в плане изобразительных искусств. При этом Н. Н. Воронин большое внимание уделял не только эстетической стороне, но и материально-производственной и социальной основе древнерусского зодчества. Много сил он вложил в

написание и редактирование двухтомного коллективного труда «История культуры Древней Руси. Домонгольский период», за участие в котором был удостоен Государственной премии. Он участник и коллективных трудов – «История русской литературы» (где писал разделы об искусстве) и «История русского искусства».

С началом Великой Отечественной войны – ученый в рядах народного ополчения Васильевского острова – острова Академии наук и Ленинградского университета. Когда ученого по состоянию здоровья отозвали из армии, он, потрясенный зверствами фашистов, сознательно разрушавших и памятники культуры, с особой страстной горечью и преданной любовью писал о древнерусских городах и их судьбе. Н. Н. Воронин разрабатывал проблему реконструкции городов, где до войны сохранялись старинная планировка и древние памятники. В вызвавшей большой общественный резонанс статье «О восстановлении древнерусских городов» («Исторический журнал», 1945, № 3) Н. Н. Воронин едва ли не первым с такой смелой правдивостью написал о «грубых ошибках», совершенных при реконструкции Москвы в конце 1920-х – 1930-х годов, когда были уничтожены замечательные памятники истории и искусства.

Блистательно написанную книгу «Древнерусские города» сам автор определил как собрание 12 «портретов» городов русского средневековья. Другую книгу, вышедшую в том же 1945 г., он посвятил городам Владимиро-Суздальской земли. В этих небольших книгах воплощены новаторские идеи, изложенные в очерке 1944 г. «Главнейшие этапы русского зодчества X–XV вв.», но написаны книги в расчете на самого широкого читателя. Н. Н. Воронин был убежден в необходимости именно такой литературы в год победоносного окончания Великой Отечественной войны и прежде всего воинам, возвратившимся к мирному труду.

Н. Н. Воронин подготовил и первое в нашей научной литературе монографическое исследование государственно-политической истории Владимиро-Суздальской Руси. Владимиро-Суздальское княжество было в XII – начале XIII в. крупнейшим европейским государством. Развитие государственности там

непосредственно предшествовало развитию централизованного государства в России (процесс этот был прерван опустошительным нашествием кочевников во второй четверти XIII в.), а культурное наследие Владимиро-Суздальской Руси – славная страница в истории мировой культуры. Тесно взаимосвязывая явления государственно-политической истории и истории общественного сознания и культуры, Н. Н. Воронин написал замечательную по тем временам монографию «Андрей Боголюбский». Это было первой серьезной попыткой обобщить сведения об этом едва ли не самом значительном государственном деятеле Руси XII в., который в гораздо большей мере, чем его отец, Юрий Долгорукий, был действительным основателем Москвы и других городов в отдаленном от Киева Залесье в 1140–1150-е годы. Написанная в научно-популярной форме книга эта становилась доступной и интересной и самому широкому читателю. Однако работа, набранная уже в виде книги в издательстве Академии наук и одобренная академиком Б. Д. Грековым, не вышла в свет. 19 сентября 1953 г. мне прислали на отзыв труд Н. Н. Воронина с сопроводительным письмом на официальном бланке Редакционно-издательского совета (РИСО), где написали: «Работа была доведена до верстки и рассыпана после получения прилагаемого отзыва тов. Пашуто». Этот отзыв В. Т. Пашуто перевесил и мой, и другие положительные отзывы (находящиеся ныне в личном фонде Н. Н. Воронина)*. Судьба книги, в создание которой он вложил столько души, болезненно отразилась на здоровье Николая Николаевича. С тех пор нервное истощение возвращалось к нему все настойчивее.

* Хотя сейчас этот труд во многом устарел и содержание его в определенной мере поглощено статьями последующих лет самого Н. Н. Воронина, стоит все-таки поставить вопрос об издании книги в том виде, в каком автор ее подготовил тогда к печати. И сопроводить это издание научными комментариями. Ведь издаем же мы снова труды других историков – современников Н. Н. Воронина, тем более что это не только ценный памятник исторической мысли тех лет, но и выдающийся образец исторической прозы.

Снова обобщить наблюдения о прошлом Владимиро-Суздальской Руси Н. Н. Воронину удалось далеко не сразу и лишь в части, относящейся к истории архитектуры, но двухтомный, со многими иллюстрациями фундаментальный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв.» (1961–1962), удостоенный Ленинской премии, стал триумфом ученого. Выдающийся знаток древнерусского искусства, преданный почитатель творчества Н. Н. Воронина, Г. К. Вагнер назвал это исследование «философией русской истории того важнейшего 400-летнего периода, в течение которого формировались основы русской национальной культуры»¹.

Н. Н. Воронин, глубоко изучив историю и культуру Древней Руси (и на Юге – Киевской и Новгородской), убедительно показал, что культура – и прежде всего архитектура Владимиро-Суздальской земли (наиболее сохранившаяся – хотя тоже далеко не полностью – часть великого культурного наследия той эпохи) – наследница этой замечательной культуры XI – первой половины XII в. А сама «владимиросуздальская архитектура и вся художественная культура Северо-Восточной Руси – по определению Г. К. Вагнера – впервые в развернутом виде предстали в качестве основы культуры Московской Руси»². Так первоначальные общеисторические представления летописцев (составителями Лицевого летописного свода времени царя Ивана IV, запечатленные и в миниатюрах), воспринятые начиная с В. Н. Татищева российской историографией XVIII – начала XIX в., основывавшейся преимущественно на памятниках письменности, нашли подтверждение и в памятниках архитектуры и живописи.

С такой же увлеченностью и так же поражая читателей разносторонностью своей эрудиции, Н. Н. Воронин много лет, а особенно в последние десятилетия жизни исследовал памятники письменности и живописи – Слово о полку Игореве и «Слово» Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха, жития святых, памятники русско-византийских отношений. Он воссоздавал творческий образ Андрея Рублева, а в украшенном миниатюрами Житии преподобного Сергия увидел источник для суждений о неутомимой строительной деятельности Ермолиных. Академик Л. В. Черепнин в статье, написанной к 70-ле-

тию ученого, проникновенно заметил: «Когда читаешь одну за другой работы Воронина, посвященные литературным памятникам и сюжетам XII–XV вв., то перед глазами невольно вырисовываются контуры книги, которая органически продолжила бы «Зодчество Северо-Восточной Руси» и, может быть, стала бы третьим томом этого капитального труда. Какое получилось бы чудесное полотно, и памятники зодчества от соседства с литературными произведениями засветились бы еще более ярким светом»³. И не думал ли об этом и сам Н. Н. Воронин, начиная именно такими словами статью 1967 г. «Древняя Русь: история и искусство»: «Тема о связях древней истории русского народа и истории его искусства, конечно, не может быть исчерпана в рамках журнальной статьи. Это тема большой и интересной книги, которая, несомненно, когда-нибудь будет написана»⁴.

Н. Н. Воронин почтал своим долгом в соответствии с лучшими демократическими традициями отечественной науки отдавать силы и популяризации научных знаний, воспитанию любви не только к памятникам культуры, но и к самому процессу ознакомления с этими памятниками, с историей их создания и жизни на протяжении длительного времени. Большое значение он придавал и передаче внешнего облика старинных памятников искусства и истории. Будучи незаурядным фотографом, он запечатлел образ их в разное время года, наглядно показывая неотторжимость здания от окружающей его природной среды. (И у меня дома, у стола, где работаю, уже несколько десятилетий перед глазами большая черно-белая фотография дивного храма Покрова на Нерли в окружении тогда еще существовавших деревьев. Эту им самим сделанную фотографию подарил мне Николай Николаевич. Она и память о душевном человеке, так же как и подаренные после его кончины Екатериной Ивановной Горюновой книги пятого – середины 1840-х годов – издания «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, по которому, уже под наблюдением Д. С. Лихачева и моим, впервые после более чем семидесятилетнего перерыва, – издательством «Книга» в 1987–1988 гг. был воспроизведен репринтным способом монументальный труд нашего великого писателя и историка.)

К людям, которые ему симпатичны, которым он доверял, Н. Н. Воронин относился с особой сердечностью, с внимательной заботой, а если это ученые, то и с требовательным ожиданием ощутимых результатов их творческой работы. Схожим, и потому, возможно, совершенно несовместимым даже с малой долей равнодушия, было и его отношение к памятникам культуры. Он считал себя лично ответственным за их сохранность и судьбу, за их использование, и прежде всего в воспитании историей, в воспитании патриотизма.

Н. Н. Воронин особое внимание уделял той сфере науки и культуры, которую называл краеведением. В его представлении это – широкое понятие, включающее и научные исследования и знание о каком-либо регионе (иногда очень значительном и по территории и по вкладу его в развитие мировой культуры) и охрана памятников истории и культуры, и распространение этих представлений. Характерна для него подпись на первой книге двухтомного труда «Зодчество Северо-Восточной Руси»: «Дорогому Сигурду Оттовичу на добрую память о старом краеведе XI.73. Н. Воронин». Обширная монография, воспринимаемая ныне как классический труд по истории архитектуры в тесной взаимосвязи с историей культуры, представлялась ему и как результат краеведческой деятельности автора. В надписи нет уничтожения данной темы рядом с другими – более широкой проблематики. Именно так широко было понимание Н. Н. Ворониным краеведения, так уважительно его отношение к научной проблематике краеведения и к научным трудам краеведов. (Ссылки на такие работы постоянны в исследованиях Н. Н. Воронина.)

И потому Н. Н. Воронину была особенно дорога небольшая книга «Владимир. Боголюбово. Суздаль, Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли», не раз издававшаяся в нашей стране и переведенная на иностранные языки. В предисловии Н.Н. Воронин писал: «...Мне хотелось бы, чтобы эта книга читалась не в тиши комнаты, положенная в узкий круг света настольной лампы, а под открытым небом, в непосредственном общении с памятниками, у их стен, под их сводами. Мне хотелось бы, чтобы она породила волнение и желание увидеть не только эти – владимирские, – но и другие

древние города великой Русской земли. Поэтому я назвал эту книгу спутником».

Убежденность в необходимости изучения Древней Руси хорошо выражена в слове Н. Н. Воронина у гроба Михаила Николаевича Тихомирова (произнесенном 6 сентября 1965 г.). Он говорил, что М. Н. Тихомиров умел «побеждать не чинами и званиями, а неспоклонной волей ученого, верой в свою правоту, высоким сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского ученого-гражданина. Изучение истории Древней Руси и ее культуры вовсе не “ход в прошлое”, а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра. Народ без прошлого – не народ, страна без прошлого – не родина. И нельзя снова не вспомнить 1941 год, когда мир содрогнулся, услышав слова приказа по Восточному фронту гитлеровского фельдмаршала фон Рейхенау, что “никакие исторические или художественные ценности на Востоке (читай в СССР!) не имеют значения”. Уничтожив прошлое и памятники культуры народов, легче их поработить. Это прекрасно понимали фашистские главы. Этого нельзя забывать и нам...»⁵.

Н. Н. Воронин с особым чувством ответственности писал небольшую обращенную ко всему народу книжку «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», вышедшую немалым по тому времени тиражом – в 25000 экземпляров с иллюстрациями! С волнением ожидал отклика на нее. И, пожалуй, самым значительным и доньше впечатляющим был отклик статья академика Д. С. Лихачева (тогда еще члена-корреспондента АН СССР), открывающий третий номер журнала «История СССР» за 1961 год. Статья, содержащая целую программу охраны старинных памятников – и искусства и письменности, была названа «Памятники культуры – всенародное достояние».

Первый абзац ее такой: «Где бы ты ни жил, читатель, в больших или малых городах или в сельских районах Советской России, если ты любишь свою Родину, свой народ и гордишься его славной многовековой историей, – ты не можешь не любить

вошедших в наши дни из глубины веков памятников культуры прошлого". Этими словами начинается небольшая книжка Н. Н. Воронина "Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства" (М., Изд-во «Искусство», 1960). Кратко, содержательно, просто, с большим увлечением и искренней любовью к русской истории рассказывает Н. Н. Воронин о том, чем ценны для нас памятники культуры прошлого, какую роль должны они играть в воспитании советского патриотизма, об их значении для современного градостроительства, для современного искусства, каково должно быть их место в культуре будущего. Памятники прошлого в наших советских городах – это обширный и неумолкающий лекторий, учащий патриотизму, способствующий эстетическому воспитанию, повествующий о великой роли народа в истории культуры. Забота о памятниках – это забота не только о прошлом, но главным образом, о будущем, о наших потомках, которым они, несомненно, понадобятся. Десятки поколений сохраняли для нас эти памятники, и наш долг передать эту культурную эстафету будущим поколениям.

Призыв Н. Н. Воронина неотлагательно усилить внимание к охранению памятников культуры прошлого должен быть всячески поддержан. Надо обсудить меры для поддержания памятников культуры и вопрос о месте исторических памятников в наших строящихся и перестраивающихся городах, в национальном облике нашей культуры»⁶.

Д. С. Лихачев и далее не раз приводит цитаты из книги Н. Н. Воронина, подкрепляя ими свои суждения: об ухудшении положения с охраной памятников, о неумении увидеть за церковным сооружением прошлых веков его национальной ценности, об особой ответственности современных градостроителей в сохранении памятников культуры. «Призыв Н. Н. Воронина как нельзя более своевременен, – пишет Д. С. Лихачев. – Градостроителям надо прежде всего понять, что сохранение памятников культуры прошлого – дело не их личных вкусов и взглядов, а дело общенародное. Памятники культуры принадлежат народу и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто и через двести лет»⁷.

Конечно, в книге, изданной тридцать лет назад, немало суждений, наборов цитат и фразеологизмов, не только характерных именно для той эпохи, но просто обязательных тогда для обеспечения возможности самого издания подобной тематики. Кое-что может показаться странным, даже наивным. Но не следует упускать из виду, что Н. Н. Воронин – один из первых, кто заговорил о дорогом и для него и для всего народа с такой убежденностью и верой в необходимость этого призыва. И потому об этой книжке полезно напомнить и современному читателю.

Положения эти в той или иной степени Н. Н. Воронин развивал и в последующих своих сочинениях и публичных выступлениях. Основные научные выводы о значении древнерусского искусства для познания истории страны изложены в упомянутой статье 1967 года.

Очень много дают для понимания общественной роли деятельности Н. Н. Воронина материалы его личного архива, находящегося ныне в Государственном архиве Владимирской области. Уроженец города Владимира, Н. Н. Воронин был удостоен чести стать его Почетным гражданином. И хотя он скончался в Москве, прах его похоронен на почетном месте Владимирского кладбища.

В Архиве не только отклики на печатные труды Н. Н. Воронина – и коллег его по научной деятельности, и вовсе незнакомых людей, но и тексты его писем об охране памятников руководителям Коммунистической партии и Советского государства, в редакции газет и журналов, его публичных выступлений.

Н. Н. Воронин выступил на учредительном съезде ВООПИК 9 июня 1966 г. Тогда эта страстная, смелая речь не была напечатана. Но крепко вошла в сознание слушателей; о ней вспоминали даже на пленуме Центрального совета ВООПИК в ноябре 1988 г.

Эти архивные материалы изучает старший научный сотрудник архива Илья Владимирович Ковалев. Его обзорного характера статья «Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н. Н. Воронина» напечатана в Археологическом ежегоднике за 1988 год (М., 1989)⁸.

Эти хранящиеся в архиве сочинения Н. Н. Воронина – памятник его времени, общественного сознания тех лет, показатель того, в каких условиях приходилось писать и действовать ученому-просветителю, страстному и убежденному защитнику и пропагандисту нашего культурного наследия. И можно только поражаться тому, как последовательно старался Н. Н. Воронин, смело обращаясь в самые высокие тогда инстанции, отстаивать свои взгляды, с какой неутомимостью и бесстрашием пытался он убедить в том, что необходимо принять практические меры (с достаточной четкостью и детальностью им продуманные и обоснованные) для защиты памятников нашей культуры и воспитания уважения к ним.

Теперь, когда мы ищем предтеч происходящей ныне перестройки общественного сознания, должно напомнить о тех мастерах и знатоках культуры, которые не боялись и в иные времена открыто действовать и высказывать вслух суждения, созвучные во многом нашему сегодня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ

Эта статья 1990 г. впервые была напечатана в книге 1997 года: Шмидт С. О. «Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии» (М., изд-во РГГУ. С. 467–473) и в настоящем издании перепечатывается без изменений, поскольку может рассматриваться и как историографический источник – показатель восприятия в ту пору творчества и личности Н. Н. Воронина. В последующее время серьезно изучали и историю и культуру Владимиро-Суздальской Руси, и творческое наследие Н. Н. Воронина. Обращались и к материалам его архива. В Археографическом ежегоднике за 1994 год (вышедшем в 1996 г.) напечатана статья работавшего тогда научным сотрудником Государственного архива Владимирской области и готовившего диссертацию об архиве Н. Н. Воронина моего ученика И. В. Ковалева «Судьба книги Н. Н. Воронина “Андрей Боголюбский” (к 90-летию со дня рождения ученого)». В 1994 году была защищена в Российском университете дружбы народов кандидатская диссертация Т. С. Царевой «Культура Владимиро-Суздальской Руси XI – середины XIII в. в творческом наследии Н. Н. Воронина (1904–1976)», научным руководителем которой была профессор Е. В. Чистякова, а я был приглашен выступить официальным оппонентом. Многие архивные документы о судьбе труда Н. Н. Воронина об Андрее Боголюбском опубликованы в книге доктора исторических наук, профессора и заведующего кафедрой исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета Ю. В. Кривошеева «Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование» (СПб., 2003).

В перепечатываемой моей статье высказывалось пожелание издать наконец книгу Н. Н. Воронина «Андрей Боголюбский»,

загубленную рецензентами и редакторами, и, ничего не изменяя в авторском тексте, сопроводить издание научными комментариями. В свое время энтузиаст-краевед, многолетний руководитель Владимирского Фонда культуры И. Г. Порцевская намерена была осуществить это. Но обстоятельства сложились так, что книга издается только теперь. Решение о включении ее в Федеральную целевую программу «Культура России» было принято в год 30-летия со времени кончины автора. Издательство «Водолей Publishers», зарекомендовавшее себя подготовкой к печати литературы научной и историко-культурной проблематики, разработало программу серии «Наследие российских историков» и, соответственно, нормативы серийного издания. Как и первая книга серии – монография о древнерусских миниатюрах видного ученого-гуманитария поколения Н. Н. Воронина, основателя кафедры археологии Московского университета А. В. Арциховского, книга издается без комментариев, но с учетом внесенных автором изменений и дополнений (эта работа проделана в издательстве).

Ю. В. Кривошееву – автору трудов об истории и культуре Владимиро-Суздальской земли – предложено было написать краткое послесловие к нашему изданию, помогающее ориентироваться и в историографии последних десятилетий. Из его книги (СПб., 2003) под новым заголовком перепечатывается раздел о судьбе публикуемой ныне монографии.

Книга Н. Н. Воронина, оставаясь значительным научным трудом о Древней Руси, теперь становится и интересным памятником истории развития исторической мысли и общественного сознания середины прошлого столетия.

24 июля 2007 г.

Советник Российской академии наук,
Академик Российской академии образования
С. О. Шмидт

Андрей Боголюбский.
Реконструкция М. М. Герасимова

Н. Н. Воронин

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Биографии крупных исторических деятелей всегда являются живой частью истории их народа. Они поднимаются над головами предков и потомков потому, что корни их трудов уходят в прошлое, а плоды пожинают не только современники, но и люди последующих лет, а иногда и столетий.

Точно так же и биографию князя Андрея Юрьевича Боголюбского нельзя ограничить хронологическими рамками его жизни. Чтобы понять значение его дел, необходимо знать почву, на которой он строил, прошлые судьбы Владимирской земли и деятельность его ближайших предшественников: деда – Владимира Мономаха и отца – Юрия Долгорукого. Дело, начатое Андреем, его смелые культурно-политические начинания не оборвались с его смертью от рук убийц. Напротив, они были продолжены его братом Всеволодом III и племянником Юрием Всеволодовичем, которые развивали и видоизменяли установленные Андреем порядки вплоть до монгольского нашествия. Таким образом, князь Андрей предстает перед нами как центральная фигура более чем столетия исторической жизни русского северо-востока и Руси в целом: он стоит на глубокой почве прошлого, его дела принимают потомки, неся их сквозь историю своего народа вплоть до создания русского национального государства. Эти общие соображения определяют рамки и самую конструкцию нашей книжки.

Материалом для нее послужил не только обычный состав фактов письменных источников: они очень скудны, еще менее полны и всегда пристрастны. Андрей был так ярок и горяч, что ни современники, ни потомки не могли остаться равнодушными: образ Андрея либо облечен сиянием святости, либо являет-

ся предметом злобной иронии врагов. Настоящий, живой человек скрывается в игре этих контрастов. Раскрытию образа Андрея помогают и другие памятники: произведения архитектуры и искусства, памятники материальной культуры, древние следы современной Андрею жизни в городах, где он жил или бывал: Суздале, Владимире, Боголюбове. Все эти памятники были на протяжении последнего двадцатилетия предметом пристального исследования как автора этих строк, так и его товарищей по теме. Поэтому в тексте встречаются отдельные выводы из предшествующих работ автора или изложение уже известных читателю мыслей.

Обращая свою книгу к читателю, знакомому с историей СССР, автор считал излишним давать здесь общую характеристику феодального строя, его хозяйственных основ и классовой структуры, борьбы крепостного крестьянства и городских ремесленников с феодалами. Книга посвящена более узкой, конкретной теме – деятельности крупнейшей исторической фигуры XII в., «владимирского самовластца» князя Андрея Юрьевича, и судьбе его культурно-политического наследства. Едва ли при этом нужно напоминать читателю, что вся история его жизни, как и его преемников, разворачивается в условиях жестокой и грубой феодальной действительности и что сам Андрей – сын своего времени, полного кровавых насилий и непрерывной борьбы. В его фигуре для нас интересны и дороги не те *общие* черты, которыми он был похож на многих из своих собратьев, а те стороны его личности, которые *отличали* его как передового политического деятеля, противоречили феодальной косности и вели к борьбе с ней за объединение русских сил.

Наконец последнее. Рассматриваемая эпоха XII–XIII вв., как и все восемь столетий истории Древней Руси, проходят под знаком господства религии как главной формы идеологии: «Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности, – замечает Ф. Энгельс, – было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя». В политической деятельности Боголюбского церковный вопрос занимал особенно значительное место: борясь с силами

феодалного распада, поднимая руководящее значение сильной княжеской власти, усиливая политическую роль своей северной земли и ее столицы – Владимира, опираясь на прогрессивные слои своих «молодых» городов, Андрей поставил на службу своему делу и крупнейшую идеологическую силу своего времени – церковь. Владимиру готовилась роль общерусской церковной столицы; с этой целью спешно создавались новые религиозные мифы и «святыни», организовывались их «чудеса», освящавшие дела Андрея, составлялись новые церковно-литературные произведения. Их рассмотрению в нашей книге уделено большое место. «Если во всех этих преданиях и есть что-нибудь достойное нашего внимания, – писал Н. А. Добролюбов о религиозных мифах и народной поэзии, – то именно те части их, в которых отразилась живая действительность. Самые заблуждения, какие мы в них находим, интересны для нас потому, что некогда они не были заблуждениями, некогда целые народы верили им и по ним располагали жизнь свою... Там видна жизнь своего времени и рисуется мир души человеческой с теми особенностями, какие производит в нем жизнь народа в известную эпоху...» Отбрасывая церковно-религиозную шелуху, облакающую эти произведения плотным покровом, мы находим в них золотые зерна исторической действительности, видим крепнущие мысли о национальном единении русского народа, об исторической правоте союза «князь, город, люди», вступившего в обреченную тогда, в условиях XII в., на неудачу борьбу с феодальным хаосом на Руси.

*Владимир – Москва.
1945 – 1946 гг.*

I. РОДИНА

Ростово-Суздальская земля, где родился и вырос Андрей Боголюбский, с которой он связал свою бурную, полную борьбы жизнь и свои широкие политические планы, была в прошлом удаленным краем раскинувшейся по просторам Восточно-Европейской равнины Киевской державы. Эту землю называли «Залесской», так как она была отрезана от днепровского юга дремучими «вятичскими» лесами, начинавшимися от Волги и смыкавшимися на западе с массивом «Оковского» леса, где встречались своими верховьями реки трех великих водных систем – Волжско-Окской, Днепровской и Волхово-Ильменской.

Несомненно, что путь волоками с волго-окских верховий к Днепру был нащупан очень рано, но более прочными были связи Залесья с новгородским северо-западом и волжским «низом», а через него с миром Востока. Наличие кладов арабских монет VIII–IX вв., крупнейший из которых принадлежит Мурому, свидетельствует об этом с достаточной ясностью¹. С Волгой Ростовский край связывало и течение пересекавших его по диагонали двух рек, почти сходящихся своими верховьями около Клещина озера, – Нерли волжской и Нерли клязьменской. Одинаковое название этих рек свидетельствует об их живой связи и движении по ним, представлявшем немалые выгоды как краткий внутренний путь из середины междуречья к его периферии и Волге.

С юга между Суздаlem и Клещиным озером к Нерли клязьменской подходило Суздальское «ополье», обширный безлесный остров плодородного чернозема, привлекавший к себе население с тех пор, как земледелие приобрело существенное значение в его хозяйстве, ослабив интерес к рыбным богатствам

рек и озер и охотничьим дарам среднерусских лесных дебрей.

Этнографическое введение «Повести временных лет» помещает в районе двух великих озер волго-окского междуречья, Неро и Клещина, финское племя – меря². Но меря не была единственным хозяином этого края. Длительный процесс этногонии, протекавшей в I тысячелетии н. э., породил в верхнем Поволжье два этнических массива: в верховьях Волги до Ярославля оформляется восточная ветвь славянского племени – кривичи, в районе же озер и Костромского Поволжья – одно из финских племен – меря³. Память об этом племени сохранилась не только в этой географической справке летописца, но и в упоминании о том, что меря, наряду с кривичами, была обложена данью варяжскими дружинами (859 г.), участвовала в ликвидации варяжских бесчинств (862 г.) и в походах Олега на Киев (882 г.) и Царьград (907 г.). Далее имя этого племени исчезает со страниц летописи. Впрочем, в дальнейшем, в частности во времена Владимира Святославича киевского, при подобных случаях перечня северных племен, наряду со словенами и кривичами мы встречаем упоминание чуди, имя, которое, возможно, обозначало вообще все нерусские племена севера, уже терявшие свои частные племенные особенности, но еще не слившиеся с русским населением⁴. Археологические данные свидетельствуют о значительной близости культуры мери со славянской, что, по видимому, способствовало быстрому ослаблению культурных и этнических различий между этими двумя племенами. Преобладание славянского начала подкреплялось усилившейся к концу I тысячелетия н. э. кривичской и словено-новгородской колонизацией Поволжья.

Древнейшие сведения летописи о городах северо-восточной Руси называют здесь Ростов, Муром и выдвинутое на далекий заволочский север Белоозеро. Летописное сказание о захвате Киева Олегом приписывает ему начало строительства городов и организации даннического обложения Киевом и севера «по всей земли рустен: словеном, и кривичем и мери» (882).

Из Олегова договора с греками 907 г. известно, что в Ростове сидел князь, находившийся в зависимости от Олега. Далее,

на протяжении почти всего X в. Залесье выпадает из поля зрения летописца. Лишь под 988 г. летопись сообщает о распределении владений между сыновьями Владимира Святославича, по которому в Ростове сначала сел Ярослав, а за ним Борис, в Муроме же правил Глеб. Это известие, вызывавшее сомнение у А. А. Шахматова, весьма правдоподобно⁵.

Далее, если справедливо отнесение похода Владимира Святославича 985 г. на болгар к болгарам волжским, то в конце X в. мы вновь видим интерес Киева к своим удаленным поволжским землям, а договор Владимира с болгарями 1006 г. о беспрепятственной торговле болгарских и русских купцов во всех русских и болгарских «градах» может указывать на наличие «большого количества «городов» и в смежной с Болгарией Ростовской земле⁶.

Ростово-Суздальский край и в начале XI в. продолжал оставаться для юга глухой стороной. Если для Киева своего рода «медвежьим углом» был Псков, куда в 1034 г. был заточен брат Ярослава Судислав, то для Новгорода такую роль играл Ростов, куда тот же Ярослав в 1019 г. сослал опального новгородского посадника Константина Добрынича, убитого тремя годами позже в Муроме⁷. Неясные отзвуки древних событий, сохраненные в народных легендах, говорят о столкновениях южных пришельцев с местным населением; так, якобы князь Глеб, посланный Владимиром в Муром, вынужден был поселиться вне города «еще тогда неверни быша людие и жестоцы, и не прияша его к себе... и сопротивляхуся ему»⁸.

Археологические памятники XI–XII вв. – курганные могильники, городища, селища – рисуют нам уже почти сплошное русское население Ростовской земли. Лишь кое-где наличие среди славянского инвентаря курганов, характерных для мерянского костюма «шумящих привесок» и других предметов или изредка встречающиеся рядовые «финские» могильники говорят о старых пережитках или островках мерянской культуры среди основной массы русского населения⁹.

Район течения обеих Нерлей, приозерный край, а также черноземное «ополье» были особенно густо заселены. Здесь рано начало развиваться и играть главную хозяйственную роль пахенное земледелие и появились крупные сельские поселения,

оставившие обширные курганные могильники, тогда как в экономике более северных лесных районов Поволжья и Заволжья продолжали господствовать скотоводство, охота и рыбная ловля¹⁰. На этой почве стойко держались и архаические патриархальные порядки и старое язычество, еще не затронутое здесь христианской пропагандой. Если доверять поздней версии жития ростовского епископа Леонтия, действовавшего во второй половине XI в., население края еще в это время оставалось двуязычным – к общению с ними и приготовился Леонтий: он «русский и мерьский язык добре умеяше»¹¹.

Однако местный процесс феодализации общества делал быстрые успехи, внося глубокие перемены в жизнь сельских общин. Он ощущается и в археологических памятниках X–XI вв. Так, например, большой курганный могильник на восточном берегу Клещина озера, около села Большой Бремболы, состоит из нескольких смежных кладбищ: «круглицы» – 100 насыпей, «княжие могилы» – 45 насыпей, особо 2 кургана, называемые «паны», и в соседстве с ними 200 небольших курганов под названием «могилки». Отраженное в народных названиях социальное различие погребений соответствует более богатому инвентарю «княжих могил», в которых встречаются ножи с обвитыми серебряной проволокой рукоятями, секиры, богатые украшения, монисты, кости коня¹².

Особенно резко этот процесс социального расслоения ощущался в районах, связанных с водными торговыми артериями, где патриархальный уклад взрывался выделением зажиточной господствующей верхушки – «старой чади». На нее опиралась и установившаяся с X в. система даннического обложения севера югом, находя в лице «старой чади» свою низовую агентуру и углубляя классовое расслоение местного общества.

Отмеченная летописью острая вспышка народного протеста – восстание в Суздальской земле 1024 г. освещает глубину и своеобразие этого процесса. Восстание было поднято смердами во главе с языческими волхвами в связи с охватившим землю голодом. Восставшие избивали «старую чадь», которая якобы держала в своих руках общинные запасы хлеба и продуктов и усиливала голод. Часть людей пустилась вниз по Волге к бол-

гарской земле и привезла оттуда пшеницу и хлеб, что облегчило положение. Услышав о восстании, сюда спешно прибыл с дружиной из Новгорода князь Ярослав Мудрый. Виновные в избиении «старой чади» и ограблении ее домов были схвачены и казнены. «Старая чадь» была взята под твердую защиту княжеской власти. По словам летописи, Ярослав «устави ту землю», т. е. подтвердил и узаконил крепнувшие здесь отношения господства и подчинения.

«Ярослав, – замечает Б. Д. Греков, – конечно, не мог “устанавливать” Суздальскую землю иначе, чем была “установлена” вся Русская земля, т. е. через укрепление здесь, а в некоторых местах и введение заново норм “Русской Правды”. Ему необходимо было напомнить, а может быть, кое-где и впервые сообщить о карах, налагаемых государственной властью за всякого рода правонарушения. Ведь “Русская Правда” и в Поднепровье, и в Поволжье своим острием направлена была против всяких попыток народной массы нарушить установленный властью режим. Ярослав, вероятно, очень энергично ознакомил Суздальскую землю с законом, посящим его имя»¹³.

По-видимому, в том же 1024 г. в Поволжье был «основан» город Ярославль, имя которого мы снова услышим через 47 лет и опять-таки в связи с еще более грозным восстанием смердов. Донесенные до нас позднейшей письменностью сказания о начале феодального Ярославля рисуют ожесточенную борьбу местного славянского населения с дружиной Ярослава, архаический быт предшествовавшего княжескому городу поселка, носившего имя «Медвежий угол», и наличие здесь и в верхнем Поволжье XI в. вообще глубоких пережитков тотемистических верований, в частности медвежьего культа¹⁴.

Новое восстание смердов в Залесье отмечено летописью под 1071 г. Его вождями были снова «волхвы лживые», которые возглавили мятеж в Ярославле и с отрядом восставших в 300 человек прошли по берегам Волги и Шексны до далекого Белоозера, громя в поволжских погостах «старую чадь», убивая «лучших жен», державших жито, мед, рыбу, меха и другие богатства и усиливавших бедствия «скудости» голодного года. В Белоозере оказался со своей дружиной боярин черниговского князя Свя-

тослава Ян Вышатич, собиравший здесь дань в сопровождении священника, может быть, ведшего какую-то миссионерскую работу и убитого во время сражений дружины с повстанцами. Разгромив восстание, Ян отдал его вождей-волхвов на расправу родичам убитых «лучших жен», которые и «мстили своих» по законам родовой мести, повесив трупы убитых волхвов на дереве, где их якобы в ту же ночь и сожрал медведь.

Таковы полные колоритных этнографических и исторических подробностей рассказы летописи о восстаниях смердов, рисующие нам и сложную борьбу формирующихся классов и сплетение старого и нового в быту народных масс Поволжья.

Как можно заключить из этих рассказов, древнейшие крестьянские восстания Ростовской земли были связаны с Волгой, где волжская торговля ускоряла расслоение сельских миров, разъедавая их целостность ростом имущественного неравенства. Процесс этот начался, конечно, много раньше XI в., он был обострен даннической эксплуатацией X столетия, которая нашла свою опору в господствующих слоях общины и «старой чади». Эти бывшие «лучшие люди» общины превращались теперь в угрозу общине, узурпируя общинные запасы продовольствия, создававшиеся, по-видимому, для культовых надобностей, используя их для закабаления общинников, а затем и для уплаты дани. Какую-то роль во владении этими запасами играли «лучшие жены» – «большухи» семей «старой чади», можно предполагать, что и сама земля уходила из рук общинников во владение «старой чади». Защита этих новых хозяев общины князем и его дружиной лучше всего показывает, какое значение имели они в деле упрочения даннической системы. Волхвы проповедовали возврат в «золотой век» патриархальной старины, утверждая, что избиение «лучших жен» вернет «обилие» земле; они звали и к верности языческим богам. В XI в. мы и наблюдаем оживление медвежьего культа, старого погребального обряда сожжения и ряда языческих обычаев.

Восстания крестьянских масс северо-востока были результатом быстрого и глубокого процесса феодализации, шедшего как изнутри местного общества, так и извне – путем энергичного подчинения края власти южных князей. Это был острый и

коренной перелом в жизни Залесья, большой скачок вперед в его историческом развитии. Симптомом его и явились «мятежи» смердов, попытавшихся вступить в борьбу с неумолимым ходом истории.

Субъективно-реакционные по своим устремлениям, эти восстания тем не менее сыграли определенную прогрессивную роль в истории Залесья: они способствовали сплочению в единый господствующий класс княжой дружины и местной «старой чади» и знати, ускорили переход от аморфной даннической эксплуатации населения к отношениям феодальным; смерды Залесья впервые получили кровавый предметный урок феодального права, утверждавшего их бесправие; наконец, эти восстания показали необходимость новой прочной организации княжеского владения на севере, который явно угрожал порвать слабые нити даннических обязательств¹⁵.

Основными опорными пунктами княжеской власти на севере, как и на юге, были города. К сожалению, древнюю историю залесских городов мы знаем преимущественно по скудным указаниям письменных источников, которые называют здесь древний центр времен Олега Ростов, северное Белоозеро и восточный Муром.

Ростов, как предполагают, имел своим предшественником древнее городище VIII–IX вв. на р. Саре, где уже тогда концентрировалось ремесленное славяно-мерянское население¹⁶. Когда город переместился на берега озера Неро, мы не знаем, но несомненно, что в XI – XII вв., а может быть, уже и в X в., он стоял на своем теперешнем месте.

Суздаль, впервые упомянутый в связи с восстанием смердов 1024 г., сейчас постепенно раскрывает свою археологическую биографию IX–X вв. В это время он, по-видимому, представлял совокупность нескольких поселений сельского облика с центральным укрепленным поселком на месте нынешнего Кремля, в крутой излучине р. Каменки¹⁷. Его положение в зоне черноземного, густо населенного «ополья» поднимает его экономическое и политическое значение – он становится почти равным старому Ростову, и его имя вскоре входит в наименование Залесья «Суздальской» землей¹⁸.

Очевидно, до вокняжения Юрия Владимировича, а может быть, и его отца – Владимира Мономаха на берегу Клещина (Переславского) озера был основан городок Клещин, охранявший район нерльских верховьев и сохранившийся ныне в виде небольшого городища с полустертыми временем валами¹⁹.

На Волгу был выдвинут Ярославль – хорошо укрепленный город на стрелке, при впадении в Волгу Которосли, несущей свои воды из-под Ростова. Возможно, что современен Ярославлю и городок Коснятин, закрывающий вход с Волги в волжскую Нерль, может быть, основанный сосланным в Залесье новгородским посадником Константином (Коснятином). По-видимому, к X – XI вв. относится возникновение поволжских городов Углича и Костромы. За Волгой, в лесных дебрях, обосновались города Галич-Мерский (мерянский) и Судиславль, напоминающий нам об имени сосланного в Псков Ярославова брата Судислава.

По-видимому, к городам края стремилось не только ремесленное население, но и быстро набиравшая силу местная сельская знать, частью уходившая из погостов, выталкиваемая оттуда нарастающими противоречиями с общинниками. Усадьбы знати возникали и под городами: в народной памяти сохранилось воспоминание о выстроенном под Ростовом укрепленном жилище ростовского «храбра» – былинного богатыря Александра Поповича, которое окружал «соп», т. е. земляной вал²⁰. Так с городами связывалась старая ростовская знать, история которой, может быть, уходила ко временам походов Олега на Киев и Царьград в X в., откуда «лучшие мужи» Залесья возвращались обогащенные добычей и новыми впечатлениями и навыками от общения с дружиной и двором киевских князей.

В городах эта боярская знать не оставляла своих властных обычаев и порядков, враждуя между собой и притесняя горожан – ремесленников и торговцев, стремясь превратить их в «своих» людей. Избегая неволи, некоторые горожане покидали насиженные места и уходили на новые. Возможно, таково происхождение нового городского поселения на р. Клязьме, которое вскоре получит имя Владимира²¹. Расположенные под городом курганы, находки в его соседстве арабских и западных

монет VII – XI вв. позволяют думать, что это поселение на пути из Суздаля в Муром существовало уже в начале XI в.²² Еще в XII в. спесивые ростовские бояре презрительно называли владимирцев своими смердами и холопами, а по производственному признаку – пахарями, плотниками и каменотесами, а сами владимирцы, став к этому времени столичными жителями, именовали себя «мизинными», т. е. маленькими, социально незначительными людьми²³. При этом, как можно судить по последующим событиям XII – XIII вв., позиции старого боярства были прочнее в древнем Ростове, где, видимо, установились твердые аристократические традиции. В более молодом по своей политической биографии Суздале боярское влияние было несколько слабее, и иногда поднимала голос народная масса. Владимир же, считавшийся молодым «пригородом» Ростова, аристократических традиций почти не имел.

Так города Залесья уже в раннюю пору своей жизни становились новым узлом социальных противоречий между старой знатью и горожанами, которые сыграют крупную роль в последующей истории русского северо-востока.

Интерес киевского княжого дома к далекому Залесью усиливается во второй половине XI в. Этот край привлекает к себе своими нетронутыми богатствами, удаленностью от беспокойной кочевой степи, близостью к Волжскому торговому пути и сравнительно густой населенностью. После смерти Ярослава в 1054 г. происходит раздел Киевской державы между его сыновьями. Старший, Изяслав, получает Киев и Новгород; Святослав – Чернигов и обширный комплекс земель на востоке от далекой Тмутаракани до земли вятичей, Рязани и Муром; Всеволод, вместе с княжеством Переяславля Южного в Киевской земле, получил во владение Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Остальные братья получили сравнительно небольшие владения. Земли Святослава и Всеволода, смыкавшиеся на Оке, по-видимому, не имели точных границ: Святослав собирал дани в Белоозерском крае еще в 1071 г. Можно думать, что волостью Всеволода Залесье стало лишь после смерти Святослава в 1076 г., а до того оно тянуло к Новгородской земле²⁴. Позже, в конце XI в., спор о северных владениях вызвал первую на северо-вос-

токе кровавую усобицу. Но пока владельческие права Всеволода не подвергались сомнению, в Залесье началась значительная деятельность по упрочению здесь княжеской власти, и прежде всего развернула свою работу церковь²⁵.

Первый ростовский епископ, воспитанник Киево-Печерского монастыря Леонтий²⁶, хорошо подготовленный к миссионерской деятельности в сложной среде волновавшегося Залесья, столкнулся с упорным сопротивлением местного языческого населения в Ростове. Ему, по-видимому, приходилось даже покидать город: жители «изгнаша его вон из града», бывало и так, что «устремляшеся невернии на святопомазанную его главу они с оружием, они с дреколиемь, яко изгнати из града и убити». Эти сведения позднейшего Жития Леонтия согласуются с твердым указанием владимирского епископа Симона о том, что этот ростовский епископ был убит язычниками²⁷. Весьма вероятно, что гибель Леонтия была связана с восстанием смердов 1071 г. Народные массы пытались сопротивляться цепко опутывавшим их и проникавшим в самые норы их быта щупальцам феодальной церкви.

Легендарные данные, донесенные поздним житием Авраамия ростовского, деятельность которого В. О. Ключевский относил ко времени после гибели епископа Леонтия, рисуют Ростов и в это время стойким в язычестве. Здесь был еще выделявшийся и своим этническим составом «Чудской конец» и якобы стоял каменный идол Велеса, с которым и вступил в борьбу Авраамий; по легенде, основанный им монастырь «множество зла подъят от неверных»²⁸. В форме острой борьбы язычества и христианства находило свое выражение сопротивление народных масс быстрому наступлению феодальных порядков, которые освящала и упрочивала церковь.

Преемник Леонтия на ростовской кафедре епископ Исаия (1077–1090) продолжал миссионерскую деятельность на севере. Особое внимание он обратил на Суздаль. Постриженник Киево-Печерского монастыря, затем бывший игуменом в киевском Дмитриевском монастыре Исаия, по-видимому, и был основателем Дмитриевского монастыря и Печерского подворья в Суздале²⁹, пользовавшегося заботой и вниманием митрополи-

та Ефрема. В Муроме в это же время уже существовала церковь Спаса.

Сложность разгоравшейся классовой борьбы увеличивалась тревожной внешнеполитической обстановкой. Постепенный рост сил Ростово-Суздальской земли, очевидно, беспокоил соседей. В 1088 г. волжские болгары напали на прикрывавший Суздальщину с востока Муром и сожгли его. Рост будущего Ростово-Суздальского княжества тревожил также и соседние русские земли: оно росло на важнейших торговых артериях Восточной Европы, и было не ясно, куда направит оно свои силы и как определит свое положение в системе феодальной Руси.

Такой была Ростово-Суздальская земля к концу XI в., когда она стала владением деда Андрея Боголюбского – Владимира Мономаха.

II. ДЕД

Всеволод, кажется, ни разу не посетил своей северной вотчины. Во всяком случае летописи молчат об этом. Но Владимир Мономах, получивши по смерти Всеволода в 1093 г. отцовскую волость, неоднократно бывал здесь. Первый из его 83 «великих путей» еще при жизни отца вел сюда. «Первое к Ростову идох сквозе вятичи посла мя отец» – рассказывает он в своем «Починении». Эту поездку датируют 1072 годом. Можно догадываться, что она была связана с поволжским восстанием смердов 1071 г. и убийством ростовского епископа Леонтия. В отличие от Ярослава, который в 1024 г. успел застать мятеж в самом разгаре и учинить расправу, Мономах прибыл на север лишь на другой год. Первоочередность трудной поездки с юга на север показывает, что установление прочной княжеской власти в этом беспокойном крае представлялось делом неотложным, но нелегким и требовавшим личного ознакомления с землей и ее городами¹.

Став в 1093 г. владельцем Залесья, Мономах решил послать сюда одного из сыновей. Рассказ «Печерского патерика» о варяге-дружиннике Георгии Шимоновиче свидетельствует, что «бысть послан от Владимира Мономаха в Суздальскую землю сий Георгий. Дать же ему [Владимир] на руже сына своего Георгия»². Это был еще ребенок, родившийся около 1091–1092 г. Его матерью была вторая жена Мономаха, дочь погибшего в Гастингской битве последнего англосаксонского короля Гарольда – Гита, эмигрировавшая от преследования Вильгельма Завоевателя в Данию³. Юрий Владимирович, основоположник рода северо-восточных князей XII в., отец Андрея Боголюбского и Всеволода III, попал в Суздаль вместе со своим пестуном-варя-

гом около 1095 г., имея отроду три-четыре года. Фактическим правителем края был Георгий Шимонович.

В это время с юга надвигалась гроза.

Распад Киевской державы и усиление центробежных сил новых феодалных княжеств вели к хроническим войнам между ними за захват чужих городов и земель, за расширение своих владений. Эти феодалные войны сразу же захватили и Суздальщину.

В конце XI в. в Поднепровье вспыхнула усобица из-за вотчины князя Олега Святославича – Чернигова, отданной Владимиру Мономаху. В 1094 г. Олег пришел с половцами из Тмутаракани к Чернигову и осадил его. Владимир, не желая продолжать опустошение половецкими ордами Русской земли, пошел на мир. В организованном киевским князем Святополком и Мономахом походе 1095 г. на половцев Олег не принял участия. В это время младший сын Мономаха Изяслав, сидевший в Курске, вторгся в муромо-рязанские земли Олега и захватил Муром. В следующем году Олег отказался приехать в Киев к Святополку и Владимиру для переговоров об организации обороны от половцев и был изгнан из Чернигова; затем он получил войско у своего брата, смоленского князя Давида, и двинулся на Муром. Изяслав собрал воинов из Ростова, Суздаля и Белоозера, но битва под Муромом в сентябре 1096 г. была выиграна Олегом, а сам Изяслав был убит в бою.

Олег не ограничился возвратом Муромом. Он арестовал оставшихся дружинников Изяслава и быстро двинулся на Суздаль. Город, не ожидавший нападения, пал; Олег захватил и выслав из города приверженных Мономашичам бояр, конфисковал их земли и так же стремительно овладел Ростовом. В городах Залесья сели Олеговы посадники и начался сбор дани по всей земле. На защиту ростовских владений двинулся из Новгорода старший сын Мономаха Мстислав, за год перед тем сидевший сам в Ростове. Еще из Новгорода он обратился с посланием к Олегу и отцу с предложением мира. Однако Олег ответил отказом, рассчитывая вскоре двинуться на Новгород; но быстрое приближение полков Мстислава сорвало широкие планы Олега.

Мстислав встретил сторожевые отряды Олега далеко от Ростова, на реке Медведице, захватив их и встреченных по пути Олеговых данщиков в плен. Олег отступил к Ростову, а затем к Суздалью, но вынужден был оставить и его. Он сжег Суздаль так, что в нем уцелела лишь стоявшая за рекой церковь Димитрия и двор Печерского монастыря⁴. Сидя вместе с малолетним братом Юрием, варягом Георгием и дружиной в испепеленном Суздале, Мстислав писал Олегу и отцу, прося их смириться: «Ладимся и смиримся, а русские земли не погубим»; от Олега он требовал возврата плененных им суздальских и ростовских бояр. Мономах ответил знаменитым посланием к Олегу⁵, в котором прощал ему гибель своего сына Изяслава, просил отпустить его вдову, предлагал порешить миром кровавый спор, причинявший страдания земле: «оже ли кто вас не хочет, добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира на оном свете души его... не хочу я лиха, но добра хочу братьи и Русьской земли». Олег сообщил о своем согласии на мир, и Мстислав распустил свою дружину по селам. Но это было лишь вероломство: Олег перешел в наступление, оказавшись неожиданно поблизости на Клязьме; в два дня Мстислав вернул из сел дружинников и стал под Суздалем. Так они стояли 4 дня, пока не подоспела посланная Мономахом помощь – русско-половецкий отряд под командованием Мстиславова брата Вячеслава. Увидев во время сражения стяг Мономаха, войска Олега дрогнули и побежали. Мстислав преследовал скрывавшегося Олега в Муроме и Рязани, изгнал его оттуда и выручил заточенных там Олегом ростово-суздальских бояр. Так закончилась первая крупная феодальная война на северо-востоке⁶.

Любечский съезд князей 1097 г., собранный «на устроение мира», потрясенного ушибцей Олега, выдвинул общее положение, предотвращающее «которы» – «каждо да держить отчину свою»; здесь было подтверждено и право Владимира Мономаха на «отчину Всеволожою», – т. е. Переяславль-Южный с Ростово-Суздальской землей. Принцип раздробления Руси был признан совершившимся фактом. Ушибца Олега содействовала уточнению границ северо-восточных волостей⁷.

В свете подробностей летописного рассказа об усобице 1096 г. перед нами встают уже достаточно ясные очертания местных общественных сил Ростовской земли. Мы видим прежде всего местную знать – ростовских, суздальских и белоозерских бояр и дружинников, владеющих землей и селами, откуда они собираются, по зову своего князя, на защиту земли. Феодалное землевладение сделало большой шаг вперед: в гуще сельского мира росли богатые имения местной знати. Эти землевладельцы уже определили свою связь с той или другой княжеской линией – ростово-суздальская аристократия пока держится Мономашичей, муромцы поддерживают Святославича Олега. Едва ли, однако, эта приверженность была прочной, определяясь главным образом реальной силой княжеской власти.

По-видимому, и среди самой местной аристократии уже были крупные и влиятельные роды, которые пытались подняться над остальными. Житие Авраамия ростовского упоминает о многочисленных «ростовских князьях», а поздняя легенда о «князе Петре», пытавшемся водвориться в Муроме, рассказывает о сопротивлении, возглавленном боярами; «кий-ждо бо от бояр во уме своем держаше, яко сам хочет самодержцем быти»⁸. Другая муромская легенда, имеющая в своей основе, по-видимому, сказания о брате Олега Ярославе Святославиче, также рисует сопротивление местного населения водворению князя и его дружины и христианизации. Эти припоминания легенды находят отклик в летописной записи о вооруженном столкновении Ярослава в Муроме с мордвой в 1103 г. и его поражении⁹.

Эти поздно оформившиеся сказания дают в обозначениях позднейшей политической терминологии весьма правдоподобную картину внутренней борьбы между отдельными владетельными родами местной знати и позволяют судить о завязывавшихся противоречиях между дотоле вольными владельцами земли – старыми боярами и княжеской властью.

Через четыре года после Любечского съезда, зимой 1101–1102 гг. Мономах совершает вторичную поездку в Ростовскую землю. Он верен своему правилу входить во все самому, что было особенно уместно после опустошения севера усобицей Олега и

при управлении краем руками регента при малолетнем князе – варяга Георгия, ставшего ростовским тысяцким.

Мономах пристально всматривался в жизнь Суздальщины, и, может быть, многое из его размышлений, вылившихся в «Поучении», написанном в третий приезд в Ростов в 1106 г., родилось во время долгих переездов с юга на север и раздумий в глуши. «Поучение» и начинается с воспоминания эпизода, происшедшего на Волге, где Мономаха нашли «слы от братьи», звавшие его на новую усобицу и нарушение междукняжеского мира, направленные против Василька Ростиславича.

Опыт борьбы с вторжением Олега поставил на очередь вопрос об укреплении подступов к Суздалю с востока. Готовя свой вероломный удар по Суздалю, Олег останавливался на Клязьме. Этот серьезный водный рубеж и был избран Мономахом для постройки крепости.

Начиная от устья Нерли, вверх по течению Клязьмы ее левый берег вздымался рядом высот, образовавших как бы гряду обрывавшихся к югу холмов. Наиболее высокий из них, хорошо прикрытый оврагами с востока и запада и рекой Лыбедью с севера, был уже занят торгово-ремесленным поселком. Здесь в свой последний приезд на север, зимой 1108–1109 гг., Мономах сооружает мощные земляные валы с рублеными стенами и башнями и дает крепости свое имя – Владимир. Может быть, угадывая проницательной мыслью будущие судьбы этого города, Мономах основывает рядом с ним на живописных высотах, расположенных к западу от крепости, свой княжеский двор и строит на нем небольшую каменную церковь Спаса. В древней топонимике города звучат припоминания о «матери городов русских» – Киеве: Лыбедь, Почайна, Ирпень, Печерный город. Общим своим расположением Владимир также напоминал киевские высоты над Днепром¹⁰. Подобно киевским «дебрям» и княжескому «зверинцу», простиравшему свои зеленые чащи на юг от города, к западу от Владимира шел дремучий сосновый бор, сохранявший до недавнего времени имя «Георгиевского» и, может быть, являвшийся в древности заповедным лесом Мономахова сына, князя Юрия.

По-видимому, в самом конце XI в. Мономах построил в Суздале большой каменный собор, следовавший образцу «великой церкви» – Успенского собора Киево-Печерского монастыря. В Ростове, по свидетельству «Печерского патерика», был также выстроен каменный собор. Однако ряд летописей, сообщая о пожаре Ростова в середине XII в., называет сгоревший собор Ростова дубовым, относя его постройку ко времени киевского князя Владимира Святославича¹¹. Возможно, что при Мономахе каменный собор был создан только в Суздале, который уже в это время выдвигался на первый план, оттесняя Ростов. Эти большие храмы были призваны стать основными центрами христианизации края; с их сооружением церковь приобретала прочную базу для своей деятельности. Раскопками в Суздале были обнаружены остатки кирпичных стен величественного, роскошно украшенного фресковой росписью собора, созданного при участии самого митрополита Ефрема. Собор вздымал свои стены и купола среди полуземляночных жилищ горожан, тесных и темных, являвших разительный контраст огромному, залитому светом пространству собора¹². Самый художественный эффект этого каменного храма, несомненно, оказывал сильное воздействие на сердца и воображение «нsverных людей», с упорством которых столь долго боролись епископы и миссионеры. Помимо этого, начало каменного строительства было крупным вкладом в культуру Суздальской земли, – горожане впервые знакомы с каменным зодчеством, гончары учились изготовлению кирпича киевского типа, новые эстетические представления были вестниками великой культуры Киевской Руси, которую могучая рука Мономаха решительно внедряла в городах Залесья.

Но это было лишь началом работы, которую продолжали уже наследники Мономаха. Сам он более не касался дел Суздальщины. В 1113 г. он по приглашению киевлян занял киевский престол. Своим авторитетом в среде русских князей, своей мудрой военной и дипломатической работой он смог временно задержать начавшееся ослабление Киева и поднять властный приоритет киевского престола. Он сурово карал сопротивление князей, пытавшихся играть самостоятельную роль; даже

Великий Новгород признал его волю, а на границах Киевской земли уstraшенные ударами дружин Мономаха половцы надолго прекратили свои опустошительные набеги. Образ Мономаха и его пример были по-разному оценены его сыном и внуком.

Росший Суздаль представлял в это время картину противоречивого сочетания старого и нового. Мощный вал смыкал свое земляное кольцо вокруг княжеского центра города и его монументального собора. Далее теснились, подобные холмам курганов, кровли полуподземных жилищ горожан и отдельные бревенчатые хоромы знати. Вне валов шли поселки полугородского типа. За рекой Каменкой обособленной группой стояли строения Дмитриевского монастыря, а дальше к юго-востоку, над речкой Мжарой, лежал курганный могильник¹³.

Такова была обстановка города, в котором рос сын Мономаха Юрий и старел его воспитатель, варяг Георгий, живший воспоминаниями о блеске Киева.

III. ОТЕЦ

Если бы перед историком была поставлена задача дать очерк деятельности Юрия Владимировича как ростово-суздальского князя, историк оказался бы в трудном положении: о Юрии как правителе Северо-Восточной Руси мы почти ничего не знаем. Можно сомневаться, повинен ли в этом сам Юрий, или же до нас полностью не дошли, хотя и небогатые, первичные ростовские летописные записи о его времени, тогда как южные и новгородские летописи осветили сравнительно полно, но и очень взволнованно и, вероятно, иногда пристрастно его деятельность на юге, и в особенности кровавую эпопею войн за Киев. Чтобы понять многие стороны государственной деятельности Боголюбского и оценить их значение, мы должны со значительной подробностью осветить правление его отца и предшественника на владими́ро-суздальском столе. Только при таком детальном рассмотрении всех противоречивых и сложно переплетенных дипломатических и военных предприятий Юрия с наибольшей полнотой вскрывается их действительное значение. В извилистом ходе многолетней усабицы из-за киевского стола яснее выступает и характер самого Юрия, доставивший Андрею много поучительных наблюдений для формирования его собственно его взгляда на жизнь.

Юрий рос, не видя отца. Старый обрусевший варяг Георгий был его пестуном и воспитателем. Возможно, он своими рассказами вырастил в Юрии мечту о златокованом княжеском престоле Киева, о его богатствах и многолюдности, стремление к днепровскому югу и некоторое равнодушие к жизни и нуждам своей северной земли. Он воспитывался на идеалах уходящей в прошлое Киевской Руси, оставаясь чуждым новым прин-

ципам жизни и требовательному образцу князя-хозяина, заботливого, неутомимого строителя своей земли и «печальника» о ее нуждах, который складывался в делах и отлился в знаменитом «Поучении» Мономаха. Может быть, именно к сыну Юрию и относились слова Мономахова «Поучения», что иным «не любя будет грамотица сия»¹.

Окружавшая князя и тысяцкого местная знать была чужда общерусским интересам, она жила даже не столько интересами всего Залесья, сколько своих владений. Портрет суздальского боярина Василия, нарисованный в одном из рассказов «Печерского патерика», передает облик этой среды, далекой от мысли о судьбах Руси, привязанной к своей Залесской земле, холодно относящейся и к церковному строительству княжеской власти².

Давняя изоляция Суздальщины от Киевской земли сказывалась и в XII в. Люди того времени все еще противопоставляли русский северо-восток киевскому югу, который и именовался собственно «Русью», «Русской землей». Когда суздальский или ростовский боярин ехал в Киев, о нем говорили, что он поехал в «Русскую землю»; когда в ростово-суздальское Залесье приезжал купец или посол из Поднепровья, – говорили, что приехал человек «из Русской земли». В сознании людей XII в. Суздальщина была особой «Суздальской» землей, «Суздальской Русью».

В 1107 г. русские войска на юге нанесли поражение половцам под Лубнами; заключенный мир предполагали упрочить брачными связями. Мономах вместе с Олегом и Давидом поехали сватать ханских дочерей и «поя Володимер за Георгия Аепину дщерь Асеню внуку»³. Мономах привез половецкую княжну в Суздаль, где она стала женой Юрия, которому тогда было 16–17 лет.

Кроме муро-рязанской опасности, которая дала себя знать во время усабицы Олега, в конце XI в. ясно обрисовался и другой, не менее опасный противник Суздальской земли – волжские болгары. Возможно, что женитьба Юрия суздальского на половчанке из дома хана Аепы имела в виду закрепление союзных отношений с половцами для борьбы с болгарями. В год свадьбы Юрия, в 1107 г. болгарские войска неожиданно напали на Суздаль: «В се же лето, – читаем в летописи, – чудо сътвори бог

и святая Богородица в Суждалстен земле. Приидоша Болгаре ратью на Суждаль и обьступиша град и много зла сътвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от крестьян. Сущии же люди во граде, не могуши противу их стати, не сущю князю у них, на молитву к Богу обратишся и к пречистой его Матери покаянисм и слезами и затворишся во граде. И всемилостивый бог услышав молитву их и показание: якоже древле Ниневгитяне помилова, тако и сих избави от бед: ослепиша бо вся ратныа Болгары и тако из града изшедше всех избиша»⁴. Нападение было, видимо, неожиданным, так как Суздаль не был готов к нему: в городе не оказалось в это время и Юрия. Характерно и освещение отпора болгарам, как «чуда»: видимо, опасность была очень велика.

Стояли ли оба события 1107 г. в связи, утверждать трудно. Но в 1117 г., когда Аепа и другие половецкие ханы появились в Болгарской земле, болгары угостили их отравленным питьем, и тесть Юрия вместе со своими единоплеменниками погиб⁵. Через три года, в 1120 г. мы имеем известие об успешном походе Юрия на волжских болгар⁶. Воеводой в этом походе был «боярин большей Георгий Симонович»⁷. Связь похода 1120 г. с убийством Аепы весьма правдоподобна. Это был, как можно думать, не единственный поход на восток, преследовавший цель обезопасить Залесье от неожиданных вторжений, подобных болгарскому нападению 1107 г.

Важнейшей после болгарской проблемой суздальской политики в Поволжье и на Севере вообще были отношения к Новгороду, который раскинул свои Заволоцкие колонии по северным границам Суздальщины, и пользовался выгодами волжского транзита на низ, держа в своих руках выход с верховий Волги к Балтике, т. е. к рынкам Западной Европы. Борьба за установление своего влияния в Новгороде, если нельзя было подчинить его, становится постоянной заботой и Юрия. Однако новгородская политика была столь тесно связана с киевскими отношениями, что их необходимо рассматривать вместе.

Главным центром притяжения интересов Юрия были Поднепровье и киевский стол, за который в 30-х годах начинается длительная и сложная борьба.

Еще в 1098 г. в непосредственном соседстве с Киевом Мономахом была построена небольшая крепость на притоке Десны Остре – Остерский Городец, лежавший между Черниговской и Переславской землей. Как укрепление Владимира на Клязьме, так и сооружение этой крепости на Остре было дальновидным мероприятием Мономаха, как это показала история южных походов его сына. Интересно, что церковь, внимательно следившая за политической жизнью Руси, не замедлила освятить «чудесным знамением» постройку этой крепости. Над ней якобы видели «огненный столп», который ставил новый городок под покровительство самого архистратига Михаила, «покрывавшего и хранящего кровом своих крыл» русских князей⁸.

Юрий, готовясь участвовать в южных делах, обращает особое внимание на этот пункт; он, по-видимому, дополнительно укрепляет его и строит здесь каменную церковь Михаила архангела. В 40-х годах Юрий обладал уже здесь значительным количеством имений и городков, на которые напал в 1141 г. Всеволод Ольгович, «поймавший» «*городы Горговы*, и коне и скоты и овце, и товар – где что чуя»⁹. Это была солидная военная и хозяйственная база для непосредственного участия в вооруженной борьбе на юге.

Эта борьба развертывалась в новой обстановке, значительно отличавшейся от условий конца XI – начала XII в.

В XI в. «старейшинство» в Русской земле более или менее связывалось с обладанием Киевом. Но княжение Владимира Мономаха было последним отблеском былой славы «матери городов русских» как общерусского центра. В XII в. он постепенно терял это значение, продолжая оставаться заманчивым как богатейший город на Руси и центр ее торговых связей. Концентрация в руках сына Мономаха Мстислава и старших Мономашичей Киева, западных волостей и земель, облежавших с севера и юга Черниговщину, ненадолго сделала эту ветвь княжеского дома подавляющей силой в политической системе Руси¹⁰. Опираясь на любовь киевлян к Мономаху и его роду, старшие сыновья Мономаха стремились закрепить многолюдный и богатый Киев в руках своей династии. Это и послужило завязкой кровавой и долгой усобицы, в которой «раздрысая вся земля руськая».

Когда, по смерти Мстислава, в 1133 г. киевский престол занял его брат Ярополк и перевел из Новгорода в Переяславль-Южный Мстислава сына Всеволода, младшие Мономашичи – ростово-суздальский князь Юрий, получивший позднее прозвище «Долгорукого»¹¹, и его брат Андрей – увидели в этом перемещении племянника угрозу их правам на Киев и изгнали Всеволода из Переяславля. Юрий в это время был, вероятно, уже в своем Остерском Городке, так как Всеволод сел в Переяславле утром, а уже «до обеда [его] выгна Юрьи»¹². Но и сам Юрий недолго продержался здесь и был сменен Изяславом Мстиславичем. Дорожа Переяславлем, как ступенью к киевскому столу, Юрий пытается в 1135 г. выменять его у Ярополка, которому он «вда Суздаль и Ростов и прочюю волость, *но не всю*», видимо, он на всякий случай оставлял себе убежище на севере, а Ярополк рассчитывал передать Ростовскую землю племяннику Изяславу. Однако Юрий, видимо, вскоре раздумал меняться, и Изяславу пришлось поехать в Новгород к брату Всеволоду и поднять его на войну¹³. Может быть, предчувствуя осложнение отношений с Новгородом, Юрий укрепил старый городок Коснятин, закрывавший устье Волжской Нерли (1134).

В Новгороде были сторонники мирных отношений с Юрием, который держал в своих руках пути хлебного подвоза к Новгороду. Как только в Новгороде пошли слухи о «суздальской войне», новгородцы сильно взволновались; возможно, что пожар Торговой стороны имел связь с внутренней борьбой в городе. Однако летом Всеволод Мстиславич с братом Изяславом и новгородцами все же пошел на Суздаль. Разногласия, продолжавшиеся и в походе, заставили князей вернуться обратно, дойдя лишь до реки Дубны, Изяслав в досаде ушел на юг¹⁴. Но упрямый Всеволод не оставил своей мысли и зимой того же года собрался в новый поход. Епископ Нифонт, сторонник Юрия Долгорукого, хлопотал о мире и даже вызвал на север самого митрополита Михаила, который запрещал поход на Суздаль, грозя «божьей карой»¹⁵. Но, невзирая на эти увещания и страшные морозы и вьюги, Всеволод повел свои полки на восток. Ростовскими полками командовал сын Юрия Ростислав. Они оказали упорное сопротивление и в битве на Жданой горе (1135) нанес-

ли новгородцам поражение. В этом же году Юрий вернулся на север, а поражение на Жданой горе стоило Всеволоду новгородского стола¹⁶.

Раздоры между старшими и младшими Мономашичами облегчили захват киевского стола князем черниговским Всеволодом Ольговичем (1138 – 1146)¹⁷. Его прав на Киев упорно не признавали Владимирко галицкий и Юрий Долгорукий. Но Юрий не мог предпринять решительных действий: Новгород отказался участвовать в походе на Киев, и сын Юрия Ростислав прибежал к отцу без помощи. Разгневанный Юрий вернулся к себе и захватил у новгородцев Торжок¹⁸.

После непродолжительной борьбы вокруг замещения новгородского стола между Юрием и Всеволодом последний посадил туда Мстислава сына Святополка. Это усилило рознь в доме Мономаха: сын Юрия Ростислав был снова изгнан из Новгорода, уступив стол племяннику отца. Кроме того, Всеволод нанес особенно чувствительный удар Юрию разгромом его южной базы – Остерского Городка и его края¹⁹. Но Всеволод не мог долго вести борьбу: у него не было двух опор, поддерживавших властную политику Мономаха, – сочувствия киевлян и солидарности среди черниговских князей²⁰. Раскол их на враждующие стороны еще более осложнил и запутал отношения.

Смерть Всеволода Ольговича (1146), завещавшего киевский стол своему брату Игорю, еще более разожгла феодальную войну²¹.

Изяслав Мстиславович при поддержке киевлян возвратился на стол деда и отца, отстранив Игоря, вскоре убитого киевлянами. За Игоря вступился его брат Святослав Ольгович черниговский, заключивший союз с Юрием Долгоруким, тогда как ветвь Давидовичей черниговских примкнула к Изяславу²².

Еще раньше Изяслав пытался договориться с Юрием и приезжал к нему в Суздаль, но успеха не имел. Нападение Ростислава рязанского на Ростовскую область, организованное Изяславом, помешало Юрию сразу вступить в борьбу; он послал на Рязань сыновей, Андрея и Ростислава, которые и заставили рязанского князя бежать в половецкие степи. Ослабленный отсутствием помощи, Святослав был вынужден покинуть свои го-

рода и отойти в глубь Вятичской земли; сюда Юрий прислал ему в помощь тысячу белоозерских дружинников, а затем и богатые дары. Весной 1147 г. союзники начали наступление сначала на запад. Юрий ударил на Новгородские владения, захватив новый Торг и земли по Мсте, а Святослав вошел в Смоленские пределы в верховьях Протвы. Это были «верховые» силы Мстиславичей, которые и в дальнейшей борьбе имели своей главной задачей сковывать движения Юрия²³.

После знаменитого свидания и пира Юрия с Святославом в 1147 г. в Москве и прихода половецких отрядов и ростовской дружины Глеба Юрьевича Святослав продолжил успешное наступление половецкими силами в Смоленщину и своими полками к югу, выбросив Давидовичей из вятичских городов и вынудив их стать на путь заговора против Изяслава. Участие в действиях Святослава ростовской дружины под командой Глеба затрудняло ответные удары Изяслава, – по непонятным причинам жители городов не хотели бороться против Юрия: ореол имени Мономаха еще лежал на его сыне и внуках. Поэтому Глеб смог утвердиться в Курске и Посемьи, наладить союзные отношения с половцами, а затем возвратить столь важный для Юрия Остерский Городок и даже подойти к Переяславлю²⁴.

Юрий не вводил в действие своих главных сил и ограничился вторжением в новгородские земли, где успел побрать дань и закрыл новгородские торговые дороги. Новгородские полки под командой Святополка двинулись было в 1147 г. на Суздаль, но распутица не пустила их дальше Нового Торга. Попытка епископа Нифонта помирить Юрия с Новгородом потерпела неудачу; Юрий не дал мира и лишь отпустил полоненных новоторжцев и новгородских гостей. Посланный Юрием Сын Ростислав прибыл на юг в 1148 г., когда помогать черниговским союзникам было поздно, и Ростислав счел за благо передаться Изяславу; тот принял его и посадил в Остерском Городке, откуда был только что изгнан другой Юрьевич – Глеб²⁵.

Медлительность Юрия заставила Святослава просить мира. По условиям мирного соглашения, продиктованным Изяславом, черниговские князья обязывались обратить свое оружие против Юрия в отместку за «насилье» Юрия над Новгородом. Изяс-

лав, придя в Новгород, осенью 1148 г. поднял на Юрия новгородские полки. Соединившись с Ростиславом смоленским на устье Медведицы, он прошел вниз по Волге, не встречая сил Юрия, громя и сжигая селения по обоим берегам Волги до устья Мологи. Черниговские же князья так и не двинулись из вятических лесов и Изяславовы дружины, повоював и пограбив поволжские города до Ярославля, подгоняемые весенней оттепелью 1149 г., покинули землю Юрия, уведя с собой 7000 пленников²⁶.

Юрий не только не поднялся на защиту своей земли, но дружины Изяслава даже не видели его воинов; он смог лишь в отместку выследить партию новгородских данщиков и напустить на них дружину князя Ивана Берладника. Раздражение возросло, когда выяснилось, что сын Юрия Ростислав, недавно изменивший отцу и перешедший на сторону Изяслава, был уличен последним в предательстве и подготовке переворота и изгнан с юга, лишившись всех изяславовых пожалований, дружины и имения. В простой ладье, с четырьмя отроками, Ростислав был отослан к Юрию. Боялся ли он гнева отца и кривил душой или в его словах была доля правды, но он сообщил ему о недовольстве киевлян и черных клобуков Изяславом²⁷.

Теперь Юрий решился на большую войну с племянником. Мотив мести за «сором», отстаивание своего старейшинства, с которым не посчитался племянник Юрия Изяслав, был внешним поводом стремления захватить богатый Киев и утвердить свою власть в Поднепровье. Юрий в союзе со Святославом черниговским и большими силами половцев двинулся на юг. Несчастливая битва под Переяславлем была проиграна Изяславом, он бежал в Киев, а через три дня полки Юрия были уже под его стенами. Киевляне, ссылаясь на потери в битве, отказались бороться, утешая Изяслава, что они все равно не уживутся с Юрием и поддержат Изяслава, как только он вернется вновь. Киевляне якобы «с радостью великою» приняли победителя²⁸.

Оставив в Суздале Василька, остальных сыновей Юрий посадил под Киевом: Ростислава – в Переяславле, Андрея – в Вышгороде, Бориса – в Белгороде, Глеба – в Каневе. Однако Изяслав, ушедший во Владимир-Волынский, начал поднимать на

борьбу с Юрием Венгрию, Польшу и Богемию. Предложение мира на условиях возврата Юрием новгородских даней и признания за Изяславом Владимира и Луцка было отвергнуто Долгоруким, который осадил в Луцке Изяславова брата Владимира. После шестинедельной осады снова начались мирные переговоры, и Юрий, наконец, согласился уступить новгородские дани и вернуть все захваченное в Переяславской битве, Изяслав же уступал ему Киев²⁹.

Однако Юрий не исполнил условий и не вернул Изяславовой дружине ее добра. Разгневанный Изяслав выбил из Пересопницы Юрьева сына Глеба и начал поднимать черных клобуков. От одних этих вестей Юрий бежал из Киева и затворился в Остерском Городке, послав в Переяславль Андрея на помощь сыну Ростиславу. Обеспечивая свои притязания на Киев, Изяслав договорился с престарелым дядей Вячеславом, братом Юрия, что он как старший сядет в Киеве, пока Изяслав будет занят войной. Однако Изяславу пришлось отступить перед полками Юрьева союзника Владимирки галицкого и вернуться в Киев, под которым уже переправлялись войска Юрия и черниговских князей. Долгорукий снова занял Киев, а Владимирко посадил его сыновей в городах, охранявших подступы к Киевской земле с запада. Но вскоре Изяслав удачным маневром захватил врасплох Белгород и с венгерской помощью занял Киев. Сидевший в Белгороде сын Юрия Борис был застигнут врагами во время пира с дружиной и попами, а Юрий – в киевском Красном дворе. Характерно, что и теперь Юрий бежал в свой Остерский Городок лишь при одной вести о приближении Изяслава, а Киев по ряду с племянником занял Изяслав³⁰.

Снова Юрий поднимает черниговских князей и орды половцев, собирая их в Городке. В 1151 г. разыгрался знаменитый речной бой на переправах через Днепр, и войска Юрия обложили Киев. В первом же бою Изяслав отбросил полки Юрия за Лыбедь, и Юрий начал отход к Белгороду. В преследовании Юрия приняли участие и киевляне, которые теперь поняли и оценили плохие способности Юрия как правителя и военачальника. Преследование настигло полки Юрия на реке Рут, где он понес позорное поражение; много людей было перебито, много уто-

нуло в топком Руте, еще больше попало в плен. Юрий бежал в Переяславль, а его союзник Святослав – в Городок Остерский. Осажденный в Переяславле Юрий принял ультиматум Изяслава отказаться от союза со Святославом, уйти в Остерский Городок и через месяц – в Суздаль. Но и тут он нарушил слово, пробив в Городке дырку; он был, наконец, изгнан отсюда и ушел на север, оставив в Городке Глеба³¹.

В 1152 г. Городок Остерский – база Юрия и его союзников – был разрушен и сожжен Изяславом; гарнизон был разогнан, раскопаны валы и засыпаны рвы. Юрий снова поднимает Святослава, рязанские и муромские полки и все половецкие орды между Волгой и Доном и ведет их на Изяслава. «Оже есте мой Городецъ пожгли и божницу, то я ся тому отожду противу», – сказал Юрий. Но 12-дневная осада Чернигова, в котором затворился Изяславов брат Ростислав и племянник Святослава – Святослав Всеволодович, окончилась новым отступлением Юрия при первом известии о приближении сил Изяслава. Юрий ушел в Суздаль, бросив на произвол судьбы своего союзника Святослава и оставив ему, словно в насмешку, «помощь» – 50 человек дружинников. Святослав был взят Изяславом в Новгороде-Северском³².

Многолетняя борьба между Изяславом и Юрием за обладание Киевом не была только местной русской борьбой. Она находила широкий отклик на Востоке и в Западной Европе, вызывая опасения или надежды. Византия переживала тогда очень тревожное время. Второй крестовый поход 1147 г., когда западные армии оказались под стенами Константинополя и лишь с большим трудом были удалены в Азию, поставил под угрозу самое существование Византийской империи. Кроме того, она вела борьбу с Венгрией, в которую втягивались западные государства и русские княжества. На стороне Византии были Юрий Долгорукий, женатый на греческой княжне, его союзник Владимирко галицкий, сын которого Ярослав был женат на дочери Долгорукого Ольге, германский император Конрад и Венеция. На стороне Гезы Венгерского был его шурин Изяслав Мстиславич, Франция и сицилийские норманны. Борьба Гезы с Византией началась задолго до 1152 г., когда он поддерживал

против Мануила своих родственников – владетелей Сербии и Боснии. Византийский историк Киннама указывает, что одной из причин похода Мануила в 1152 г. на Венгрию и было желание его спасти своего союзника Владимирко от Гезы³³.

В этой обстановке для Византии было чрезвычайно существенно укрепление церковно-политического подчинения Руси, осуществлявшегося через киевского митрополита. Напротив, Изяслав, воспользовавшись трудным положением Империи, стремился к обратному и добился поставления на митрополичью кафедру собором русских епископов 1147 г. русского монаха Клим Смолятича. Изяслав, как полагают, исполнял волю киевлян, желавших русского митрополита, и Клим был популярен³⁴. Наиболее непримиримыми противниками нового митрополита были грек Нифонт – владыка новгородский – и ростовский епископ Нестор; Нифонт стремился поэтому ослабить суздальско-новгородские противоречия к явной невыгоде для Изяслава. Так борьба за Киев, сплетаясь с церковной политикой, выходила за пределы Руси³⁵.

В течение всех этих долгих лет борьбы за Киев Суздальская земля была предоставлена самой себе. Здесь, видимо, сидели сыновья Юрия, пока их не отрывала война на юге. После смерти епископа Исаии (1090) в течение 47 лет в Залесье не было и своего епископа, и оно управлялось по церковным делам, по видимому, переяславльским епископом³⁶.

Как только Юрий проявил инициативу в южных делах, на ростовской кафедре появился (около 1137 г.) епископ – грек Нестор, видимо, немало способствовавший укреплению греко-фильских симпатий Юрия и друживший с Нифонтом Новгородским. Однако Нестор не развивал энергичной деятельности в своей Ростовской земле; он даже не построил там ни одной церкви. Не поехал Нестор и на собор 1147 г., избравший Клим Смолятича³⁷. Нестор не волновал своими делами Ростовский край и оставил о себе хорошую память в своей не склонной к новшествам пастве³⁸.

В княжение Юрия в Ростове начались отдельные местные летописные записи, которые, возможно, делались при епископском соборе; здесь отмечались важнейшие события в жизни края,

как, например, нападения болгар. Полагают, что эти записи кончались известием об избрании на суздальский стол сына Юрия Андрея и о достройке им церкви Спаса в Переславле-Залесском. Возможно, что главное внимание этого раннего летописца было привязано к жизни Ростова, в связи с чем последующее владимирское летописание и отнеслось пренебрежительно к его фактам. Это лишает нас возможности судить о летописании времени Юрия, которое дошло до нас в виде случайных фрагментов в ряде списков летописи³⁹.

Все силы Суздальщины были прикованы к югу; с этим было связано усиление болгарской опасности. В 1152 г. «придоша Болгаре по Волзе к Ярославлю и оступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, и изнемогаху людие в граде гладом и жажею, и не бе лзе никому же изити из града и дати весть Ростовцем. Един же уноша от людей Ярославских нощию изшед из града, перебрел реку, вборзе доеха до Ростова и сказа им Болгары пришедша. Ростовцы же пришедша и победиша Болгары»⁴⁰.

По-видимому, Юрий был еще в южном походе, и земля, как и раньше, оставалась предоставленной своим силам; как суздальцы в 1107 г., так теперь ростовцы сами отбили болгарскую рать, никакое княжеское имя не фигурирует в этих событиях.

Возврат на север в 1152 г., по-видимому, оставлял мало надежд на Киев, и Юрий взялся всерьез за устройство своей заброшенной Суздальской земли.

Под 1152 г. летопись перечисляет ряд церковных сооружений и градостроительных мероприятий Юрия. Он ставит взамен старого Клещина-города на Переславском озере новую крепость Переславль-Залесский, окружая ее кольцом валов и сооружая здесь собор Спаса-Преображения. В среде черноземного «ополья», при слиянии рек Гзы и Колокши, он закладывает город Юрьев-Польской с белокаменным храмом Георгия. Под Суздалем, при устье реки Каменки, отстраивается княжеская резиденция Кидекша с церковью Бориса и Глеба. Церковное предание утверждало, что здесь было «становище» «святых» князей, когда они шли княжить в северных городах державы Владимира. Где-то около середины XII в. возник Звенигород на Москве-реке. В 1147 г. в летописи впервые упомянуто имя са-

мой Москвы – тогда богатого княжеского имения Юрия, вблизи южных границ княжества; а в 1156 г. здесь, по распоряжению Юрия, закладывается крепость. Наконец, по-видимому, около 1154 г. возникает город Дмитров⁴¹.

Однако все это строительство быстро обрывается подготовкой последнего похода Юрия на Кисв (1154); собор в Переяславле даже оставили незаконченным: его достраивал Андрей; он же строил по приказу отца первые укрепления Москвы.

Однотипность и простота созданных в новых городах храмов свидетельствует не только о суровых вкусах этого полного военных тревог времени, но и о том, что в борьбе Юрия церковь и искусство стояли еще на втором плане, уступая поле боя силе меча. Самые мастера-строители, как можно думать, были пришлыми из союзного Юрию далекого Галича⁴².

Внимание источников, прикованное к сложным перипетиям борьбы Юрия и Изяслава за Киев, совершенно не обращается на внутреннюю политику Долгорукого в Суздальской земле, и относительно ее внутренней жизни мы можем строить лишь догадки.

Юрий не сел в Ростове, поручив его своему воспитателю Георгию; стольным городом он сделал Суздаль; но и отсюда его резиденция переносится сначала в пригородную укрепленную усадьбу Кидекшу, а затем Юрий, по-видимому, хотел перейти во Владимир, где рядом с Мономаховой церковью Спаса строили церковь Георгия. Это перемещение княжого двора указывает, видимо, на противоречия, рождавшиеся между владетельным местным боярством и князем, которые заставляли Юрия отдаляться от старых городов. Как мы узнаем из несколько более поздних случайных упоминаний летописца, боярство быстро набирало силу. В его руках были многочисленные богатые села, полные скота и конских табунов, бояре «работили сирот», как теперь стали называть крестьян.

Правдоподобно выглядит картина княжеско-боярских отношений, изображенная позднейшим «Сказанием о начале Москвы»⁴³. Владетель богатых «сел и слобод красных» боярин Степан Иванович Кучка не пожелал отдать на службу к князю своих сыновей. Юрий угрожал войной и наконец казнил строптиво-

го боярина, а сыновей и дочь его взял силой ко двору своего сына Андрея⁴⁴. На месте боярского имения вскоре возник укрепленный княжеский город – Москва. Мотив ликвидации свободной боярской вотчины и требования верховным собственником всей земли своего княжества Юрием «службы с земли» очень правдоподобен. Кучковичи потом сыграют трагическую роль в гибели Андрея.

Если доверять сообщению В. Н. Татищева, то рядом со старым боярством и княжой дружиной при Юрии появляются и вполне зависимые от князя воины, которых Юрий вербует не только из русских, но также из болгар, мордвы, югры, заселяя ими свои новые городки и давая им «ссуду и пожалование»⁴⁵. Эти новые городки, населенные преданными князю людьми, сыграли большую роль в дальнейшей истории Суздальщины, являясь неизменной опорой княжеской власти во всех конфликтах ее с местным старым боярством.

Так формировались элементы новой служилой знати, сравнительно мало имущей, а потому более алчной и энергичной в использовании земли и эксплуатации местного населения – крестьян и городских людей.

Судя по деятельности «суздальской» администрации Юрия в Киеве, вызвавшей в 1157 г. бурное восстание, княжеские люди имели хороший опыт по управлению и сборам доходов у себя на родине. Сельское население – «сироты» – было прочно опутано сетью феодальной эксплуатации и придавлено гнетом закона господ, и повторение крестьянских восстаний, потрясших Залесье в XI в., было теперь надолго исключено. Можно не сомневаться, что земледелие на юрьевско-суздальском черноземе быстро развивалось. Под Суздалем чернозем поднимали уже не сохой, но тяжелыми плугами, напоминавшими болгарские степные орудия пахоты. Именно в этой земледельческой зоне и росли княжеские города Юрия. Около них множились княжеские и дружинные села, а на далеких окраинах земли, где она смыкалась с владениями Новгорода, смерды, как в X–XI вв., еще платили дань. Все это свидетельствует о дальнейшем быстром развитии феодальных отношений в Суздальской земле при Юрии.

Первая половина XII в. выращивает и ту силу, которая станет опорой Андрея: быстрыми шагами развиваются городская культура, торговля и ремесло, растет городское население. Об этом говорят археологические раскопки в Суздале, Владимире, Ярославле, Дмитрове и других городах⁴⁶. Владимир вел торговлю через Клязьму и Оку с Поволжьем; он к середине XII в. уже значительно перерос границы Мономаховой крепости, выйдя за ее пределы к востоку. Среди горожан, еще занимавшихся сельским хозяйством, что было типично для городов средневековой Европы того времени, было уже много ремесленников разнообразных специальностей. Особый район к западу от княжих дворов занимали гончары. Мастера по выработке стекла изготавливали красивые стеклянные браслеты и цветные перстни – любимое украшение горожан XII в. Местные ювелиры, подражая роскошным образцам киевских мастерских, выделяли изящные серебряные украшения и пытались перенять сложную технику эмали. Резчики по кости и дереву изготавливали разнообразные предметы, украшенные простой, но изящной орнаментацией. Кузнецы делали различные сельскохозяйственные орудия, косы, топоры, ножи, плотничий инструмент, огнива, рыболовные крючки, наконечники стрел, оружие и многое другое. Владимир в XII в. становится крупным торгово-ремесленным центром Суздальщины⁴⁷. О степени зрелости городской культуры говорит также еретическое движение, которое возникает в первые годы правления Андрея.

Однако все эти ростки наступающего расцвета края мало привлекали вниманис Юрия, который, строя маленькие городки своего Суздальского «ополья», не переставал думать о богатстве и величии Киева.

В 1154 г. Юрий последний раз вмешался в борьбу на юге. Он двинулся со всеми сыновьями и воинской силой «в Русь», но конский падеж и небывалый мор в людях заставили его прервать поход у Козельска и вернуться в Суздаль, отправив сына, Глеба, в половецкую землю готовить помощь. Новгородцы в это время выслали Давида Ростиславича, а посольство, отправленное во главе с владыкой Нифонтом в Суздаль, вернулось оттуда с сыном Юрия Мстиславом⁴⁸.

Вскоре главный противник Юрия – Изяслав Мстиславич – умер. Его брат Ростислав не обладал ни воинским талантом, ни политическим искусством Изяслава, и Юрий в 1155 г. занял Киев. Он снова посадил своих сыновей под Киевом: Андрея – в Вышгороде, Бориса – в Турове, Глеба – в Переяславле, Василька – в Поросьи. Суздальщина снова оказалась на заднем плане интересов Юрия и предназначалась его младшим сыновьям – Михалке и Всеволоду⁴⁹.

Первым делом Юрия было восстановление нарушенного избранием митрополита Клим Смолятича порядка в русской церкви. В Киев прибыл митрополит – грек Константин, сразу же предпринявший суровую проверку русской иерархии и устранивший ненадежных епископов⁵⁰.

Мечта Юрия о киевском столе исполнилась, но напряженность отношений с киевлянами была ощутима и сквозь впечатления торжества победы; поэтому Юрий не забывает о возможности нового возврата на север. Здесь, во Владимире, рядом с двором Мономаха и его Спасской церковью, в 1157 г. строят новый белокаменный храм, посвященный княжескому патрону Георгию и, по-видимому, предназначенный стать центром будущего нового богатого княжого двора⁵¹.

Но управление Киевом в сложной обстановке интриг и «катор» было трудным делом. Новгородскому летописцу только издали могло показаться, что с вокняжением Юрия наступил долгожданный мир – «бысть тишина в Русьстей земли»⁵². Уже на другой год оформился союз недовольных им князей, в который входили брат Изяслава Ростислав, сын Изяслава Мстислав, черниговский Изяслав Давидович. Войска коалиции уже готовы были двинуться на Киев, как к ним пришла весть о смерти Юрия.

Летопись сообщает об этом так: «пив бо Гюрги у осменика у Петрила в тот день на ночь разболеся и бысть болезни его 5 дний и преставися Киеве Гюрги Володимиричь князь Киевский месяца мая в 15 в среду на ночь, а заутра в четверг положиша у монастыри святого Спаса...» Прах Юрия нашел упокоение в отцовском придворном храме на Берестове⁵³. Перед этим столь же неожиданно умер брат Юрия Вячеслав. Ростислава извести-

ли об этом так: «дядя твой Вячеславъ пивъ ляже, и тако не вѣста»⁵⁴ Это очень напоминает обстоятельства смерти Юрия. Одновременная смерть обоих «старейших» в мономаховом роде братьев-князей наводит на подозрение в их насильственной смерти⁵⁵. Можно предполагать, что Юрий был отравлен на пиру у Петрилы⁵⁶. Тайное убийство князей их соперниками было в порядке вещей⁵⁷.

Запись о смерти и погребении Юрия сообщает далее о том, что «много зла створися в тот день: разграбиша двор его красный, и другой двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам Раем, и Василков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товар их грабаче...» Из этой записи мы можем заключить, что подозрительный Юрий, заняв Киев, не хотел доверяться местным киевским людям, занимавшим правительственные должности и управлявшим городами и именьями. Он не хотел считаться и с интересами киевлян, которых он не раз и не без основания подозревал в нелюбви к нему. Поэтому он властной рукой сменил всю княжью администрацию, вплоть до сельских тиунов, поставив своих суздальских людей, пришедших вместе с ним. Юрий успел отстроить себе новый богатый дворец в Киеве, который называли «красным», то есть красивым, и роскошный двор за Днепром, который он сам называл «Раем». Его сын Василько также обзавелся уже обширным двором в городе. Юрий пользовался благами достигнутого под конец жизни положения, он пировал со своими людьми, бывал и на их пирах. По весьма правдоподобной характеристике В. Н. Татищева, он был «великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал; но все оное стояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев, и хотя, несмотря на договоры и справедливости, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но больше дети и князи союзные...»⁵⁸.

То, что творили юрьевы суздальцы в Киеве, не было, конечно, их специфической особенностью. По-видимому, так вели себя все княжие слуги в тех случаях, когда они чувствовали себя непрочно и спешили обогатиться⁵⁹. Подобные явления были следствием одной общей причины – развития и углубления феодаль-

ных отношений. Князья усиливают эксплуатацию населения; «виры и продажи» «превращаются в окладной сбор подобный дани», полномочия княжого суда и сбора судебных пошлин и штрафов переходят в руки тиунов и мечников, которые не стеснялись в средствах для искусственного создания судебных дел и увеличения своего и княжого прибытка⁶⁰. Следовательно, и разгром Юрьевых приспешников не был выходящим из ряда вон событием, но был также в порядке вещей того времени: умер представитель одной линии княжого дома, было неизвестно, кто следующий займет киевский стол, а пока можно было свести счеты за грабежи и обиды. Если же смерть Юрия была действительно насильственной, то тем более понятен разгром его людей.

Теперь, в заключение, можно дать общую характеристику Юрия.

Как Юрий, так и его противник Изяслав исходили из общих положений о правах «старшего» в роде на киевский стол; особенно упирал на это Юрий, указывавший Изяславу, что он «старейшинство еси с мене снял». Однако Изяслав, признавая «старейшинство» Юрия, указывал, что он «с нами не умеет жити», тогда как он, Изяслав, стремится «братью свою всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою». Это были не только красивые слова, но и действительная программа Изяслава, в которой еще звучали заветы деда, Мономаха, и отца, Мстислава. Изяслав высоко держал и авторитет киевского стола: в 1152 г. галицкий князь Ярослав обращается к нему «ныне, отче, кланяюти ся прими мя, яко сына... *ать подле твой стремять еждю* всеми своими полкы...»⁶¹.

Юрий был вполне чужд этих заветов Мономаха. Став ненадолго киевским князем, Юрий не стремился к руководству делами всей Руси, не боролся за признание своего авторитета. Для этого он не пользовался должным уважением и не располагал силой, способной его внушить. Киев, как и Новгород, манили Юрия лишь как богатейшие города – источники обильных доходов. Судьбы княжого дома и Русской земли не стояли на первом плане его интересов. Это он показал всем ходом борьбы за Киев, в которой трудно проследить какую-то последовательную

политику. Эта борьба фактически разрушала намеченную Мономахом линию усиления власти киевского князя.

Порой трудно различить, где в Юрии говорило обдуманное намерение, где брала верх минута аффекта. Так, разъяренный походом на его земли Изяслава и тем, что Изяслав изгнал «из Русьской земли» его сына, Ростислава, Юрий заявил: «а любо сором слою и земли своей мьщю, любо честь свою налезу, паки ли а голову свою слою»⁶². Здесь все – личные мотивы: месть за бесчестье и желание поднять свой авторитет любой ценой, без оглядки на последствия.

Высоко ценя свою «честь», сам Юрий был скор на нарушение и чести, и слова. В беде он бросает на произвол судьбы своих союзников, пугаясь даже вестей о приближении вражеских сил. Когда этого потребовали обстоятельства, он не задумался нарушить крестную клятву оказывавшему ему помощь князю Ивану Берладнику⁶³. В 1149 г. после поражения Изяслава под Переяславлем, князья договорились о возвращении награбленного – будь то стада или челядь. Однако Юрий «того всего не управи», и «мужи Изяслави» вернулись ни с чем⁶⁴.

Не приходится говорить, что еще менее мог «ужиться» Юрий с простым народом. Киевляне говорили Мстиславичам «а вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити». Вследствие нелюбви киевлян Юрий не мог вовремя получать информацию о действиях Изяслава, которому удавалось застигать его врасплох. Справедливо оценивает Юрия Долгорукого С. М. Соловьев: он «не был похож на отца ни в умственном, ни в нравственном отношении: как правитель и как человек он не мог заслужить уважения и привязанности родичей и чужих... ненавидимый князьями, Юрий еще больше был ненавидим гражданами киевскими, в глазах которых он был выродком из доблестной семьи Мономаха, потому что, подобно Святославичам, наводил половцев на Русскую землю...»⁶⁵

Опыт Юрия показал всю бесплодность его беспринципной и непоследовательной борьбы. Она не была оправдана никакой целостной идеей. Идея «старейшинства» была лишь поводом для борьбы с Изяславом, которая вела к своекорыстным целям без всякого интереса к общерусским нуждам земли и настрое-

ниям князей. Мало заботясь о необходимой для войн организации и обеспечении своих полков, Юрий с союзными ему черниговскими князьями водил на Русь половцев, попирая патристические дела и заветы Мономаха.

Однако при всей хаотичности и неорганизованности деятельности Юрия, при нем получают начало важнейшие линии внутренней и внешней политики суздальских князей. Внутри Суздальщины началась упорная борьба княжеской власти с местной знатью и наметился расцвет городов. Юрий был основателем многих из них; ему была обязана своим началом Москва. Внешняя борьба с болгарами и Новгородом, начатая Юрием, имела огромное значение для усиления Суздальщины и получила дальнейшее развитие при его сыновьях Андрее и Всеволоде III.

IV. ВЛАДИМИРСКИЙ САМОВЛАСТЕЦ

Свидетелем и участником всей этой кровавой, требовавшей огромного напряжения народных сил борьбы, кипевшей вокруг Киева, был Андрей Юрьевич. Он окунулся в этот поток войн и походов впервые в 1149 г., когда ему было уже около 40 лет, т. е. вполне зрелым, сложившимся человеком. Все эти годы, начиная с младенческих лет и до киевских авантюр отца, он провел в Суздальщине, наблюдая ее жизнь, размышляя о судьбах своей родовой северной отчины и ее месте в жизни Руси.

Андрей родился, как полагают, в 1111 г. и был старшим сыном Юрия¹. В его жилах соединилась кровь русских князей, потомков Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, с кровью феодальных домов Европы и Азии: его прабабкой была византийская принцесса, матерью отца – дочь англосаксонского короля, его матерью, по воле Мономаха, стала знатная половецкая княжна из рода хана Аепы. От нее Андрей получил характерное скуластое лицо с припухшими веками монгольских глаз и упрямо выдвинутый подбородок. Может быть, в этой сложной генеалогии Андрея были заложены основные черты его контрастного и волевого характера, который ярко проявился в дальнейшем. В нем мы найдем политическую хитрость византийца, стремительность и горячность половецкого воина, русскую широту мысли и любовь к родной русской земле.

Мы не знаем, кто составлял окружение Андрея в его юные годы. Тысяцкий Георгий, воспитатель отца, был занят в своем Ростове; князь Юрий в перерывах между походами жил в Суздале; Андрей, как можно предполагать, жила и в своей «волости» – отстроенной дедом Мономахом крепости Владимире, может быть, бывая здесь вместе со своей матерью-половчанкой.

Он сроднился и сжился со своим тихим краем, полюбил красоту сурового Мономахова кремля, гордо венчавшего высокий холм Владимира, и открывавшиеся отсюда бескрайние просторы пойма и дремучих лесов, среди которых сверкали крутые излучины Клязьмы. По-видимому, все здесь дышало воспоминаниями о недавних кровавых боях с Олегом, о строительстве дедовской крепости, о самом Мономахе, величавый образ которого владел умами современников. Может быть, здесь, при Спасском храме Мономахова двора, среди книг и рукописей можно было прочесть и его «Поучение», проникнутое высоким благородством духа и политических идеалов, и его горестное послание Олегу, полное поэтической прелести и теплоты. Возможно, знакомство с писаниями деда наложило свой отпечаток на мысль и характер юного князя, усилив заложенные в нем особенности жесткой прямоты и смелости, неутомимой порывистой энергии, дерзкой храбрости в бою и отношениях с людьми. Несомненно, что вообще Андрей был очень начитанным человеком и недаром сидел в своем залесском уединении. Его большая духовная культура сказалась в дальнейшей деятельности, сделал его вдохновителем и советчиком художников, зодчих и церковных витий, а также участником полемической переписки с Кириллом Туровским и самим вселенским патриархом. В сложный клубок впечатлений суздальской жизни вплетались и свежие припоминания о предках, и рассказы о далеких родичах на юге, в «Русьской земле», и половецкие песни матери, и яркие переживания охотничьих забав и воинских игр со сверстниками, и картины богатых Ростова и Суздаля, по сравнению с которыми родной Владимир казался незаслуженно бедным и простым, мало отличавшимся от городков Юрьевского «ополья»... Все это – лишь догадки, которые невольно приходят на ум, когда пытаешься представить себе ту обстановку, которая воспитала будущего владимирского самовластца.

Те же пробелы в наших знаниях старого, доандреевского ростовского летописания не позволяют установить и даты последующей биографии Андрея. Мы не знаем ни года его свадьбы, ни имени его жены, которая была, судя по одним смутным источникам, болгаркой, по другим – дочерью московского боя-

рина Степана Кучки, что вероятнее. Мы не знаем также дат рождения его сыновей – Мстислава, унаследовавшего воинский талант отца. Юрия – человека романтической судьбы, бросавшей его между Новгородом, Царьградом, Грузией и половецкими степями, и рано умершего Изяслава.

Первое появление Андрея на страницах летописи в 1149 г., в военных действиях Юрия против Изяслава, овеяно героической славой. Андрей шел с дружиной и половцами в передовом отряде на Луцк. Ночью случился «пополох зол», так что половцы начали было отступление, а брат Ростислав и дружина тревожно советовали Андрею поехать прочь. Андрей же не слушал их, переждал панику до утра и, посоветовавшись с военачальниками, несколько оттянул назад свои войска. В это время Юрий Долгорукий с братом Вячеславом уже осадили Луцк, завязав перестрелку с вышедшей из города пехотой. Андрей решил сходу напасть на строй «пешцов» и, даже не поднимая стяга, ринулся вперед со своей дружиной; он раньше всех врезался в ряды врагов и сразу сломил копьё, застрявшее в пронзенном противнике. Он погнался за отступавшими по рву воинами и был окружен; его конь получил две копийных раны, третий удар попал в седельную луку, со стены Луцка в него метали камни, и один «немец» уже собирался пронзить Андрея рогатиной. Но он выхватил меч и стал рубить врагов; на помощь князю пробилась двое преданных детских [слуг], один из которых пал, защищая князя от наседавших врагов. Андрей вырвался невредимым из сечи и «мужи отъни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывших всих ту», т. е. они пели воинскую похвальную песнь – славу удали и храбрости Андрея. Его боевой товарищ – конь, вынесший хозяина из битвы, «язвен вельми» умер, и опечаленный князь, «жалуя комоньства его», т. е. отмечая верную службу своего коня и скорбя о его гибели, повелел погresti его над рекой Стырь. Все здесь, в этом повествовании, проникнуто древним духом русского героического эпоса, живо напоминающего своеобразный культ боевого коня, отразившийся еще в легенде о смерти «Олега вещего»². Как этот, так и последующие рассказы о воинских подвигах Андрея по своей обстоятельности и деталям могут считаться написанными

ми со слов кого-либо из близких Андрею людей, сопутствовавших ему в военных делах³. Позже, в богато иллюстрированном летописном своде, созданном во Владимире в 1212 г., эта боевая эпопея нашла прекрасное отражение в ряде миниатюр, иллюстрирующих рассказ о подвиге Андрея. Едва ли не центральным героем этих рисунков является белый крутогривый конь князя⁴.

Здесь же, в борьбе 1149 г. появляется и другая черта характера Андрея. Когда Изяслав запросил мира и Юрий колебался, прислушиваясь к советам продолжать войну, Андрей решительно высказался за мир. Он, по отзыву летописца, был «милостив на свой род, паче же на крестьян», т. е. он был сторонником мира в племени Мономашичей, но особенно заботился о «крестьянах»-христианах, народе, проливавшем свою кровь за династические интересы князей⁵.

Столь же беззаветно храбрым и горячим показал себя Андрей в боях за Киев в 1151 г. Когда Юрий подошел со своими силами к Киеву и завязались бои на Лыбеди, Андрей с половцами прорвался на другой берег и погнал передовые отряды, едва не долетев до главных сил противника. От него отстали даже конные половцы, и только один половчин изловчился остановить на скаку княжеского коня и заставил его вернуться «лая дружине своей зане бяхуть его остали вси половци»...⁶

В неудачной для Юрия битве на Руте, когда противник ловким маневром зашел в тыл Юрьевых полков, Андрей, командовавший, как старший в братья, полком отца, открыл бой. Он вырвался вперед сближавшихся полков с копьем наперевес, встретился раньше всех с противником и сломил копье, вонзенное во врага. В это время его конь был ранен в ноздри и от боли «нача соватися под ним», с Андрея слетел шлем, был сорван щит с левой руки, но Андрей сумел остаться в живых...⁷ С храбростью Андрея в бою на Руте равнялся лишь сам вождь враждебной стороны Изяслав Мстиславич, который также первым начал бой, врезавшись в ряды противников и получив несколько тяжелых ран.

Когда, по мирному условию, побежденный Юрий мог остаться в своем Остерском Городке на месячный отдых, перед воз-

вратным походом в Суздаль, Андрей не стерпел и отпросился раньше отца в Суздаль: «се нам уже, отце, zde у Руской земли ни рати, ничто же, а затепла уйдем...» – говорил он отцу. И сразу, после напряжения тяжелых боев, пустился в дальний и трудный путь на родной север. По другой версии, Андрей хотел соблюсти взятое с Юрия крестоцелование, – не сидеть здесь более месяца; Юрий же нарушил его и уговаривал Андрея остаться, но Андрей ответил «на том есмы целовали крест, ако пойти ны Суждалю» и ушел на север⁸. «Хитрость была противна гордой натуре Андрея», – справедливо говорит К. Бестужев-Рюмин⁹. Имея в виду укрепить свое влияние в Новгороде, он в 1160 г. посылает к новгородцам «река им: ведомо буди, хочю искати Новагорода и добром и лихом, а крест бы есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем собе, а мне вам [добра] хотети»¹⁰.

Храбрость Андрея стяжала ему особый авторитет у половецких войск, которые часто водил в свои походы Юрий. Может быть, здесь сказывалась и кровная связь с половецким княжеским домом. Андрея вызывали, когда эти «союзники» начинали неожиданные грабежи. Так было, например, в 1150 г. под Переяславлем, когда половцы начали грабить переяславцев, так что они заперлись в кремле и боялись даже выпускать скот. Посланный на усмирение половцев Святослав Всеволодович ничего не мог сделать. Тогда был послан Андрей – «и створи мир с половци...» Перед несчастной для Юрия битвой на Руте Андрей специально ездил в половецкие полки, «укрепляя их на брань...»¹¹

Как под Луцком, так и в боях под Киевом и на Руте, воинская доблесть Андрея была бесполезна; при слабом и непоследовательном военном руководстве отца храбрость и отвага сына были «напрасной красотой», которой могли восхищаться лишь поседевшие в боях старые дружинники Юрия. Точно так же единственным проблеском благородства и настоящего воинского духа на тусклом фоне 12-дневной осады Чернигова в 1152 г. является поведение Андрея. Когда половцы взломали черниговский острог и в огне пылавших посадов навязали упорный бой с черниговцами, делавшими непрерывные вылазки, осаждающие князь стояли в стороне и наблюдали за ходом боя. Потом они уви-

дели, что без их примера и участия половцы скоро охладеют и прекратят бой. Здесь первым «начал свой день» Андрей. Он налетел со своей дружиной на вышедший из города отряд и «вбил» его назад. Его примеру последовали другие князья, и вылазки прекратились¹².

Прекрасно оценивая военные способности Андрея, Юрий при захватах Киева сажал его в наиболее опасных местах. Так, в 1150 г. по его приказанию Андрей сел в Пересопнице. Еще борющийся с Юрием Изяслав начал присылать к Андрею под видом мирных переговоров своих людей, которые вели разведывательную работу, «дозирая наряд его и како город стоять». Изяслав намеревался изгнать из Пересопницы Андрея, как до того он сделал с его братом Глебом: «но не сбыся мысль его, зане бе утвржен город и дружину [Андрей] совокупил». Андрей умел держать свои города в боевой готовности¹³.

Но проницательный и осторожный Андрей все же не мог чувствовать себя прочно на юге. Население городов, и Киева в первую очередь, было против Долгорукого и его помощников-сыновей. Нельзя было организовать никакой военной разведки, и не раз силы Изяслава незамеченными оказывались под их городами. Однажды Владимир галицкий резко сказал Андрею [перевод]: «Что же это за княжение у моего свата Юрия, если вы не знаете, когда на вас идет рать, и ты, сидя в Пересопнице, не мог этого угадать. Если вы так княжите, то правьте сами...» и уехал в Галич¹⁴.

На севере было так же тревожно. В 1152 г., как мы видели выше, болгары приплыли под Ярославль и осадили город, так что люди начали изнемогать от голода и жажды. Только один юноша, пробравшийся ночью из осажденного города, дал знать о беде в Ростов, и ростовская рать отогнала болгар¹⁵.

Юрий в это время, видимо, начал ущемлять самостоятельность Рязани. В 1154 г. он изгнал отсюда к половцам Ростислава и посадил Андрея. Однако и здесь повторились впечатления юга: рязанцы были глубоко враждебны Андрею, и он не мог организовать должной разведки и охраны. Подобно Изяславу, не раз заставлявшему врасплох Юрия и Андрея, Ростислав неожиданно ночью нагрянул с половцами на Рязань, так что Андрей «одва,

утече об одном сапозе, а дружину его овех изби, а другая засув во яму, а иные истопоша в реце; а князь Андрей прибеже к Мурому, а оттоле Суждало»¹⁶. Это было не первое столкновение Андрея с Рязанью: восемь лет назад, отбивая нападение Ростислава на отцовскую волость, он заставил его бежать к половцам. Теперь Ростислав мог считать себя отомщенным; но этот позор, перенсенный Андреем по вине вероломных рязанцев, дорого обошелся потом рязанским князьям.

Заняв в 1154 г. киевский стол, Юрий посадил Андрея в Вышгороде. Это был последний год пребывания Андрея на юге.

Борьба Юрия и Изяслава показала воочию крушение старых политических норм и старых жизненных порядков. Место высоких моральных заветов Мономаха, верившего в братские чувства князей, в их способность поставить интересы Руси выше своих частных выгод, заступил теперь вопрос простого военно-политического преобладания, перевеса грубой физической силы. Стать сильнее всех или дать растоптать себя в сумятице феодальной борьбы, потерять землю и власть – такую дилемму ставила перед Андреем действительность середины XII в., в которой он должен был определить свой путь и место. Обладание Киевом в этом смысле не увеличивало сил, напротив – требовало постоянной борьбы сразу на многих направлениях, чтобы удержать его, а изменчивые симпатии киевлян не могли быть прочным основанием княжого стола. К тому же сам Киев постепенно терял значение первостепенного экономического центра и узла путей мировой торговли; набеги степняков и усобицы, кипевшие вокруг киевского стола, ослабляли его силы, население покидало Киевщину для более спокойных мест. Андрей долго дрался в бесплодных сражениях за Киев и не раз совершал тяжелые походы к Днепру, верно исполняя отцовские приказы; он закалил в них свой боевой дух, но и вырастил мысль о тщете борьбы за Киев и гибельности развертывавшихся вокруг него княжеских распрей; он убедился, что Киев – яблоко кровавого раздора, что «мать городов русских» стала причиной их разъединения и вражды. Наконец, до него дошли раскаты грозы, разразившейся в Киеве после смерти отца и показавшей всю непрочность настроений киевлян и шаткость киевского княжого

стола. Он явно не мог стать опорой в борьбе за объединение Руси под сильной княжеской властью, которая рисовалась Андрею. Поэтому ни Киев, ни его земля не были его мечтой.

В 1155 г., просидев в Вышгороде около года, «иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суздаль без отне воли». Более того, – «отец же его негодоваша на него велми»¹⁷. Андрей пришел на север старой дорогой, которой ходили еще при Владимире Святославиче – по Днепру, затем Вазузой на Волгу; на Вазузе его застала оттепель весны 1156 г.¹⁸

В уходе Андрея из Вышгорода в Суздальскую землю летописи видят не только личный почин Андрея, но и результат действий местного боярства: «его же лестью подьяша Кучковичи...»¹⁹ Это, по-видимому, были те новые слуги Андрея, о которых говорило «Сказание о начале Москвы» и которые, видимо, были в составе его дружины, пришедшей с ним и на юг. Можно думать, что Кучковичи выражали не свою личную точку зрения, но мнение широких кругов ростово-суздальского боярства. «Ряд» Юрия выделял Суздальскую землю младшим сыновьям – Михалке и Всеволоду, ставя ее в подчиненное положение по отношению к Киеву и его городам – Переяславлю, Вышгороду, Каневу, где должны были быть старшие сыновья – Андрей, Ростислав, Глеб и Борис²⁰. При такой комбинации было вероятно, что Суздальщина, не играя самостоятельной роли, будет неизменно втягиваться в отстаивание занятого Юрьевичами Киева, служа основным источником их военных и экономических сил. Очевидно, местное старое боярство рассчитывало путем нарушения этого ряда и политических планов Юрия вырвать Суздальщину из все более осложнявшейся и втянувшей всю Русь борьбы за Киев и, получив князя, избранного «на своей воле», усилить свое политическое значение на севере. Андрей казался очень подходящим для этих планов – он долго прожил в Суздальщине, знал ее людей и люди его знали; он только по приказу Юрия уходил на юг, стремясь скорее вернуться на родину, склоняя к этому и отца. По-видимому, у организаторов ухода Андрея из Вышгорода не было в этом отношении никаких колебаний, так как после смерти Юрия их решение было вполне единодушным: «Ростовцы и Суздальцы, сдумавши вси, пояша Андрея»²¹.

Однако боярство вскоре должно было горько разочароваться: как по своему крутому и самостоятельному характеру, так и по своим политическим взглядам Андрей менее всего был пригоден стать боярским князем, послушным орудием стоявшей за его спиной старо-боярской аристократии. Он умно и смело воспользовался боярскими симпатиями и иллюзиями для того, чтобы санкционировать актом избрания свое вокняжение в отцовской земле и в известной мере смягчить впечатление от своего самовольного отъезда из Вышгорода на север, переложив ответственность за него на «волю народа».

В отношении к местной знати Андрей продолжал тактику Юрия, который постепенно отдалялся от боярских центров, предпочел Ростову Суздаль, отсюда ушел в Кидекшу и, наконец, предполагал перенести свою резиденцию во Владимир. Это была, по-видимому, «волость» Андрея. Он и идет из Вышгорода непосредственно сюда, в молодой «пригород» Ростова, город «мизинных людей» – «град Володимерь»²².

Два года, с 1155 по 1157 г., мы ничего не знаем о действиях здесь Андрея, кроме того, что он богато украсил вывезенную им вышгородскую, а теперь ставшую «Владимирской» икону богоматери. Андрей как бы ждет развязки княжения Юрия в Киеве. В это время он имеет возможность в тишине своей родины еще раз пересмотреть южные впечатления, взвесить задуманные крутые мероприятия. Он особенно пристально вглядывается во владимирские холмы и овраги, оценивая их военно-оборонительные качества и могучую красоту, присматривается к растущему на восток от Мономаховой крепости посаду, к княжеским и боярским дворам около строящейся церкви Георгия. Этот храм по распоряжению Юрия, находившегося в это время в Киеве, строился под непосредственным наблюдением Андрея. Он же осуществил, по приказу отца, постройку новой крепости – Москвы в его богатом владении на Москве-реке. Может быть, в эти годы он строит на Княжем лугу под Владимиром, около Лыбеди и Ирпени, маленький Федоровский монастырь – в воспоминание о страшной битве под Луцком в день памяти Федора. В это время, а может быть, несколько раньше, к юго-западу от княжеских дворов, у пристани, где приставали суда и

«галеи» и было «торговище», строится деревянная церковь Николы, покровителя торговых путешествий²³.

Но вот наступает роковой 1157 г., принесший Андрею весть о смерти отца и о разгроме его сподвижников в Киеве. Андрея сажают в «Ростове на отни столе и Суждали»²⁴. Теперь он хозяин своей родной земли, и отныне вся его сила и мысль направлены к умножению ее славы и могущества. «Андрей, – говорит С. М. Соловьев, – как древний богатырь, чует свою силу, полученную от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда»...

Вокняжившись окончательно, Андрей разворачивает лихорадочную строительную деятельность, заполняющую первые семь-восемь лет его княжения (1158–1165). В истории Древней Руси мы не найдем другой, подобной по размаху и планомерности государственной стройки, кроме строительства Дмитрия Донского и царственной Москвы Ивана III и Василия III. Андрей приступает к осуществлению как бы заблаговременно продуманного обширного замысла – коренной реконструкции Владимира и превращения его в прекрасно обстроенную столицу своей земли. Его одновременно заботят и укрепление города мощными оборонительными стенами и украшение новыми храмами.

Андрей видел и Киев, и Переяславль, и Вышгород, и другие города Киевской земли, с ненавистью вспоминал могучие валы Старой Рязани, он насмотрелся на прекрасные храмы и дворцы городов Поднепровья; все эти впечатления теперь ложились в основу горделивых замыслов обстройки Владимира.

На зов Андрея во Владимир приходят «из всех земель» многочисленные мастера разных специальностей. Они окружены учениками и рабочими из владимирских ремесленников. Первоначально укрепляется княжеское поселение к западу от Мономаховой крепости. Огромная полудуга земляных валов и рубленых стен ложится с этой стороны, обнаруживая удивительное умение мастеров-горододелов сочетать овраги, врезавшиеся в городской холм с севера и юга, с искусственными сооружениями. В аристократическую часть города ведут несколько ворот. Волжские, стоящие у подножия Мономахова города, от-

кряваются на клязьменскую пристань, Медные и Иринины выводят на север и северо-запад к Лыбеди, прикрывающей город с севера. Прямо на запад смотрит огромная белокаменная башня Золотых ворот с церковью Положения риз наверху – это важнейшее звено обороны города и одновременно вводящая внутрь столицы пышная триумфальная арка, замкнутая окованными золоченой медью массивными дубовыми створами. Справа – на краю обрыва к реке – стояли княжие дворы с их теремами и переходами и двумя каменными храмами. Отсюда центральная улица, пересекающая весь город, идет к поперечной стене и деревянной башне ворот Мономахова кремля, открывая по обе стороны широкие перспективы далеких полей и лесов, обступивших город. На высоком юго-западном углу кремля Андрей строит большой городской собор Успения богородицы – идейный и архитектурный центр столицы; его ослепительно белый и мощный массив господствует над городом и далекими окрестностями, вознося высоко в небо золотой купол. К востоку от Мономахова кремля город стремительно сужается, образуя острый треугольник; его очертаниям вторит клин валов и стен, замкнутых в месте встречи второй белокаменной башней – Серебряными воротами; через них идет дорога на Суздаль и к княжескому замку Боголюбову, который Андрей строит при устье Нерли. Так Владимир неузнаваемо преображается, расправляя могучие крылья своего плана по сторонам древнего кремлевского ядра²⁵.

Весьма характерно, что город обладал не только прекрасными внутренними панорамами, он был особенно эффектен извне: его силуэт особенно выразителен с далеких точек зрения – со стороны дороги на Суздаль или из-за реки, с дороги от Мурома и Рязани. Столица Андрея как бы обращалась к широким просторам земли, открывая ей свою молодую красоту и силу.

Не случайно, что в облике Владимира времени Андрея усиливаются черты, напоминавшие Киев. К комбинации кремля с вне его стоящими княжескими дворцами присоединяются Золотые ворота, не только самим названием, но и композицией говорящие о киевском «образце». В архитектуре главного храма столицы и земли, Успенского собора, мы увидим дальше от-

ражение башенной композиции киевской Софии. Во всем этом, несомненно, сказывалась глубоко продуманная и целостная идея.

В это прекрасное создание русского градостроительного искусства, несомненно, была вложена большая доля творческой мысли самого князя. Он придавал большое политическое значение расширению и обстройке Владимира, так как красота и обширность города были веским аргументом его столичных прав не только северо-восточного центра, но и стольного города «всех Руси». К этому присоединялась и выдвинутая Андреем теория об основании Владимира не Мономахом, но Владимиром киевским, которая связывала возникновение города с временем расцвета Киевской державы и освящала его рождение именем «крестителя» Руси. По словам Никоновской летописи, когда постройка Успенского собора была близка к завершению, Андрей собрал многолюдное совещание и «глагола князем и боаром своим сице: “град сей Владимирь во имя свое созда святыи и блаженный великий князь Владимир, просветивый всю Русскую землю святым крещением, ныне же аз грешный и недостойный, божиею благодатью и помощью пречистыа Богородици разширих и вознесех его наипаче, и церковь в нем создах во имя пречистыа Богородица, святаго и славного ея Успения, и украсих и удоволих имением и богатством, и властью, и селы, и в торгах десятиа недели, и в житех, и в стадах, и во всем десятое дах Господу Богу и пречистой Богородице: хошу бо сей град обновити митропольею, да будет сей град великое княжение и глава всем”. И сице возлюбиша и боаре его все тако быти»²⁶. К этой стороне политической теории Андрея мы возвратимся ниже. Но несомненно, что в самом городе в 60-х годах XII в. еще были живы люди, рублившие в начале века стены Мономаховой крепости, и легенда о древней истории города и Владимире киевском едва ли убеждала: она могла связываться лишь с происхождением самого поселения, которое действительно уходило в глубокое прошлое. Но новая историческая концепция и обращалась в первую очередь не к местному населению и даже не к Руси; она создавала почву для внешнеполитических шагов андреевой дипломатии, замышлявшей борьбу за самостоятельность владимирской церкви.

Любопытно, что и самый символ княжеской власти – меч Андрея принадлежал к кульгово-династическим реликвиям Суздальщины: это был не более не менее как меч «святого» Бориса, сына «крестителя» Руси – Владимира, первого князя Ростова. И вот эта-то священная эмблема власти была в руках Андрея, освящая его права полуторавековой традицией. А церковь утверждала, что «князь бо не туне носить мечь, Божий бо слуга есть». Так от крупных исторических событий в жизни князя края до подробностей княжеского обихода – все говорило об одном, доказывая исконные нейтрализующие права владимирского Севера и древность власти его князей.

Настойчивое желание сделать Владимир как можно более равноценным Киеву по красоте архитектурного ансамбля сказалось и в том, что княжеский Боголюбов-город сравнивали с киевским Вышгородом, он якобы даже был на таком же расстоянии от столицы. Здесь Андрей не был оригинален: резиденция его отца под Суздалем считалась местом «становища» «святых» Бориса и Глеба, культ которых сосредоточивался в Вышгороде. Но боголюбовская резиденция Андрея не походила на Вышгород, который был значительным городом. Боголюбов-город был княжеским замком в общеевропейском значении этого слова, или, по-русски, город был создан Андреем «собсе». Он занял одну из восточных возвышенностей князьменской береговой гряды в 10 километрах ниже Владимира, став поблизости от слияния Нерли и Клязьмы и выдвинув к самому устью княжеский Покровский монастырь. Суздальская водная дорога на Клязьму и на «низ» была прочно взята под контроль Андрея. Ниже мы увидим, как этот крутой политический акт церковь обставила санкцией «небесных сил». В постройке замка сказалось то же мастерство горододельцев Андрея, с большим чутьем связавших валы и рвы с кручами входившего в берег оврага и откоса к Клязьме. К реке замок обращался стеной с белокаменными башнями, за которой живописно располагался также белокаменный ансамбль дворца, включавший в свой состав прекрасный придворный храм с парадными златоверхими лестничными башнями и переходами, соединявшими храм с собственно дворцом и замковой стеной. Искусно вымощенная белым камнем пло-

щадь двора с вытесанными из камня желобами и изящной рондой кивория [восьмиколонной шатровой сени] в центре расстилалась вокруг дворца. По ее краям в глубине замковой территории размещались жилища придворных, хозяйственные постройки и службы дворца, конюшни и склады оружия. Даже киевлянин Кузмище, который увидел замок во время кровавых событий смерти Андрея, был потрясен великолепием княжеской резиденции и особенно построенных Андреем храмов. Видимо, мастера и сам Андрей достигли своей цели – создать постройки, не уступающие архитектурным шедеврам Киева²⁷.

Боголюбовский замок – это не только каменный страж суздальской Нерли, это также место, куда Андрей мог уходить от придворного боярства и проводить свои досуги в тесном кругу близких людей – «с малом отрок». Позднейший Тверской летописный сборник сохранил весьма правдоподобное предание о том, что Андрей «любяше монастырь той [во время составления Тверской летописи о Боголюбове-городе не осталось припоминаний] паче меры, и мнози негодоваху о том, яко оставя град [Владимир] и часто в селе Боголюбове и в монастыри том пребываше. Такоже и к святому Спасу на Купалище по вся дни приходяше, ловы бо всегда творяше в той стране и, на Купалищи приходя, прохлаждаашеся и много время ту безгодно пребываше, и о сем боярам его многа скорьбь бысть: он же не повеле им издйти с собою, но особно повеле им утеху творити, идеже им годно, сам же с малом отрок приходяше ту»²⁸. Это замыкание Андрея в узкой группе приближенных было отражением весьма существенных перемен, происшедших при Юрии и резко усилившихся при Андрее.

Расчищая почву для своей борьбы за гегемонию в Русской земле, Андрей должен был обеспечить свое положение на владимирском столе и от возможных покушений со стороны членов своего княжеского дома, которые могли быть использованы местными боярскими кругами. Особую опасность представляли младшие братья Андрея – подростки Михалко и Всеволод, сидевшие в Суздале вместе со своей матерью-гречанкой. За ними Юрий Долгорукий оставил право на Владимирскую землю, нарушенное Андреем. Андрей идет последовательно дальше и в

1163 г. «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя [племянников от брата Ростислава], [и] мужи отца своего переднии. Се же створи, хотя самовластець быти всей Суздальской земли». По-видимому, был изгнан и третий брат Андрея, Михалка²⁹. Очевидно, что завет Долгорукого еще поддерживали некоторые члены его старой дружины и ближайшие советники, перешедшие к Андрею, – на них-то и обрушилась княжеская опала. Однако часть из них, видимо, разделявшая политические взгляды Андрея, осталась при нем. Из них мы знаем внука киевского боярина XI в. Славяты – Бориса Жидиславича, который был воеводой Андреевых полков³⁰.

Изгнанный Михалка осел на юге, а два других брата с матерью-гречанкой уехали в Византию, где были радушно приняты императором; он дал Васильку города по Дунаю, а Мстиславу «волость Отьскалану». Это не было ссылкой в Византию нарушивших греческие интересы князей, какой было, например, изгнание Мстиславом из Руси полоцких князей в 1129 г. Напротив, князья византийской крови, сыновья преданного грекофила – Долгорукого и греческой княжны, которым Юрий завещал Суздальскую землю, лишались своих законных прав и оказывались на положении бездомных изгоев. Это был акт дерзкого самовластия, нарушавший не только семейно-княжескую мораль, но и подрывавший престиж Византии на Руси³¹.

Вопрос о социальной опоре державной политики Андрея не раз вставал перед историками: «Если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, – писал С. М. Соловьев, – если передние мужи были недовольны, если братья княжеские были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея?.. Необходимо предположить, что сила его утверждалась на повиновении младших новых городов или пригородов. Андрей, как видно, хорошо понимал, на чем основывается его сила и не оставил этих новых городов, когда войска его взяли самый старший и самый большой из городов русских – Киев»³². Соловьев правильно указал важнейшую социальную силу, поддерживающую Андрея, – это горожане новых городов и в первую очередь «мизиннии люди» Владимира. Новейшие исследования позволяют думать, что формирование и усиление этих молодых городских слоев шло задолго

до вокняжения Андрея и что его «самовластьство» было не столько его личной чертой, сколько выражением созревающих политических устремлений горожан. Если доверять Татищеву, то Андрей заботился об увеличении городского населения Владимира, он «умножи всяких в нем жителей, яко купцов хитрых, рукодельников и ремесленников разных населил...»³³ Ниже мы увидим, как эта забота об «умножении людей» Владимира отразится во владимирской литературе 60-х годов, где с полной ясностью выступит формула «князь, город и люди». Далее мы увидим расцвет искусства и культуры в княжение Андрея, обязанный своей интенсивностью и блеском этим новым социальным слоям. Рядом с этим выдвиганием города и горожан при Андрее происходили существенные изменения и внутри военно-феодальной массы северо-востока.

Как и для времени Юрия, источники не освещают внутреннюю хозяйственную жизнь Владимиро-Суздальского княжества в правление Андрея. Только косвенные намеки в древних и позднейших памятниках могут сообщить нам некоторые сведения по этому вопросу.

Проведя почти всю жизнь на севере, а затем, с вокняжением, перенеся во Владимир свой стол, Андрей, естественно, должен был иметь там обширные земельные владения и хозяйство. Из его пожалования Успенскому собору виден их объем: собор получил много именья, слободы, купленные князем, и слободы, платившие дань, лучшие из княжеских сел, десятую часть княжеских стад и доходов от торга³⁴. Многочисленные митрополичьи села в Опольском и Боголюбском станах, известные по позднейшим источникам, располагались на север и северо-запад от Владимира. «Вероятно, – пишет С. Б. Веселовский, – это те же самые «села красные», которые князь Андрей Юрьевич дал владимирской кафедре в середине XII в. при основании Владимирской епархии». Также и владения митрополитов в округе Юрьева-Польского были, по-видимому, унаследованы ими от владимирских епископов. В числе владений собора мы встретим позже целый город – Гороховец, называемый «градом святой Богородицы»³⁵.

В управлении городами и селами волости была занята многочисленная княжая администрация: наместники, тиуны, мечники и детские. Эта оседавшая на местах мелкая феодальная знать, несомненно, увеличивала число зависимых земель и крестьян, обогащаясь всеми правдами и неправдами. Эксплуатацию усиливала и государственная необходимость сосредоточения в руках княжеской власти огромных средств, которых потребовала широкая политика Андрея. В событиях 1174 г. мы найдем много общих черт с избиением суздальцев Юрия в Киеве 1157 г. Но на именье алчной княжой администрации в 1174 г. набросились не только горожане, но и «из сел приходяче грабяху» – поднялось, по-видимому, само крестьянство; по Татищеву – «грабили в селах дома княжие и верных его...»³⁶ Можно думать, что и образное описание Даниилом Заточником порядков в северной деревне рисует не новинку XIII в., а отношения, сложившиеся задолго до того, при Юрии и Андрее. Даниил не советует основывать село поблизости от княжого двора или дома его тиуна: «тиун бо его аки огонь трепетицею накладен [покрытый трупом] и рядовичи его аки искры; аще от огня устрезешися, но от искр не можеша устеречися и сождения порт»³⁷.

Еще в конце XI в., во время борьбы с Олегом, князь Мстислав, обороняя Суздальщину, опирался на дружину, сидевшую «по селам» и быстро собиравшуюся по зову князя в поход. С тех пор развитие феодального землевладения на северо-востоке шагнуло далеко вперед. В «статьях о резах» Карамзинского списка Русской Правды, относимых В. О. Ключевским к «Ростовской области» XII–XIII вв., а М. Н. Тихомировым к XIII–XIV вв., содержится «как бы хозяйственная опись какого-то села». В нем было 22 овцы, 22 козы, 6 свиней, 2 кобылицы, 1 телка, 2 роя пчел, на полях засевалось 16 кадей ржи и собиралось 40 копен немолоченной ржи, 15 копей немолоченной полбы, 21 половник молоченного овса, 6 половников ячменя, 5 стогов сена; хозяйство велось на основе трехпольного севооборота – черноземное ополье было районом передового земледелия, основным орудием которого был плуг («а в селе сеянной ржи на два плуга 16 кадей ростовских»)³⁸. Если даже относить эту характеристику к XIII–XIV вв., мы вправе пользоваться ею и для XII в.: сельское хозяй-

ство едва ли прогрессировало в условиях монгольского опустошения, о чем убедительно свидетельствует епископ Серапион владимирский. Скорее наоборот – в XII в., в пору расцвета Владимирской земли, уровень сельского хозяйства следует представлять выше и имущество «села» богаче, чем его рисуют «статьи о резах». Можно уверенно говорить о богатстве владимирских сел, и не только княжеских и боярских.

В «Повести» об убийстве Андрея мы впервые встречаем термин «дворянин» и рядом с ним термин «милостьник», известный еще в древнейшую пору, при княгине Ольге (Малуша-милостьница и ключница Ольги)³⁹. Теперь самый термин обозначает не только приближенного, близкого человека, любимца князя⁴⁰, но более определенную группу «служилого» люда. «Милостьники» получают от князя и оружие и коней, – в Боголюбовском замке хранилось «милостное оружие» и стояли «милостные кони». Опираясь на параллель с «Законником» Стефана Душана, где «милость» связывается с держанием земли, новейший исследователь сделал убедительное заключение, что «милостьниками были зависимые княжеские люди, получавшие от князя “милость” в виде коней, оружия, а, вероятно, и землю»⁴¹. Это был, видимо, наиболее зависимый от князя, малоимущий и в то же время близкий к нему слой новой служилой дворян. «Милостьником» был любимый слуга Андрея Прокопий, погибший вместе с князем в 1174 г. По названию его «паробком» можно полагать, что милостьники составляли «молодший» в прямом и социальном смысле слой княжеского окружения⁴². Еще прадед Андрея Всеволод «нача любити смысл уных», а его дед Мономах предостерегал от излишнего доверия к ним⁴³, сам же Андрей любил жить и действовать «с малом отрок».

Упомянутые в описании тех же событий 1174 г. в Боголюбове наряду с боголюбовскими горожанами «дворяне» были, по видимому, близкой к милостьникам группой служилого люда. Даниил Заточник говорит, что «всякому дворянину [подобает] имети честь и *милость* у князя», т. е. получать у него не только коня и вооружение, но и «села»; для Даниила – человека невоинского духа – последнее было, несомненно, существеннее. Княжеское пожалование изымало человека из его прежних об-

щественных связей; позже псковичи, поссорившись в 1228 г. с Ярославом Всеволодовичем, «тех кто имал придаток [милость] у Ярослава, выгнаша из Пльскова: пойдите по князи своемь – нам еси не братья...»¹⁴. Возможно, что во время Андрея термин «милостыжник» стал заменяться словом «дворянин». Ряды милостыжников и дворян, этого «служилого» слоя XII в., пополнялись из рабов и холопов, образуя нечто подобное западноевропейскому министералитету, но, с другой стороны, выслужившиеся княжьи люди могли входить и в ряды боярства¹⁵.

Позднейшая легенда рассказывает, как Андрей путешествовал по Клязьме до устья реки Тезы, ставя в прибрежных погостах храмы, и как он «пожаловал» одного из своих слуг – зверолова Елифанку «деревней», т. е. землей¹⁶. В легенде об Елифанке упоминается и село Спас-Купалищи, известное уже нам по отрывку Тверского летописного сборника, цитированному выше: это ближе к Боголюбому село, красиво расположенное на правом высоком берегу Клязьмы. Если же мы проследим за ее течением вниз до Тезы, то найдем здесь в изобилии имена селений, с большой вероятностью восходящие к XII в., к именам членов княжого дома и старым терминам быта. Таковы Глебово, Глебова, Борисовка, Михайловское, Михалково, Андрейцево, Андреевская, Княгинина, Якимовский погост, Гридино, Скорморохово и др. Среди них расположен и знаменитый Клязьменский городок – древний Стародуб, возникший в XII в., и село Любец, связанное, подобно Спасу на Купалищах, с преданием о Боголюбском¹⁷. Все эти селения расположены в прекрасных природных условиях. Ниже устья Тезы располагались Ярополч (Вязники) и город Успенского собора Гороховец. Нет ничего невероятного, что, в частности, в этом районе располагались не только княжеские земельные владения, хозяйственные, охотничьи и иные угодья, но что здесь же получали свои пожалования – «милость» и княжьи «милостыжники», образуя начало служилого дворянства, первое упоминание о котором едва ли случайно связано с Боголюбвым. Нельзя не подчеркнуть, что именно Владимирская земля выдвинула такого подлинно дворянского писателя, художника и публициста, как автор, скрытый под именем Даниила Заточника, который задолго до Ива-

на Пересветова поднял голос в защиту мелкого княжеского люда и противопоставил его боярству. У него в числе выхваченных из жизни афоризмов и пословиц есть и такая: «Кому Боголюбиво, а мне горе лютое»⁴⁸.

Конечно, князь жаловал своим слугам не пустую землю, а деревни и села вместе с их трудовым людом. Таким образом, крестьянское население Суздальщины все более попадало во власть больших и малых светских и духовных господ. Они были полновластными владыками в своих феодальных гнездах, им принадлежало не только право нещадной эксплуатации своих крестьян-«сирот», но и власть над самой их жизнью: землевладелец был и верховным судьей своих людей, «маленьким Ярославом» своего владения. Задавленное сидевшей на его спине иерархией господ крестьянство меньше всего могло проникнуться интересом к большим событиям русской жизни и широким планам главы господствующего класса – князя. Едва ли и борьба со старобоярской знатью, которую вел Андрей, что-либо меняла в положении «сирот»: захваченные боярские села не оставались без хозяина, а шли в раздел, и, может быть, новый владелец с большей алчностью использовал свое положение и давил крестьянина, нежели старый боярин.

Все это не могло не сказаться на судьбе военно-политических предприятий Андрея...

В войсках Андрея большую роль, наряду с аристократической конной дружиной, играет пехота – «пешцы», составляющие внушительное ядро владимирских вооруженных сил. Это, по видимому, не только крестьянские, но и городские ополчения, набравшиеся из среды горожан. Позднее, в XIII в. (1259) «граждан-пешцев», наряду с пешцами-смердами, мы встретим в войсках Даниила Галицкого, строившего свою политику, как и Андрей, на союзе с горожанами, которые стремились к нему «яко пчелы к матце». Жители городов, неохотно участвовавшие в княжеских усобицах, понимали и ценили единоподдержавные притязания Андрея и Даниила. Возможно, что значительную долю в организации этих пеших полков Андрей перекладывал на плечи горожан. В конце княжения Андрея мы встретим, наряду со старыми ростово-суздальскими и белоозерскими дружинами, от-

дельные владимирский и переяславский полки. Подобно деду – Владимиру Мономаху, Андрей придавал большое значение народному ополчению, пешим «воям». Рядом со старой знатью, своевольной и способной к неожиданным нарушениям воинской дисциплины и военных планов князя, на командных должностях, очевидно, появляются близкие и преданные князю новые люди. Они не только занимали должности в княжеском дворцовом хозяйстве, но и входили в ближайшее окружение князя во время войны. Во время «злого пополоха» 1149 г. под Луцком «един Андрей Юрьевич укрепися со своим двором», однако и этот ближайший «двор» «хотяху бежати к прочим воем»...⁴⁹. При всей условности феодальной морали эти новые княжьи люди, жизнь и благосостояние которых полностью зависели от князя, были гораздо более верной и прочной опорой, нежели старобоярская знать. Сам Андрей, по отзыву современника, был «не величав на ратный чин», он, видимо, не дорожил феодальной воинской иерархией и в молодости, как мы видели, сам сражался рядом со своими воинами, подавая им пример боевой доблести. Все это делало владимирские полки более дисциплинированными и боеспособными; вокруг них с меньшим риском можно было организовывать силы подвластных княжеств для больших военных предприятий. Однако если горожане, купцы и служилый военный люд ощущали на деле пользу начатой Андреем борьбы за возвышение Владимирской земли и за господство ее князя в Руси, то крестьянство, составлявшее, конечно, большую часть военных сил Андрея, было решительно равнодушно к его планам. Это было одной из причин крупных военных неудач Боголюбского.

В 1164 г. заканчивалось строительство во Владимире; большая церковно-политическая работа, о которой пойдет речь ниже, также была в основном закончена. Это создавало основу для крупных мероприятий по укреплению положения Владимирской земли в усложнявшейся политической обстановке Восточной Европы. На первой очереди стояли отношения к Болгарскому царству.

«Восточная политика» Руси в Поволжье была в XII–XIII вв. местной задачей северо-восточных княжеств. Она почти не ин-

тересовала Новгород и вовсе не привлекала внимания южных князей. Молодая держава Андрея, намечавшая свою широкую общерусскую политическую программу, должна была прежде всего обезопасить свой ближайший северо-восточный тыл и сохранить в своих руках торговое движение вниз по Волге – важнейшей жизненной артерии северо-востока.

В 1164 г. Андрей организует крупный поход на болгар, в котором участвуют и полки муромского князя Юрия, заинтересованного в этом деле ближайшего соседа Болгарской державы. Вместе с братом Ярославом и сыном Изяславом Андрей повел свое войско на Волгу, сопровождаемый иконой Владимирской богоматери. Встречный бой с болгарскими войсками закончился их разгромом, так что «князь болгарский» едва убежал с малой дружиной в Великий город. После этого были взяты Бряхимов на Каме и четыре других болгарских города. Болгарский удар по владимирскому Поволжью 1152 г. был отмщен. Правда, победа обошлась лично Андрею дорого: «того же лета преставися у князя Андрея сын Изяслав, пришед из Болгарского бою»... Победа приписывалась «помощи» Владимирской иконы – это было в глазах современников «оружие обоюду на врагы остро и огонь попаля[ющий] противных наших, хотящи[х] с нами брани»⁵⁰.

Теперь мы и должны посмотреть, как выковывал Андрей свой духовный «обоюдоострый» меч.

V. МЕЧ ДУХОВНЫЙ

Внимательно наблюдая борьбу вокруг Киева и ее ведущие силы, Андрей мог без труда определить одну из них, которая, казалось, стояла в стороне от кровавой «суеты сует» княжеских усобиц, но на деле играла важную роль в их течении. Это была церковь с ее непререкаемой духовной властью.

За ее спиной стоял многовековой опыт византийского православия, развившего и усовершенствовавшего искусство поработать живую человеческую мысль, воспитывать в народных массах рабскую покорность власти. Уже более полутора столетий церковь вела свою работу на Руси, упрочивая незыблемость феодального строя, освящая право господ и бесправие народа. «Социальные принципы христианства, – замечает К. Маркс, – провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям...». В руках церкви находились могучие средства пропаганды: многочисленные храмы, покрывавшие Русь, искусство и литература. Рядом с владениями светских феодалов росли щедро умножаемые князем и боярством земли епископов и общин «непогребенных мертвецов» – монастырей. Церковь сама была крупнейшим феодалом, мощной и самостоятельной политической силой. Разветвленная система церковного аппарата от константинопольского патриарха через киевского митрополита, епископов и местное духовенство пронизывала всю русскую жизнь вплоть до личного быта человека. Митрополит-грек, сидевший в Киеве, всегда знал течение дел в любом отдаленном углу Русской земли и мог оказать свое властное давление на его ход: Византийская империя продол-

жала рассматривать Русь как свою провинцию. Попытки Ярослава Мудрого, а столетием позже – Изяслава киевского поставить во главе русской церкви русского митрополита были неудачны: на русском митрополичьем престоле неизменно появлялся византиец. Простирая свою духовную власть через рубежи княжеств раздробленной Руси, церковь могла бы стать сильнее-шим средством ее сплочения, но усиление Руси было не в интересах империи.

Авторитет церкви, столь тяжкий и непререкаемый для темных народных масс, не высоко оценивался самими князьями. Владимирко галицкий, пожаловавшийся на то, что теперь «ангела бог не сослеть, а пророка в наши дни нетуть, ни апостола», сам являл типичный образец князя феодальной Руси: хитрый и изворотливый, не стеснявшийся в средствах, он легко нарушал клятвы, и ему же принадлежит знаменитая фраза, сказанная, когда ему напомнили о крестоцеловании и грядущей каре за его нарушение: «Сей ли крестец малый?!» [т. е. «этот ли крестишко может мне угрожать?!»]. Это – один из современников Андрея. Княжеская мораль и политические взгляды далеко ушли от благородных идеалов Мономаха. Крестоцелования нарушались с такой быстротой, что «губы еще не успевали обсохнуть». Владимир Мстиславич, «вертлявый ко всей братьи своей», изменял клятве ради того, чтобы «уклониться на имение, и на села, и на стада» княгини – вдовы своего противника. Киевский князь Ростислав Мстиславич на смертном одре обобщал свою жизнь формулой, что «княжение и мир не может без греха быти». Освященные прошлым обычая уступали новым. Противник Долгорукого князь Изяслав киевский пустил в оборот крылатое словцо: «Не место идет к голове, а голова к месту» – циничная мораль феодала, развязывавшая личную инициативу, клонилась ли она к частной выгоде и мелким делам или к большим, широко задуманным политическим мероприятиям¹.

Андрей не уступал Изяславу ни в решительности, ни в энергии. Но все же он прекрасно оценивал силу и упорство сопротивления осуществлению его планов не только внутри своей Владимирской земли и даже не только на Руси, но и за ее пределами. Византия зорко следила за происходившими на далеком

северо-востоке Европы событиями и не могла оставаться равнодушной к росшей здесь государственной силе, способной нарушить не в пользу Царьграда установившиеся русско-византийские отношения. Перед глазами Андрея была история недавней неудачи с поставлением русского митрополита Клима Смолятича. «Империя, – замечает М. Д. Приселков, – только в дроблении сил нового сильнейшего Ростово-Суздальского княжества в это время и в ближайшие годы видела свою основную задачу...»² К тому же византийский император Мануил вынашивал план более непосредственного включения Руси в состав Ромейской империи: предполагая присоединить Венгрию, Мануил рассчитывал, что она сольет в единое целое с Русью территорию его державы. Эти намерения были, видимо, поняты и на Руси, обостряя дело борьбы за ее самостоятельность³. Поэтому, чтобы противостоять Византии с ее огромным церковным авторитетом, кроме военной и политической силы, новые замыслы Андрея требовали освящения санкцией религии и авторитетной поддержки церкви, а та земля, на которую он опирался в своей борьбе, должна была приобрести «небесное покровительство» и защиту.

Владимир – столица Андрея – был молодым городом, без всяких исторических традиций: старая Ростовская земля была лишь недавно христианизирована. Политический курс Андрея был нов и необычен. Поэтому идеологическое обоснование широких прав земли и князя не могло не пойти по опасному пути создания религиозных и исторических легенд, подобно тому как этим же путем шло позже идейное оформление московского самодержавия.

Церковные же дела в середине XII в. были исключительно запутанными и напряженными. Источники столь противоречат друг другу в освещении этих тонких и острых церковно-политических отношений, что не бесспорна даже хронологическая канва событий, не говоря уже о спорности самой внутренней связи между ними. Достаточно сказать, что важнейший документ, грамота патриарха Луки Хризоверга, датируется по-разному: от 1158 до 1168 г.⁴

Новый митрополит, грек Константин, стремившийся пресечь на будущее возможность избрания русскими епископами своего митрополита, сменил всех русских епископов, не внушавших доверия. В 1156 г. очередь дошла и до ростовского епископа Нестора, который был сторонником грека Нифонта в деле Климента Смолятича, но не присутствовал на соборе 1147 г. Митрополит лишил его кафедры, а в 1158 г., на другой год по вокняжении Андрея, в Ростов прибыл епископ грек Леон. Повидимому, он ревностно взялся за запущенное Нестором церковное хозяйство и в особенности за строительство новых храмов в Суздальщине. Усиленные налоги на духовенство вызвали недовольство новым епископом, и Леон на другой год, в 1159 г., был изгнан ростовцами и суздальцами, «зане умножил бяше церкви, грабляй попы». Можно предполагать, что энергичный грек грабил не столько духовенство (что было безразлично для народа), сколько саму паству, чем и вызвал протест горожан Ростова и Суздаля. На севере Леону вменяли в вину и то, что он «не по правде поставися Суждалю... перехватив нестеров стол», когда еще Нестор был жив⁵.

Однако Леон уже около 1163 г. вернулся на свою кафедру. Но за это время обстановка сильно изменилась.

В год окончания постройки Успенского собора во Владимире, в 1160 г., старый Ростов стал жертвой пожара; сгорела и его соборная церковь: «Того же лета погоре Ростов и церкви все, и сборная дивная и великая церковь святое Богородице сгоре, якое же не было и ни будеть». Совпадение дат окончания постройки Владимирского собора и пожара ростовского позволяет подозревать, что пожар Ростова был не случаен, что здесь мог быть поджог с намерением подорвать значение старого центра земли: ростовскому епископу негде было бы даже служить. Андрей вскоре по пожаре собора начал постройку нового каменного храма в Ростове. Но это была маленькая церковь, – Андрей не собирался возвеличивать Ростова. «И бе церковь основана мала, – читаем в Житии епископа Леонтия, – и начаша людие молитися князю дабы повелел боле церковь заложити едва же умолен быв повеле воле их быти». Но, видимо, Андрей не особенно заботился об этой постройке, – пост-

роенная наспех, за один год (1161–1162), церковь упала уже в 1204 г.⁶

Положение Леона осложнялось особенно тем, что теперь у Андрея был и свой, русский кандидат, некий Федор из белого духовенства; он, видимо, был уже наречен епископом и назывался «владыкой». Сам же Андрей думал теперь уже не об епископии, а об особой владимирской митрополии; еще раньше он «мысляше в себе, еже бы како митрополии быти в Ростове или в Суздале, или паки град велий воздвигнути Володимерь, его же созда блаженны и великий князь Владимирь, иже крести всю Русскою землю»⁷. Поэтому Леон – византийский агент во Владимирской земле – был при первом удобном случае снова удален, а повод представился скоро.

В праздник рождества 1163 г., приходившийся на постный день – среду, Андрей по совету Федора устроил пир для своих бояр; Леон, приглашенный к столу, увидев скоромные, мясные яства, публично и резко указал князю на недопустимость этого по греческим правилам. При стечении большого числа гостей и придворных Федор вступил в спор с Леоном и «упре его». По видимому, Леона поддержали Андреева мачеха-гречанка и его младшие братья вместе с некоторыми старыми боярами, – «передними мужаи» Юрия. Они, видимо, отказались от княжеского стола, вызвав вспышку ярости оскорбленного Андрея. Это и было формальным поводом к их изгнанию⁸. Леона же Андрей послал в Ростов, что теперь, после пожара, походило на ссылку. В 1164 г. Андрей хотел смягчить дело и пригласил Леона в Суздаль, снова поставив перед ним вопрос о разрешении поста по средам и пятницам праздничной пасхальной поры. Но Леон снова ответил запретом и был теперь решительно изгнан из Суздальской земли.

Этот спор о постах был отражением происходившей в греческой церкви борьбы относительно более строгой и более снисходительной практики постов. Константинопольская патриархия стояла за безусловную строгость их соблюдения. На Руси Киево-Печерский монастырь был сторонником льготных правил поста, в особенности по отношению к мирянам. Андрей и Федор стояли на этой же точке зрения. Вопрос этот имел нема-

ловажное значение для людей их недавно христианизированной земли. Русский порядок был сочтен правильным, а греческая доктрина Леона объявлена «ересью леонтианской». Страстность же борьбы вокруг этого, узко вероисповедного вопроса свидетельствует, что в нем олицетворялись различные взгляды на отношение к Византии и ее духовной гегемонии над Русью⁹.

Леон отправился на разбор дела в Царьград. В 1164 г. в лагере императора Мануила, находившегося в венгерском походе, встретились послы южных князей, прибывшие для заключения договора против Ярослава галицкого: посол Андрея – Илья, пришедший вместе с владыкой Федором хлопотать о его посвящении, и изгнанный Андреем Леон. Перед лицом императора, любителя богословских диспутов, состоялся спор Леона с епископом болгарским Андрианом, который, как раньше Федор, «упрел» Леона. Запальчивый Леон забыл придворный этикет, и «слуги царицы удариша Леона за шью, и хотеша и в реце утопити». Посол Ростислава киевского одновременно ставил вопрос и о замещении митрополичьего престола в Киеве, на который предлагал вернуть Клима Смолятича. Но Мануил, не желавший портить отношений с дорогим для него союзником и в то же время не хотевший упустить Русь из греческих рук, ответил уклончиво. Отправленное в 1165 г. второе посольство Ростислава опоздало, так как на Русь прибыл новый митрополит – грек Иоанн с императорским послем и богатыми дарами.

Столь же неудачным оказалось и посольство князя Андрея. Император был недоволен им за изгнание мачехи-гречанки и братьев. А грамоты Андрея ставили сложные вопросы – об обвинении Леона в ереси Федором и об организации новой митрополии с поставлением на нее Федора. Грамоты Андрея были прочтены патриаршим собором (1164); собор похвалил Андрея за обширное строительство храмов и за расширение города Владимира с его многочисленными храмами «во славу бога» – «той [т. е. бог] ти множицею благородию твоему воздасть», пообещал Андрею патриарх, но в поставлении Федора все же отказал. Оно не могло состояться до суда над Леоном, который прежде всего подлежал компе-

тенции киевского митрополита¹⁰. Грамота же Андрея о митрополии была оставлена без рассмотрения. Поэтому Федор и Леон вернулись на Русь. Митрополичий суд (по-видимому, летом 1165 г.) оправдал Леона.

Однако правота Леона продолжала вызывать сомнения в русской церкви; здесь оправдывали точку зрения Федора и печерских монахов на вопрос о постах. Поэтому и Андрей не допускал Леона на ростовскую кафедру, ведя церковную работу с Федором, которого он прочил теперь уже в епископы своего княжества. Посвящение мог сделать только киевский митрополит, но он стоял за грека Леона, и надеяться на перемену его взглядов можно было, лишь имея достаточные средства на подкуп. Федор начал собирать эти средства, не останавливаясь перед насилием и вымогательством, чем уронил себя в глазах народа. Может быть, в это время Федор потерял и всякую меру в соблюдении элементарного церковного такта, присвоив себе внешний знак митрополичьего сана – белый клобук, почему за ним и установилось прозвище «белый клобучок»¹¹.

Тем временем Леон снова явился к патриарху с просьбой подтвердить свое оправдание, и только теперь Лука Хризоверг извлек из забвения послания Андрея и ответил на них. Ответ патриарха содержал теперь прямой отказ от учреждения новой митрополии, оправдание Леона и обвинение Федора; было отказано и в особой владимирской епископии, было предложено, если захотят этого епископ и князь, лишь переменить местопребывание епископа на столицу – Владимир. Таким образом, Андрей оставался с ненавистным греком Леоном при непосвященном, а, видимо, только нареченном русском «владыке» – Федоре. Грамота патриарха, требовавшая от Андрея разрыва с Федором и отсылки его на суд митрополита, угрожала Андрею отлучением, и он был вынужден отправить Федора (видимо, в 1168 г.) в Киев. Может быть, у обоих еще была надежда на благополучный исход дела... Однако митрополит проявил крайнюю жестокость, осудив Андреева любимца на мучительную казнь. Федору сначала отрезали язык, как злодею и еретику, потом отрубили правую руку и выкололи глаза «за хулу на богородицу». В то же время митрополит «запретил» печерского игумена

Поликарпа за ту же русскую практику постов, которая вызвала и «леонтианскую ересь». По-видимому, не только эта сравнительно незначительная «митрополичья неправда», но конечно, и казнь Федора сделали столь беспощадным разгром Киева Андреем в 1169 г.

Леон продолжал занимать ростовскую кафедру, не проявляя, однако, более никакой инициативы. Только в дни после убийства Андрея мы можем ощутить его мстительную руку – тело Андрея оставалось непогребенным почти неделю¹².

Такова вероятная внешняя канва событий церковно-политической борьбы Андрея. Она окончилась неудачей, но за ее десятилетие владимирский северо-восток трудами князя и владыки Федора неизмеримо возвеличил свое церковное значение, а его «святыни» заняли видное место в русском пантеоне.

Прежде всего был развит и усовершенствован культ богоматери, получившей значение преимущественной покровительницы Андрея, его стольного града, его людей, его политики. Это имело большое моральное значение – новый город «мизинных людей» Владимир вступал под защиту той же силы, что и Киев и самый Царьград.

В Византии почитание богоматери и ее икон получило особенное развитие с VII в. Частые нападения на империю различных народов и в их числе славян способствовали усиленному почитанию богородичных икон. С ними духовенство обходило стены города при его осаде; при императоре Ираклии они появляются на мачтах кораблей; уезжая из Византии, Ираклий поручает «охрану» столицы чтимой иконе богородицы. Победы византийских войск приписываются «помощи» ее иконы. После разгрома иконоборцев этот культ возобновляется с новой силой; Иоанн Комнин, возвращаясь в Царьград из победоносного похода, с особой пышностью встречает икону богородицы.

На Руси была особенно известна другая царьградская реликвия – «риза богоматери», хранившаяся во Влахернском храме. В русской летописи было описано и «чудо» этой святыни: когда (в 860 г.) русские дружины осадили Константинополь, патриарх Фотий после всенощной молитвы в храме вынес «ризу бо-

гоматери» и омочил ее в водах Босфора, после этого будто бы сразу поднялась буря, которая потопила русские ладьи, и город был спасен. Однако Византия, несмотря на это «чудо», должна была пойти на договор «мира и любви». Патриарх Фотий в этой связи составил обширный хвалебный акафист богоматери, послуживший источником для многих церковных сочинений в честь богородицы. Особое заступничество богородицы за столицу православия Царьград было подчеркнуто и в популярном на Руси «Житий Андрее юродивого» (славянина родом).

На Руси почитание богоматери и ее икон постепенно стало также повсеместным и приобрело характер «городского» культа. Первый каменный храм в Киеве – Десятинная «митрополичья» церковь – был посвящен Успению богородицы. Столетием позже Успенская «великая церковь» была создана в первом русском Печерском монастыре, в Киеве. Церковная легенда о «чудесной присылке» из Царьграда греческих зодчих для постройки «великой церкви», записанная в «Печерском патерике», обнаруживает новую тенденцию в русском культе богородицы. По словам этой легенды, мастера были вызваны самой Влахернской богородицей, которая якобы дала им «на три лета злата» и приказала идти на Русь и построить там в Печерском монастыре храм в ее честь. «Прииду же и сама видети церкви и в ней хощу жити...». Таким образом, Влахернская богоматерь, будто бы избавившая при патриархе Фотии Царьград от русских, теперь сама «поселялась» на Руси, становясь ее специальной покровительницей. Эта печерская легенда имела весьма актуальный смысл для развития русского самосознания. По образцу Печерского храма создавались в XII в. Успенские соборы в главных городах русских княжеств, как бы символизируя распространение патроната богоматери на все русские области. Такие храмы были созданы в Смоленске, Ростове, Суздале, Рязани, Галиче, Владимире-Волынском.

Таково было развитие городского богородичного культа на Руси ко времени Андрея Боголюбского¹³.

Необходимость опоры на авторитет религии в задуманной Андреем политической борьбе была ясно осознана им еще до ухода из Вышгорода. Решившись на этот акт, он начал совето-

ваться с вышгородским духовенством об иконах, ища среди них такой известной реликвии, которая могла бы освятить своим именем его дела. Ему указали на икону богородицы в храме вышгородского женского монастыря, вокруг которой вышгородские попы уже создали ореол «чудотворной» силы. Рассказывали, что она не раз даже проявляла желание покинуть Вышгород и не раз «сходила» со своего места! Это было как раз то, что требовалось для политических планов Андрея: он понял, что «сия икона прешла всех образов», т. е. была особо популярной и чтимой. Вместе с тем это было и исключительное в художественном отношении произведение византийского мастера XI в., незадолго перед тем привезенное на Русь из Константинополя. Вопреки мертвящему церковному канону богородица была изображена здесь художником не в образе гордой и неприступной «Царицы небесной», но в виде глубоко страдающей о грядущих судьбах своего ребенка молодой матери. Ее прекрасное тонкое лицо с маленькими губами и полными скорби глазами склонилось к младенцу, сидящему на руках и тянущемуся с детской нежностью к лицу матери. Сама утонченная живопись этой иконы прекрасно гармонировала с ее лиризмом и одухотворенностью, — сквозь нежную смуглую кожу лица просвечивал слегка играющий румянец, скорбные глаза матери как бы сияли изнутри полным любви и тревоги чувством. Эти черты реализма и волнующей эмоциональности, прорвавшиеся сквозь отвлеченные нормы церковного искусства, усиливали культовую действенность иконы: она ударила по чувствам молящихся живостью и человечностью образа богородицы.

Этой иконе и суждено было стать палладиумом Владимирской державы Боголюбского. Андрей увез ее с собой.

«Уход» чудотворной иконы из Киевщины на владимирский север как бы продолжал развитие пещерской легенды: тогда богородица «покидала» Царьград для Киева, теперь она «покидала» Вышгород для Владимира. Княжеский поезд из Вышгорода во Владимир был похож на религиозную процессию, икону везли летом на санях, как, по русскому обычаю, возили новобрачных, мертвых или больные «святыни»; с иконой следовал захваченный Андреем из Вышгорода клир во главе с попом

Микулой и диаконом Нестором. Андрей и его спутники позаботились о том, чтобы еще в пути будущая центральная «святыня» стольного Владимира продолжала «творить чудеса». Происшествия долгого странствия на север связывались с вмешательством «чудотворной» иконы. «Сказание о чудесах» повествует, например, как был «спасен» проводник Андрея, искавший брода через разлившуюся реку Вазузу и увязший в топком дне, как при проезде через Рогожские поля взбесившийся конь сбросил ездового и подмял под ноги беременную попадью Миккулы и как она «чудом» избавилась от гибели¹⁴. Наконец, когда княжеский поезд приближался к Владимиру и был неподалеку от устья Нерли, конь, везший сани с иконой, будто бы остановился, и никакая сила не могла его стронуть: «Ту же коня много били, а конь с того места не идет...» Это было главное из «чудес», которые требовались на первых порах от новой «святыни»: здесь, на узле жизненно важных путей земли, Андрей вскоре построит свой пригородный замок. Построенный Мономахом Остерский Городок, важный пункт в эпопее борьбы Юрия за Киев, тоже был освящен «чудом» – «видением» огненного ангельского столпа. Место княжеского замка на устье Нерли, сыгравшего столь важную роль в истории Андрея, так же было представлено как исполнение «указания свыше», а самый замок получил название Боголюбова¹⁵. Здесь был поставлен храм Рождества богородицы, а на самом Нерльском устье – храм Покрова богородицы – нового, установленного Андреем праздника в честь ее «заступничества» за владимирских людей и их князя. Над крутым берегом мелкой нерльской дельты был водружен путевой белокаменный крест, надпись на котором прославляла силу креста, «утверждающего» державу царей и церкви и благополучие верных им людей¹⁶.

По-видимому, перенесение иконы богородицы освящало и узаконивало в глазах современников и необычный курс Андрея на неограниченное «самовластье». Московские книжники XVI в., работающие над энциклопедией московского самодержавия – «Степенной книгой», может быть, следуя каким-то историческим традициям, очень резко подчеркивали связь культа Владимирской иконы с «державством» Андрея: «И уже тогда

Киевстии велиции князи подручни бяху Владимирским самодержцем. Во гради бо Владимири тогда *начальство утвержашеся пришествием чудотворного образа Богоматери*. С ним же прииде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствова»¹⁷.

Андрей не жалел огромных средств и для монументальной пропаганды культа богородицы. Его исключительное значение во Владимире было подчеркнуто посвящением ему новых храмов. Главный собор столицы по киево-печерской традиции был посвящен Успению богородицы; здесь и была поставлена вышгородская икона, ставшая отныне «Владимирской». Церковь на Золотых воротах посвятили празднику Положения риз богородицы: подобно тому как церковь Благовещения на Золотых воротах Киева воспринимали символически, как предвестие славы столицы Ярослава, так и надвратный храм столицы Андрея был символом покровительства богородицы, как бы простиравшей над своим городом свои одежды. Новому празднику Покрова богородицы была посвящена церковь Покрова на Нерли. Рождеству богородицы посвятили дворцовый собор Боголюбовского замка.

Князь и владимирское духовенство энергично укрепляли авторитет Владимирской иконы, ее «чудеса» предавались широкой огласке и служили поводом празднований и пиров. Так, после эффектно обставленного «исцеления» сухорукого владимирца поп Нестор «сотвори праздник и призва к себе князи и бояре, исцелеваго одаривше и пустиша и бысть радость велика во граде Владимире того дни...». Празднования Успения – престольного праздника городского собора – также устраивались как пышные впечатляющие торжества, великолепие которых поражало и ослепляло сознание народа¹⁸.

Андрей, неустанно искавший новых способов приучить народные массы к мысли, что его политика находится под небесным «покровительством», не удовлетворился тем сильным воздействием, которое, несомненно, оказывал культ иконы Владимирской богородицы. На службу этой политике был поставлен новый праздник богородицы. Княжеские живописцы создали новый образ богородицы, воплотив его в большой иконе Бого-

любской богоматери, где она была изображена молящейся перед Христом о заступничестве и милости. Вокруг этой иконы была также создана атмосфера «чуда»: рассказывали, что якобы такую она «явилась» Андрею, когда князь ночью молился в походном шатре над Нерлюю на месте своего будущего Боголюбовского замка. Этот образ и был, по-видимому, первоначальным иконографическим вариантом изображения нового праздника богоматери – Покрова.

Уже достаточно давно признано, что праздник Покрова установлен на Руси и праздновался только здесь, но исследователи колебались в определении места и времени его установления. Одни считали, что он был учрежден в Киеве в первой половине XII в. (до 1157 г.)¹⁹. Другие с гораздо большим основанием полагали, что праздник был установлен во Владимире в княжение Андрея Боголюбского²⁰; эта последняя точка зрения подтвердилась новейшими исследованиями²¹. Как и предшествующие церковно-политические мероприятия Андрея и Федора, этот акт установления нового праздника был осуществлен ими самостоятельно, без согласования с митрополитом.

Дошедшие до нас в списках разного времени «Проложное сказание», «Служба» и «Слово на праздник Покрова»²² с особенной яркостью раскрывают примечательные черты владимирского культа богоматери.

Материалом для оформления праздника послужило упоминавшееся выше «Житие Андрея юродивого», в котором описывалось, как во Влахернской церкви Константинополя ему якобы «явилось видение» – богородица, простиравшая над молящимися свое головное покрывало в знак «заступничества». Ссылка на этот сюжет жития есть в «Службе на Покров»²³. Поэтому и князь Андрей, устанавливая свой праздник Покрова, считал, что он не вымышляет чего-либо нового, но лишь «обновляет» забытое без прославления «древле бывшее... чудное видение тоя»²⁴. Это давало основание для обхода митрополичьей санкции и самостоятельного установления праздника.

Как и в «Сказании о чудесах» Владимирской иконы, из строк «Службы» и «Слова на Покров» ярко встает образ города Владимира. Во владимирских церковных сочинениях получается

так, что это о Владимире говорил древнееврейский пророк Исаия как о «горе господней», увенчанной храмом; теперь-де это сбылось: «горы бо и холми украсишася многоименитыми церквами твоих [богородицы] праздник»²⁵. А богородичных храмов во Владимире и Боголюбове было, как мы видели, очень много. Ее покровительство, по словам «Службы», простиралось не только на город, столь отмеченный ее храмами, но и на их строителя – «князя и людей»; богородицу просили: «защити князя и люди от всякого зла», «спаси град и люди умножи, и дажь князю сдравие телеси, на поганья победу»²⁶. Так из строк этих церковных сочинений с выразительной ясностью выступает формула «князь, город и люди», лежавшая в основе политической деятельности Андрея.

В чем же заключалась главная идейно-политическая суть «покровительства богородицы»? Можно думать, что, кроме мысли о богородице как специальной «покровительнице» города – мысли, развитой и в Царьграде, и на Руси, – праздник Покрова напоминал и об особом случае, когда богородица будто бы защитила Царьград от русских при патриархе Фотии: теперь же она становилась «покровительницей» самих русских. В этом были особая острота нового праздника Покрова, его активная политическая направленность. «Покровительство» богородицы, как свидетельствуют памятники покровского культа, и относили к тем острым и трудным положениям, среди которых прокладывал новую дорогу Андрей. В «Службе» постоянно обращение к богородице о победе князя над врагами: «молися победу подати князю на врагы», «укрепи... славящего тя князя на противныя врагы»; ей молятся о ниспослании «мира миру, а князем державы и утверждения...», «подати победу князю нашему и погубити на нас воюющих...»²⁷. Особенно выразительна восьмая песня канона – «гордыню шатания низложи и совет неправедных князь разори, зачинающих рати погуби... и верному князю нашему рог [силу, крепость] възнеси»²⁸. Во всех этих строках молитв совершенно ясно звучит мысль о борьбе с феодальным хаосом, о жестоком сопротивлении, которое встречало тогда это рано начатое дело, вызывая заговоры и шатания «неправедных князь», зачинающих усобицы. Против всего это-

го было необходимо усиление княжеской власти, что было выражено здесь библейским оборотом «вознести рог». «Слово на праздник Покрова», составленное, по-видимому, в XII же веке, но дошедшее до нас в переработке XIV в., еще ярче формулирует эту основную политическую линию праздника Покрова. Богородица защищает своим покровом «от стрел летящих *во тьме разделения нашего*», от одного его [покрова] прикосновения «всяк союз злых решится [рушится]» и низлагаются «советы помышляющих злая на души наша и телеса»²⁹. Здесь особенно ясно и образно раскрыто основное зло, с которым боролись Андрей и наследники его дела, московские князья, – «тьма разделения нашего», рознь русских сил.

Так в стихах церковных песнопений и богослужебных текстов отражались насущные практические мысли и государственные заботы Андрея и его верных владимирцев, а культ богородицы приобретал острополитическое содержание и целеустремленность. Все эти тонко отточенные средства идеологического воздействия – высокое архитектурное совершенство храмов, красота новых икон, слова молитв и песнопений, прославлявших свой, владимирский культ богородицы – оказывали могучее давление на сознание народных масс, владимирских горожан и крестьянства. Народ проникался мыслью, что, действительно, за спиной их князя стоит непобедимая сверхъестественная сила. Зная это, можно понять реальную действенность этого культа и увидеть в записях летописи о том, что богородица «граждане свои [владимирцев] укрепляет»³⁰, не только церковную риторику, но и действительную идеологическую опору, которую давал столь поднятый Андреем культ богородицы в тяжелые моменты политической жизни города.

Однако культ богородицы при всем своем подчеркнuto «владимирском» характере отнюдь не приобрел узко местного значения. Напротив, во владимирских церковно-литературных памятниках с не меньшей настойчивостью звучит идея «покровительства богородицы» над всей Русской землей. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы» так же ясно стремление приписать ей покровительство и над широкой территорией всей Руси. Ее сила якобы проявлялась и в Твери, и в Муроме, и даже

в далеком Переяславле-Южном³¹. В «Службе на Покров» автор призывает «все концы земля» почтить новый праздник, который князь и люди прославили не только в своем княжестве, но и «в рустей земли». Здесь, пожалуй, впервые Суздальский северо-восток был охвачен понятием единой Русской земли, которое в позднейших переработках «Службы» закономерно звучит как «Российская земля». В практической борьбе с «тьмой разделения нашего» кристаллизовалась идея национального единства Русской земли³².

Развитие владимирского культа богоматери как очень популярного общерусского культа, видимо, вызывало беспокойство соседей. Так, в Новгороде, в противовес культу Владимирской иконы, выдвигается культ иконы Знамения богоматери, которая будто бы помогала новгородцам, осажденным в 1169 г. войсками Андрея. По словам позднего новгородского сказания, богоматерь «верным же своим рабам [новгородцам] дерзновение дарова: по своем бо граде Богородица поборающе без крови победу показа». Так земная борьба переносилась на небо³³.

Таким образом, по своим развитым национальным идеям владимирская литература стоит посередине между литературой эпохи Мономаха – его «Поучением» и «Повестью временных лет» – и великим «Словом о полку Игореве». Она как бы связывает эти казавшиеся столь оторванными друг от друга моменты развития мысли о национальном единении Руси.

Развивая пропаганду культа богородицы, Андрей и его церковные сотрудники, видимо, хорошо учитывали ту «аудиторию», к которой обращались и рассказы о «чудесах» и богослужебные песнопения. В них культ богородицы был менее всего мистическим и отвлеченным, ее делали простой и повседневной участницей жизни города, помощницей в бедах простых людей. «Сказание о чудесах Владимирской иконы» нарочито наивно, незамысловато, – она будто бы больше всего помогает больным женщинам, избавляет от беды проводника-крестьянина, какого-то безвестного паралитика, каких-то владимирских людей, задавленных сорвавшимися тяжелыми створами только что отстроенного здания Золотых ворот, и т. п.³⁴ Укрепляя владимир-

скую церковь и прославляя ее «святыни», князь Андрей и епископ Федор не стеснялись приблизить к земле самое божество. И они достигли своей цели: культ Владимирской иконы приобрел широкую популярность и крепко завладел сознанием людей. Это сказалося, например, в любопытной детали болгарского похода 1164 г.: когда Андрей с дружиной хотел воздать иконе благодарственное моление, оказалось, что она находилась «на полчищи» среди «пещцов», т. е. той городской части Андреевых полков, которая была характерной для его воинских формирований³⁵. Интересно, что аналогичный по своему характеру культу Покрова культ богоматери *Misericordia*, возник на Западе позднее, в атмосфере расцвета коммунальных вольностей итальянских городов XIII – XIV вв.³⁶ В Византии же того времени русский праздник Покрова не был признан.

Если справедливо относить к Андрею учреждение празднования Спаса 1 августа в связи с победой над болгарами³⁷, то и этот праздник был обращен главным образом к той же «покровительнице» Владимирской земли – богородице. К ней направлены читавшиеся в этот день моления о «победе на враги», ибо она «все елико хочет свершает невозбранно и может». Культ богоматери и в особенности Владимирской иконы дал в руки Андрея «оружие обоюду на врагы остро и огонь попаляя противных наших, хотящих с нами брани»³⁸. Что владимирский культ богоматери действительно был разящим оружием в руках Андрея, лучше всего свидетельствуют рассказы летописи об острой ненависти к владимирскому Успенскому собору и его главной святыне, например, рязанских князей, которые в краткие минуты своего торжества как бы мстили храму Андрея его ограблением.

Но всей этой работы по развитию и владимирской локализации культа богоматери было недостаточно. Одним из важнейших условий успеха начатой Андреем церковной политики могло стать доказательство древности христианства на северо-востоке и наличие местных «подвижников» церкви. На эту тему и обращается особое внимание князя и епископа.

Мы видели, что, утверждая исторические права своей молодой столицы, Андрей выдвинул мысль о первоначальном ос-

новании города Владимиром киевским: «Свершен бысть град Владимир Залешьский Володимером Манамахом, и созда в нем церковь камену святого Спаса, а заложил его бе прежде Володимер Киевский»³⁹. В указании летописи, что Андрей дал своему Успенскому собору «десятину», звучит явное припоминание о построенной Владимиром в Киеве церкви богородицы, также обеспеченной десятиной от княжих доходов⁴⁰. Десятинная церковь Киева была «митропольей», таким же мыслил Андрей и свой «десятинный» Успенский собор во Владимире. Андрей как бы сознательно подчеркивал сходство своих действий с работой «равноапостольного» предка⁴¹. Поэтому не вызывает особых сомнений и цитированный выше рассказ Никоновской летописи о том, как Андрей держал торжественную речь к своим боярам при освящении Успенского собора, указывая, что он лишь «обновляет» город митрополией, так как право на нее уже дает принадлежность Владимира к числу первокрещенных русских городов, и он лишь восстанавливает это древнее право. Здесь встречалась политическая и церковно-историческая концепция Андрея. Их ретроспективизм определялся условиями XII в. Жизнь еще не давала ясного ответа о путях движения вперед, к объединению феодальной Руси. Зато позади был пример могучей державы Владимира и Ярослава. Начиная свою объединительную работу, Андрей «заимствует костюм» Владимира киевского и считает себя его продолжателем; идя вперед, он смотрит назад⁴². Современник Андрея германский император Фридрих Барбаросса, стремясь к расширению своего государства и упрочению своей власти, также считал себя преемником императоров Рима и стремился подражать создателю «Священной Римской империи» Оттону, которого он и канонизировал в 1165 г.

Но если установление ранних связей Суздальщины с именем Владимира киевского находило опору в княжение его сыновей Бориса (в Ростове) и Глеба (в Муроме), а связанные с ними воспоминания особенно подчеркивались («становище» Бориса и Глеба на Кидекше), то гораздо сложнее было доказать давнюю христианизацию края, так как деятельность первого ростовского епископа Леонтия была слишком близка и хорошо

памятна. Но его «мученическая» смерть от руки «язычников» была очень выигрышным моментом в истории христианизации северо-востока. Когда в 1161 г. на месте сгоревшего ростовского собора стали копать рвы для малой каменной церкви, то «обретоша мертвых много»; среди них, видимо, трудно было определить епископские останки. Однако одно погребение было признано могилой преемника Леонтия – Исаии. Затем, при рытье рва для передней стены храма, «обретоша гроб, и бе покровен двема дьскама». Его усвоили епископу Леонтию: «...и отверзоша гроб, и видеша лицо великого Леонтия, светящеся яко свет»...

Так были «открыты» столь нужные для планов Андрея «мощи» местного пастыря церкви. Событие было обставлено с подобающей помпой. Андрей прибыл сам в Ростов и «целова святое тело и вси мужи его». Князь публично благодарил бога, «яко сподобил мя еси сицево съкровище в области моего царствия явити ми – уже нчим же охужен есть благодати божи»⁴³.

Естественно, что канонизация Леонтия не могла осуществиться в связи с острыми отношениями Федора к митрополиту. Однако сразу же (между 1164 и 1174 гг.) было составлено первичное «Сказание» о Леонтии. Самым существенным в этом «Сказании» было утверждение, что Леонтий – не первый епископ ростовский. Еще при Владимире якобы непосредственно от патриарха сюда были поставлены один за другим два епископа-грека Федор и Иларион, которые, однако, бежали, – Федор был просто изгнан «неверными», а Иларион «не стръпевшу же ему пребыти в Ростове – бежа...»⁴⁴. Таким образом был составлен «документ», утверждавший, что ростовская епископия искони была подведомственна непосредственно патриарху и имела все основания оставаться автокефальной. «Политическая тенденция автора [«Жития Леонтия»], – пишет исследователь, – сказывается в желании поддержать попытку Андрея Боголюбского получить для Владимира самостоятельную, независимую от Киева епископскую кафедру»⁴⁵. Хотя Леонтий был канонизован лишь при Всеволоде (1190), Андрей сразу же по открытии «мощей» начал заботиться о его церковном прославлении. При своем Боголюбовском дворце он построил посвященную ему неболь-

шую церковь⁴⁶. Есть основания думать, что в верхней комнате лестничной башни дворца при Андрее была написана фреска, изображавшая Андрея, коленопреклоненного перед богородицею, и стоящего позади нее епископа Леонтия⁴⁷. Открытие «мощей» и пропаганда культа Леонтия имели и особый политический смысл для внутренней борьбы Андрея со старобоярской знатью. Леонтий был убит ростовцами, а Андрей начал его прославление: в борьбе с оплотом знати – Ростовом на сторону Андрея становились и усопшие ростовские епископы.

Так одна за другой создавались церковные и политические легенды, направленные к одной цели – вящей славе Владимирской земли и утверждению древних корней христианства и княжеской власти на северо-востоке.

Это энергичное мифотворчество Андрея и владыки Федора не может нас удивлять. По-видимому, иной была и психология людей того времени, не искушенных точным знанием фактов своего прошлого и воспитанных в слепой вере церковному слову. В середине XII в., чреватой напряженной церковно-политической внутрирусской и международной борьбой, создавались и более смелые легендарные версии древней истории, например, легенда о «посещении» Руси апостолом Андреем Первозванным. Этот миф углублял историю христианизации Руси до времен начального христианства, делая второстепенным «вторичное» крещение при Владимире, а следовательно, и роль Византии. Русский вариант легенды об Андрее заострял эту тему, сделав Андрея *римским* апостолом, а Рим – центром христианства. Это произведение было создано явно антивизантийскими кругами. С большой вероятностью предполагают, что оно вышло из кругов, сочувствовавших русскому митрополиту Климу Смолятичу, а может быть, даже и было составлено самим Климом. Западная, «католическая» направленность легенды была особенно чувствительной в обстановке середины XII в. В 1169 г. на Русь приходило посольство от папы Александра III, имевшее, возможно, целью обратить союз Ростислава киевского с Польшей против врага папы и Мануила Комнина – германского императора Фридриха Барбароссы⁴⁸. Но в этот момент на Киев уже шло войско Андрея Боголюбского, и, может быть, этот поход был

продиктован не только внутренними мотивами борьбы Андрея, но и внешнеполитическими соображениями. Не исключено, что на Западе было известно о конфликте между патриархом и Андреем, и посольство направлялось не в Киев к Ростиславу, а к Боголюбскому⁴⁹. Как увидим, к своему владимирскому строительству он привлек каких-то романских зодчих или русских мастеров, хорошо знавших романскую архитектуру: отталкиваясь от Византии, Андрей смотрел на Запад.

Но это не значило, что Андрей имел какие-либо намерения заменить патриарха папой, Византию – Римом. В этом отношении он был, конечно, подобен князьям Галича. Известный Бернард Клервоский, намеревавшийся проповедовать католицизм в Галичской земле, получил от краковского епископа Матфея (между 1143 – 1147 гг.) следующее расхолаживающее разъяснение: «Он [русский народ] не желает сообразоваться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и другой, не превышает ни с одной в общении таинств...»⁵⁰. Андрея Боголюбского также прежде всего интересовала самостоятельность Русской земли и ее культурного развития: поворот на Запад был лишь умным политическим маневром в тяжелой борьбе с византийским влиянием – не больше.

Теперь трудами князя и владыки Федора церковный авторитет Владимирской земли был высоко поднят: история христианства и церкви здесь была «обоснована» с помощью местных легенд и мифов. Владимир обладал теперь своим палладиумом – Владимирской иконой, а Северо-Восточная Русь – своим «святым», епископом Леонтием.

Гробница с «мощами» Леонтия была оставлена в новой ростовской каменной церкви. Владимирский Успенский собор уже обладал главной реликвией Суздальщины – Владимирской иконой богородицы. Церковно-политическое значение собора теперь было усилено превращением его в главную усыпальницу княжого дома и епископов. До того такой родовой «гробницы» не было. Прах Юрия приняла под свои своды Берестовская церковь в Киеве. Сын Юрия Борис и его жена были погребены в Борисоглебской церкви в Кидекше, – здесь их пышные затканые золотом погребальные одежды рассматривал в 70-х годах

XVII в. любознательный суздальский воевода Тимофей Савелов⁵¹. Теперь члены княжого дома полагаются во владимирском Успенском соборе. Сам Андрей похоронил здесь своих сыновей Изяслава (1165) и Мстислава (1173), брата Ярослава Георгиевича (1166), а в 1174 г. здесь стала гробница и самого Андрея.

Как увидим в следующей главе, во всей этой церковно-литературной работе явно ощущается руководство, а частью и непосредственно участие самого князя Андрея.

Оценивая еще возраставшую энергию Андрея и заманчивую перспективу освобождения от власти киевского митрополита, владимирская церковь оказывала активную помощь делу Андрея и в непосредственно политической сфере. Взятый им курс на резкое усиление своей личной власти и подчинение ей остальных русских князей был слишком необычен, чтобы не нуждаться в верховной санкции церкви. И он нашел опору в сочувствовавших его политике местных церковных кругах. Новое учение о княжеской власти выразилось ярче всего в «Повести» о кончине Андрея. В ней, видимо, были подытожены те идеи, которые кристаллизовались в процессе длительной предшествующей работы церковной мысли в княжение Андрея. Здесь право Андрея на единодержавную власть было оправдано авторитетом апостольских посланий и отцов церкви: «всяка душа властей повинуется, власти бо от Бога учинены суть; естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку, властью же сана вышши, яко Бог; рече же великий Златоустець: иже кто противится власти, противится закону Божью, — князь бо не туне носить мечь, Божий бо слуга есть...». Так писал автор «Повести», проклиная убийц князя и осуждая восстание против него, которое произошло — де лишь потому, что восставшие не знали известной истины: «идеже закон — ту и обид много»; это «оправдывало» и жестокие законы феодального строя, и бесчинства княжих слуг, и их необузданный произвол. Как увидим, и в описании поражения войска Андрея под Новгородом в 1169 г. изворотливая логика владимирского летописца-церковника придала этому нелестному для Андрея сюжету очень благовидное религиозное истолкование и представляла дело так, что рука Андрея была «божьим орудием»,

которым небо хотело лишь припугнуть клятвопреступников-новгородцев⁵².

Таким образом, церковь услужливо обставляла «самовластво» Боголюбского ссылками на божественные книги, подвела фундамент церковно-монархической теории под его действия, укрепляя его авторитет в глазах народа. Любопытно, что даже автор злобного памфлета на казненного в 1168 г. епископа Федора счел нужным польстить Андрею, обмолвившись о его «царской» деснице, которая покарала «ложного владыку».

Действительно, эпитет «царский» и термин «царь», идущий из греческого, применялся в XII в. к тому или иному князю либо в фигуральном смысле для образного определения его реальной силы или авторитета, либо в виде откровенной лестии. Так, Юрий Долгорукий с подчеркнутым самоуничижением предлагал в 1149 г. своему племяннику и врагу Изяславу «царствовать» в Киеве. Воины Изяслава величали его «царем», «царем» назван он и в летописном некрологе. Именование «царем» усопшего князя было обычным в надгробном причитании вдовы-княгини («царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый»). «Держава самовластна ко Богу изваяная славою паче звезд небесных» – это наиболее изысканный комплимент в панегирике князю⁵³. В «Службе» на праздник Покрова порой слово «князь» заменяется «царем» – термином, употребленным в акафисте Фотия⁵⁴. В устах же автора «Повести» о смерти Андрея отождествление княжеской власти Андрея с царской звучит уже не как литературный трафарет, но как сознательно выдвигаемая теория. Не случайно, что позже владимирское летописание усвоит Всеволоду III титул «великого князя». Таким образом, церковная мысль довольно ясно понимала скрытую тенденцию политики Боголюбского, может быть, еще не вполне ясную и ему самому, и укрепляла ее всеми доступными ей средствами.

Но если ореол власти Андрея мерцал уже «царскими» тонами, то это не могло не затронуть более широкого вопроса о соотношении с властью византийских императоров. В иерархии чинов Ромейской империи русские князья обладали весьма незначительным рангом, приравниваясь к начальнику округа⁵⁵. Единственным же «царем ромеев» во всей вселенной согласно

буквальному толкованию слова писания – «бога бойтесь, – царя чтите» был выставлен византийский император. Поэтому, например, узурпировавший императорский сан Фридрих Барбаросса в глазах византийцев не имел никаких прав на власть и титул императора⁵⁶. Все это ставило перед необходимостью идти дальше и создать новую легенду – об известном равноправии Андрея и византийского императора Мануила. Это было вдвойне сложно потому, что Андрей не мог похвалиться своим близким родством с императорским домом, которое ставило, например, в особое положение его деда, сына греческой принцессы – Владимира Мономаха и в особенности брата Андрея от мачехи-гречанки – Василька, которого византийский историк Киннама именовал «старейшиной русских князей»⁵⁷. А в жилах Андрея текла русско-половецкая кровь! Однако это не остановило его политической мысли.

Проповедь идеи о богоустановленности власти на земле началась на Руси значительно раньше. При этом церковь, естественно, развивала ее по отношению именно к тем князьям, которые обладали наибольшим авторитетом. Еще о Владимире киевском епископы говорили, что он «*поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование*». Митрополит Иларион называл Ярослава «*сотворенным богом*» заместителем Владимира. Митрополит Никифор в своем послании Мономаху писал, что его «*бог издалека проразумел и предповелел... из утробы освятил и помазал*». Но это все – намеки; в отношении же власти Андрея, как мы видели, проводится полностью византийская концепция о «*божественности*» его власти, т. е. теория, уравнивающая его с византийскими кесарями⁵⁸. Это, по сути дела, та же мысль, которая лежит в основе одиннадцатого «чуда» Владимирской иконы.

Это одиннадцатое «чудо», вынесенное в «Сказании» на первое место как особо важное и «новое», состояло в том, что победа Андрея над волжскими болгарами была приписана «помощи» богородицы. Здесь рассказывалось, что эта победа якобы совпала с победой императора Мануила над «срачинами», в связи с чем оба властителя решили установить праздник Спаса и богородицы 1 августа. Конечно, это вымысел, но – оправданный

тем, что Андрей, «благоверный царь наш и князь», выступает как лицо, почти равноправное ромейскому владыке «отцу Маноилу», с которым Андрей живет «мирно и в братолюбивии». Эта мысль, имевшая под собой столь же мало исторической почвы, как и позднейшее московское «Сказание о князьях Владимирских», была, однако, весьма актуальна: если приравненный начальнику городского округа русский князь не имел никаких прав на участие в делах церкви, то некоторое, пусть вымышленное, приближение к императору создавало прецедент прав на самостоятельное учреждение митрополии. Позже, в XIII в., во введении к повести об Александре Невском («Слово о погибели руския земли»), возникшей в той же Владимирской земле, «кюр Мануил цесарегородский» будет превращен в современника Владимира Мономаха, которому он «великия дары посылаша», «опас имея... абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял...». Так развивалось на владимирском северо-востоке представление о русско-византийских отношениях, полагая основание для позднейших генеалогических легенд «царственной Москвы»⁵⁹.

Само идеологическое оформление похода 1164 г., как похода на неверных, напоминает о крестовых походах Запада, которые наполняли своим шумом Европу и которым, может быть, сознательно подражал Андрей. Даже византийская культура этого времени была сильно проникнута романским влиянием, а император Мануил, «этот западник и рыцарь на троне Константины», был любителем рыцарских турниров⁶⁰. Участие Владимирской иконы в походе Андрея было в то же время и явным подражанием обычаю византийских императоров; там была специальная икона, которую возили в походы; Мануил после победы 1167 г. над паннонцами торжественно ввез эту икону в Константинополь. Таким образом, при всей фантастичности и надуманности фабулы одиннадцатого «чуда» совершенно ясно демонстративное усвоение Андреем императорского византийского военного обычая.

Вся эта идеологическая работа по освящению власти Андрея и приданию ей характера власти феодального монарха, короля, шла наперерез старым феодальным представлениям и

существующим междукняжеским отношениям. Князя Руси поняли это позднее, когда спор Андрея с Ростиславичами выявил его стремление низвести их на роль простых «подручников»-вассалов. Но это же усиление княжеской власти встретило горячее сочувствие горожан, видевших в этом залог успешной борьбы с феодальной рознью и усобицами. Это единство – «князь, город и люди», отразившееся, как мы видели, с такой силой в «Службе на Покров», наиболее ярко свидетельствует, что Андрей, подобно королям Запада, опирал свою власть на союз с горожанами и прокламировал его в церковно-служебных сочинениях.

Теперь, после того как перед нами прошла вся церковно-политическая работа 60-х годов, руководимая Андреем и осуществлявшаяся при помощи местного духовенства в интересах усиления и освящения его державной власти, мы можем вернуться к его любимцу и помощнику епископу Федору. Для нас сейчас не важно, был ли он формально посвященным епископом, или был лишь наречен, или же правы враждебные ему источники, именующие его «лживым владыкой». Важно другое, – что Леон-грек, фактический епископ ростовский, был почти все это время вне Владимирской земли, а когда ненадолго пребывал там, то всячески притеснялся и вскоре изгонялся Андреем, поддерживавшим Федора. Несомненно, таким образом, что, кроме соборного духовенства – попов Микулы и Лазаря и дьякона Нестора, – во всей этой литературно-политической и церковной работе руководящую роль играл Федор. Он был правой рукой князя во всем этом труде и нес ответственность за его последствия. А они были, как мы видели, весьма значительны и в церковном, и в политическом смысле и дерзко нарушали интересы не только русских князей и киевского митрополита, но и самого «восточного Рима».

Как же оценивалась эта деятельность Андрея и Федора их современниками? Ее острота и смелость виной тому, что источники упорно оставляют в тени эту сторону жизни Владимирской земли или нарочно искажают ее подлинные контуры. Однако в наших руках остался важный источник из серии сочинений писателя и проповедника XII в. епископа Кирилла Ту-

ровского, бросающий яркий луч света в этот мир скрытых от нас споров и страстей.

По-видимому, в связи со своей церковной политикой Андрей обратился к Кириллу с посланием об интересовавших его вопросах церковного права и догмы, и Кирилл, по словам его «жития», «Андрею Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яже суть на праздники Господския слова и ина многа душеполезная словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде»⁶¹. Это были, видимо, советы по поводу той церковно-литературной работы, которая освещена нами выше. В каком тоне и о чем писал Андрею туровский епископ специально по делу Федора, ясно говорит другое место того же «жития» Кирилла: «Федорца же, еретика епископа, за укоризну тако нарицаемого, сего блаженный Кирилл *ересь обличити и проклят его...*»⁶².

Из числа обличительных «слов» Кирилла Туровского, направленных против Федора (если полагать, что их было несколько), известна «Притча о человечестве души и о телеси, о преступлении божия заповеди, и о воскресении телес человек, и о будущем суде, и о муце». В этой притче остроумно использован сюжет о слепце и хромце, о том, как господин поставил их охранять свой виноградник и как они решили обокрасть «вся благая» их хозяина: слепой посадил хромого на плечи, они покрали сад, но господин узнал об этом и изгнал обоих. Под слепцом весьма открыто разумеся Андрей, споспешествовавший хромцу – Федору. Внимательно вчитываясь в текст притчи и разбирая сложный смысл ее символических толкований и отступлений, можно получить новые строки для истории епископа Федора и новые черты его облика. Кирилл, видимо, не напрасно направляет искусно отточенные стрелы своего поучения против тщеславных, которые угождают большим людям, а многих меньших презирают своей «буестью»; бог отнимает у таких гордецов данный им «талант». Но ничто так не мерзко богу, как самоуверенная гордость того, кто дерзнет взять на себя духовный сан «не о бозе», – вот основной мотив поучения Кирилла! Он подчеркивает, что одному из героев притчи уподобляется некий церковник, который «через закон [т. е. помимо

закона]... священническаа ищетъ взяти сана» и который, будучи недостойн даже иерейства, «имени деля высока и славна житиа, да епископский взыти дерзну сан». Собственно из этого пренебрежения Федора к законному пути посвящения в епископский сан Кирилл выводит мысль и о его ереси – «разумном грехе». Никто из правоверных не дерзнет принять священнический сан «не о бозе», т. е. не по церковным правилам, так как все правоверные боятся кары своей душе на страшном суде. Так дерзновенно преступать церковные каноны может только человек, считающий свою душу «суетным паром», который развеет ветер, и не думающий о воскресении мертвых. «Горе в разуме согрешающим!» – восклицает Кирилл. «Древа разумения зла и добра» вкусил Адам и был изгнан из рая, того же древа вкусили еретики, которые думали, что своей злохитростью знают правый путь души, но заблудились и без покаяния погибли. Отсюда рукой подать до отрицания бессмертия души! Есть единственный путь спасения – раскаяние в совершенном грехе, отлучение сана и изгнание лживого епископа. К этому идут все витиеватые доказательства и толкования Кирилла. Рассказав о плачевном финале истории о слепце и хромце, Кирилл угрожающе восклицает: «Разумейте же ныне, безумнии сановницы и буи в иереих! Когда умудритесь? Господь бо... изметает нечестивых из власти, изгонит и нечестивых от жертвенника, никый же бо сан мира сего от муки избавит, преступающих Божия заповеди»⁶³.

Из этого литературного памятника, являющегося настоящим публицистическим произведением Кирилла, совершенно ясно, как реагировали некоторые крупнейшие деятели церкви на деятельность Андрея и Федора. Кириллу была ясна «историческая ценность» слагавшихся во Владимире произведений, создававших идейное обоснование притязаний Андрея и Федора. Именно поэтому он и не стесняется сопоставить Андрея и Федора, «буих» «сановника» и «иерея», с обманщиками и ворами – «хромцом и слепцом». Вот в чем была главная сила его символического обличения.

Это говорит также и о глубине разбушевавшихся политических страстей, развязанных владимирскими владыками и взвол-

новавших русскую общественную мысль. Кирилл, призывая прислушаться к выводам его притчи, в то же время предвидит и такого читателя, который «зол слух имать» и «не ищеть, что бы ему на пользу обрести, но зазирает чимже бы нас потязал и укорил». Иными словами, идеи, лежавшие в основе политики владимирского князя и церкви, встречали не только противников, но и таких сочувствующих, которые могли со знанием дела разобраться в «притче» Кирилла и выступить с возражением и упреками. Думаете, что таким оппонентом был прежде всего сам князь Андрей. На мысль Кирилла мог оказать влияние и туровский князь Юрий Ярославич, стоявший во время усобицы Долгорукого и Изяслава на стороне Долгорукого и стремившийся помешать ее мирному разрешению.

Церковная политика Андрея и его верного помощника – «ложного владыки» Федора вызвала столь яростную ненависть митрополита и русских князей, не желавших усиления власти Андрея, что самые сведения об этой стороне владимирской истории были вытравлены из летописания. Лишь под 1169 г. в Лаврентьевской и под 1172 г. в Ипатьевской летописях мы находим пространную вставку, рвущую ткань примыкающих рассказов и повествующую о конце епископа Федора. Это, собственно, даже не повествование, а озлобленное обличение, направленное против сраженного врага, чья память еще пугает и должна быть искажена. Этого автор достиг при помощи тяжких обвинений Федора и со вкусом сделанного описания чудовищной казни, поучительно грозной для единомышленников Федора. Приводим эту вставку почти целиком [перевод]. «В тот же год чудо сотворил бог и святая богородица новое во Владимире городе: изгнал... злого, и пронырливого, и гордого обманщика лживого владыку Федора из Владимира от Златоверхой церкви святой богородицы и от той всей Ростовской земли. Не захотел [Федор] получить благословения [от митрополита], удалялся от него, и так этот нечестивец не захотел послушаться христовлюбивого князя Андрея, велевшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев... Бог, когда хочет показнить человека, – отнимает у него ум, так и над этим сотворил бог, отняв у него ум. Князь же хотел ему только добра. Этот же [Федор] не захотел

поставления от митрополита, но и церкви все во Владимире затворил и ключи церковные взял, и не было ни звона, ни, пения по всему городу. [Так же] и в соборной церкви, в которой чудотворная мать божия и все другие ее святыни... и эту церковь [Федор] дерзнул затворить и так разгневал бога и святую богородицу и был изгнан в тот день месяца мая, в 11 день на память святого Ивана Богослова. Много пострадали от него люди в его правление, и сел лишились, оружия и коней, другие же попали в рабство, заточение и были ограблены. Не только простым людям, но и монахам, игуменам и череям он был беспощадным мучителем: одних он обезглавливал или резал [им] бороды, иным выжигал глаза и вырезывал язык, иных распинал на стене, мучая немилостиво, стремясь овладеть всех их именем: именем же он не мог насытиться подобно аду. Послал же его Андрей к митрополиту в Киев; митрополит же Константин обвинил его во всех преступлениях и повелел его сослать на Песий остров, и там его обрубил и отрезал язык как злодею еретика, отсеки правую руку и ослепили, так как он произнес хулу на святую богородицу. Грешники истребятся на земле, как будто их не было... Так же и этот [Федор] не имел покоя до последнего издыхания, – уподобившийся злым нераскаившимся еретикам погубит свою душу и тело. И погибла память его с шумом – так чтут бесы почитающих их, так и этого довели бесы, вознеся мысль его до облаков, и сделав из него второго Сатанаила, и сведя его в ад. Обратилась болезнь на главу его, и на верх его снизошла неправда: ров изрыл, ископал яму и сам упал в них. Так зло испроверг он свою жизнь».

Далее следует молитва «кротких людей» Ростовской земли, «озлобленных... от звероядивого Федорца» и погибающих от него, – богу, спасшему их «рукою крепкой, мышцей высокой, рукой благочестивою царскою правдивого благоверного князя Андрея». «Это мы написали, – заключает автор свой текст, – чтобы некоторые не наскакивали на святительский сан, но только те, кого позовет бог... Кого благословят люди на земле – будет благословен, а кого люди проклянут – будет проклят. Так и этот Федорец – не захотел благословения и удалился от него: злой зло и погибнет»⁶⁴.

Эта вставка столь полна желчью и злобой, что и теперь способна волновать своей горячей напряженностью. Невольно кажется, что ее автор только что вычеркивал неугодные записи летописи и затем, удовлетворенный, внес свой отравленный ядом ненависти рассказ. Все это как бы уронило завесу непроницаемой тайны на историю владимирской церкви, лишив нас уверенности в суждениях и даже в точных датах событий 60-х годов XII столетия. Сам приведенный выше текст о Федоре помещен в различных списках летописи под разными годами (1169, 1170–71, 1172).

Но эти же страстность и ярость подрывают наше доверие ко многому в этом тексте. В нем бесспорно одно – Федор не захотел пойти на благословение к митрополиту. Может быть, он имел патриаршее благословение или, не имея этого благословения, надеялся обеспечить «мздой» благоприятный исход дела в Киеве. Эту тему автор изложенной вставки вспоминает не раз: это – большое место и главное преступление. За него именно и наказал столь жестоко Федора митрополичий суд; по правилам церковный суд над духовным лицом не карал смертью; Федора же, видимо, считали просто самозванцем и мирским человеком. Но это все же не убеждало в справедливости свирепой казни; отсюда необходимость прикрыть «митрополичью неправду» такой мерой клеветы на Федора, которая оправдала бы зверство расправы над ним. Так появился устрашающий перечень его злодейских мучительств, запретов богослужения, грабительства и мздоимства. Мы знаем, что владимирская церковь была щедро награждена за свою работу широкой рукой Андрея. Лучшие села Владимирской округи были в руках епископа Федора, в его казну стекались огромные богатства. Федор был крупнейшим феодалом, и нет оснований думать, что он стеснялся эксплуатировать своих смердов. Он был типичным в своем роде представителем той жестокой эпохи. Можно не сомневаться, что Федору приходилось прибегать к крутым мерам в борьбе с противниками князя и своими. Вероятно, что среди духовенства во Владимире и его крае были сторонники митрополита, и Федор налагал запрет на их церкви. Может быть, он додумался до своего рода инквизиции; более чем вероятно,

что, собирая богатства для подкупа митрополита, он прибегал к вымогательствам и угрозам. Но самый подбор слов (и, в частности, эпитетов), напитанных желчью и злобой, стремление всеми средствами очернить имя Федора заставляет нас осторожно отнестись к сведениям этого документа. Он должен был оправдать в глазах современников жестокость византийских палачей и, вероятно, сильно сгущал краски в характеристике Федора.

Можно думать, что и самый конфликт Андрея и Федора сильно преувеличен. Послания Кирилла Туровского к Андрею стремились, видимо, разбить союз этих двух людей, и в «Притче о слепце и хромце» Кирилл очень откровенно соединяет Андрея и Федора, обличая их общий грех против церковных преданий и правил. Федор мог возражать князю, даже спорить с ним, но Андрей слишком дорожил своим любимцем, чтобы предать его. На это могли подвигнуть князя лишь безнадежность борьбы и страшная для средневекового человека угроза анафемы.

Нужно подчеркнуть, что не владимирцы страдали от Федора. Его враги были там же, где и враги Андрея, – в Ростове. Там приходился по душе нерадивый и бездеятельный епископ Нестор. Но энергичный, «звероядивый Федор», который «без покоя пребысть и до последнего издыхания», «озлобил» «кроткие люди ростовской земли». Среди них были и духовные – вероятно, сторонники митрополичьего права, и обладатели имений, коней и оружия – знатные ростовские бояре.

Мы не знаем, в чем заключалась «ересь» Федора, который якобы «измолвил хулу» на саму «святую богородицу». Федор был по натуре крайне дерзок; как предполагают, он, даже будучи наречен епископом, не разошелся с женой. Может быть, это послужило поводом для длинных рассуждений в грамоте патриарха Луки Хризоверга о преимуществах «девства» над браком. Возможно, что в пылу спора Федор и оступился в этом вопросе. Но вероятнее другое объяснение. Федор мог воспротивиться решению Андрея послать его на митрополичий суд и в виде протеста затворил владимирские церкви и Успенский собор – в этом и была его «хула на богородицу»⁶⁵.

Любопытно, что автор мрачного повествования о деяниях Федора как бы стремится позолотить явно неприемлемые для владимирцев клеветнические строки. Он называет Андрея, уже уступившего в борьбе с митрополитом, «царем», льстя его мудрой карающей «царской руке». Если Федор, действительно, сопротивляясь решению Андрея, наложил интердикт на Владимир и его храмы, то это дало удобный повод, чтобы само изгнание Федора объяснить как «новое чудо» Владимирской иконы, которая якобы «извергла» Федора, создателя славы этой самой иконы: «чудо сътвори Бог и святая Богородица новое Володимире городе, изгна Бог и святая Богородица Володимирская... лживого владыку Федорца из Володимирия...». Есть основания думать, что вставка о епископе Федоре, напоминающая изложение судебного следствия над ним и описание его итога – казни, внесена во Владимирский летописный свод 1177 г. по указанию самого митрополита⁶⁶.

Все это повышает наше доверие к показаниям о Федоре позднего Никоновского свода, проникнутого большим спокойствием в его оценке. Скептицизм исследователя к этому тексту едва ли вполне оправдан⁶⁷. В литературе не раз указывалось на вероятность каких-то старых источников этого свода. В его рассказе о Федоре есть и реальные черты, которые едва ли могли быть «сочинены» редактором XVI в. Федор был якобы сестричич (сын сестры) боярина киевского Петра Бориславича, постригшийся в Печерском монастыре в Киеве⁶⁸. По-видимому, это был умный, властный, смелый и яркий человек, красивый внешне и блестящий оратор: «бе же сей дерзновенен зло и безстуден, не срамляше бо ся сей ни князя, ни боарина, и бе телом крепко зело и язык имса чист, и речь велеричиву, и мудрование козне но, и вси его боахуса и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати, неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху». Подобная фигура была под стать Андрею – оба образовали такую могучую и напористую в своей энергии силу, что были способны на самые смелые и рискованные предприятия, волновавшие своей решительностью митрополита и русских князей. Едва ли случайно образ Федора, связанного с деятельностью Боголюбского, имеет в Никоновской

летописи общие черты с образом знаменитого «лживого владыки» XIV в. Митяя, которому покровительствовал Димитрий Иванович московский⁶⁹.

Судьба епископа Федора и ярость обрушившегося на него суда станут нам понятны, если мы вспомним историю русских ставленников во главе русской церкви за XI–XII вв. Если митрополит Иларион избежал кары, то второй ставленник Ярослава, новгородский епископ Лука Жидята, был подвергнут суду Иларионова преемника, митрополита-грека Ефрема. Лука был популярен в Новгороде, а материалом для обвинения послужила лишь клевета одного из епископских холопов⁷⁰. Постановлением Клима Смолятича собором русских епископов Изяслав удовлетворял также, очевидно, желаниям киевлян; Клим был столь любим ими, что с ним должен был считаться и его противник Юрий Долгорукий. Сменивший Клима грек Константин сурово расправился с его сторонниками, ряд епископов был смещен и заменен греками или отлучен от церкви, часть их лишили сана. Софийский собор был заново освящен как оскверненный службой схизматика Клима («испровергше Климову службу»); наконец, покойный князь Изяслав, любимец киевлян и инициатор избрания Клима, был предан торжественной анафеме⁷¹. «Можно представить себе, какое впечатление должны были произвести на русских, в особенности на киевлян, эти первые шаги нового митрополита-грека. Все были посажены на скамью подсудимых, начиная с мирян и кончая епископами и князьями... Для киевлян такие акты нетерпимости со стороны митрополита-грека едва ли могли представляться справедливыми...»⁷²

Для византийской политической системы была характерна теснейшая связь власти императора и церкви, причем церковь подчинялась светской власти. Но столь откровенное для Руси объединение меча политической власти и «меча духовного», которое реализовано в деятельности Андрея и Федора, вызвало особо острое сопротивление митрополита и Византии. Этот союз церкви и князя делал несравненно более мощным союз князя и горожан, а следовательно, умножал силу новой Владимирской державы, что никак не входило в планы императора и патриарха. В иных условиях, двумя веками позже, когда Визан-

тия быстрыми шагами пойдет к упадку, – московские митрополиты Петр и Алексей за действительную помощь объединению Руси получают нимб «святых». В XII же веке их предшественник владыка Федор погиб в муках как еретик и самозванец, предрешив и кровавую трагедию смерти Боголюбского.

В свете всех этих обстоятельств становится еще более понятен масштаб «митрополичьей неправды», определившей ярость разгрома Киева войсками Андрея.

VI. ЛИТЕРАТУРА

Теперь, после того как мы познакомились с общим характером и направлением церковно-политической работы 60-х годов и ее письменными памятниками, мы должны обратиться к их литературно-художественным особенностям и памятникам андреевского искусства, которые позволят нам еще глубже войти в идейный мир этого времени.

Как ясно из предшествующего изложения, литературные интересы времени Андрея были сосредоточены на разработке тем, связанных с его церковно-политическими мероприятиями. Литература была замкнута в скорлупу церковных задач: прославления «чудес» палладиума русского северо-востока – Владимирской иконы богородицы, оформления церковно-служебными произведениями нового праздника Покрова, подготовкой материалов для канонизации нового местного «святого» – ростовского епископа Леонтия. Далее на очередь становится организация владимирского летописания, но и оно на этом начальном этапе находится в руках церковников, и история облекается в церковные тона, изображается как проявление «чудесной силы» тех же владимирских «святынь». Но кипучая политическая жизнь 60-х годов XII столетия врывается и в этот замкнутый и мертвый мир, не только вводя злободневные идеи в само содержание новых церковных мифов, что мы видели выше, но налагая свой отпечаток на стиль и саму художественную фактуру этих сочинений. Направленные вместе с искусством на всестороннюю обработку сознания народных масс в духе воспитания слепой веры в силу и непогрешимость княжеской власти, стоящей под защитой небесных сил, в правоту ее политической работы, владимирские церковные витии рисовали идеализированный, лучезарный мираж полного единства интересов князя и наро-

да. Это было весьма важно для упрочения союза «князь, город и люди». Это неизбежно требовало всемерного приспособления литературных произведений к пониманию народа, отхода от сухих, мертвящих трафаретов и форм к простым образам, к живости и красочности народного языка.

Как и искусство времени Андрея, литературное творчество этой поры исходило из киевского наследия. Автор жития Леонтия Ростовского «всецело следовал киевской агиографической традиции, текстуально приближаясь к анонимному сказанию о Борисе и Глебе и к Слову о законе и благодати киевского митрополита Илариона»¹. Авторы «Сказания о чудесах», «Службы» и «Слова на Покров» знали произведения киевской гимнографии, посвященные памяти княгини Ольги и Владимира киевского, и учились на этих образцах. Но они внесли и много нового, своего. Сильными, оригинальными чертами были аргументация русского значения культа богоматери и переработка его в преимущественно русский культ. Призванный ходом политической работы Андрея упрочить его позиции и дать массе владимирских «мизинных людей» уверенность в правоте его действий, этот культ неизбежно приобретал новый отпечаток. Связанные с ним произведения литературы и искусства должны были стать понятными непросвещенным людям, затрагивать их кровные интересы и волновать их чувства; владимирские писатели и художники сумели решить эту тонкую задачу, поставленную всей политикой Андрея и преданного ему духовенства.

«Сказание о чудесах Владимирской иконы», по-видимому, было значительно обширнее, чем тот его текст, который уцелел в поздних рукописях и был издан В. О. Ключевским. К десяти основным рассказам «Сказания» в 1164 г. или непосредственно после этого года победы над болгарами было присоединено это «новое чудо». Возможно, что сохраненный в Типографской летописи рассказ о нападении болгар на Суздаль в 1107 г.² был освещен как «чудо» богоматери уже во время Андрея. Он также мог послужить выгодным материалом для доказательства давнего «покровительства» богоматери северо-востоку и, может быть, был связан с «новым чудом» – победой над болгарами в 1164 г.

Несомненно, что в первоначальный цикл рассказов включался и важнейший по значению рассказ о «чудесной» остановке коня, везшего икону, на месте будущего Боголюбовского замка. Упоминание об этом в Новгородской летописи носит характер заимствования из «Сказания», с которым был явно знаком летописец, называющий и главных вышгородских спутников Андрея – Микулу и Нестора³. Возможно, что и ряд мотивов, отразившихся в Никоновской летописи, в частности, уже цитированный рассказ о совете Андрея с боярами об организации митрополии, также включался в «Сказание». На это может указывать ряд общих словесных штампов в обоих памятниках (напр., формула «Князь Андрей глагола к боярам»)⁴. Может быть, рассказ о Федорце и его казни, помещенный в летописи, также предполагалось позже внести в ряд «чудес» «Сказания» – в рассказе особенно подчеркивается, что изгнание Федора было «чудом» богоматери; однако соображения такта и свежесть памяти о стараниях Федора прославить богоматерь и ее Владимирскую икону не позволили сделать этого. После смерти Андрея духовенство продолжало создавать новые «чудеса» иконы, приписывая ее помощи удачу важных политических дел. Их усердно записывали и в летопись; таково «чудо новое» «помощи» Владимирской иконы горожанам Владимира во время междукняжия, а затем «явление» иконы во время похода Всеволода III на Мстислава и ростовцев. Возможно, что они вписывались в особый сборник «чудес» также и при Всеволоде: они находятся в их общем составе в позднейшей «Повести на сретение Владимирской иконы» в «Степенной книге»⁵. Таким образом, есть основание думать, что «Сказание о чудесах» было и более пространное и более насыщенное злободневными темами владимирской жизни. Предполагают, что уже при Андрее оно составляло особый сборник записей о «чудесах» Владимирской иконы, сделанный преданными Андреею людьми⁶. Но основной цикл «чудес», составляющих «Сказание», сложился, очевидно, в тех же пределах до 1165 г., когда оканчивается и строительство во Владимире и Боголюбове (об этом далее).

Что касается до самого текста «Сказания» в том виде, как он издан В. О. Ключевским по позднему списку середины XVII в.,

то мы полностью разделяем и его вывод, что это «памятник северо-русской литературы XII века», и его аргументацию этого заключения. Это «древнейшая серия чудотворений образа [иконы], которые в этом изложении сохранили свой наивный первобытный вид»; самый язык и орфография текста убедили Ключевского в том, что писец XVII в., переписывая более древний оригинал, пощадил и часть этих особенностей. «Эти особенности, простота изложения и, наконец, отношение автора к действующим лицам рассказа, о которых он выражается так, как будто они известны всем, для кого он составлял свою повесть, — все это дает некоторые основания догадываться, что рассказчик был очень близок к рассказываемым событиям». Таким образом, мы имеем право говорить и о литературных особенностях «Сказания» как особенностях XII в.⁷

Мы уже отмечали, что культ богородицы во Владимире, обращенный ходом политической борьбы в средство сплочения вокруг Андрея поддерживавших его «мизинных людей», должен был стать доступным их пониманию и утратить черты отвлеченности. Это особенно ярко выразилось в самой художественной фактуре текста «Сказания». Язык его десяти рассказов очень выразителен и ясен, насыщен точными бытовыми терминами того времени, например, в описаниях одежды и убора. Самые рассказы о «чудесах» просты по построению и кратки, в них нет никаких нарочитых литературных украшений и искусственных приемов, столь характерных для торжественного и витиеватого литературного стиля церковных писателей того времени, каковы, например, Кирилл Туровский или Климент Смолятич. Эти рассказы кажутся бесхитростными записями современника, почти не переработанными для какого-либо официального употребления, резко отличаясь в этом смысле от сложного построения рассказа о болгарской победе, насквозь надуманного, тенденциозно направленного и обоснованного приведенной тут же летописной цитатой. [Придерживаясь] разговорного течения мысли, эти «сказания» уподобляются народным «сказкам», создавая впечатление реальности «чудес», умело и тонко вплетенных в ткань бытовой обстановки, связанных с знакомыми местами города и известными людьми.

Вот, например, удивительные по лаконизму и почти летописной деловитости рассказы о четвертом и шестом «чудесах». «По неколицех же времєнєх пришедшу празднику госпожину дни. Князь же Андрей на каноне стояше во церкви, пєния лики сотворяя, а сердцем боляше: бе бо княгиня его боляше детиною болезнью – два дни напрасно боляши. Яко по каноне бысть, омывше водою икону прєсвятыя Богородица, посла ко княгине. Она ж вкуси воды тоя и роди дитя здраво и сама бы[сть] здрава том часе молитвам святыя Богородицы». Или «Чудо шестое. Боляшет некая жена в Муроме сердечною болезнью. И слышавши о иконе святєй Богородицы бываемая чудеса и посла в Володимерь куснь [кузнь, т. е. драгоценности] к святєй Богородицы в клирос и воды взяти от святыя Богородицы иконы. И яко принесоша воду, вкусивши и бысть здрава, и нача не чюти сердечныя болезни»⁸. Если эти два рассказа слишком кратки и скупы на жизненные подробности, то замечательным образом живого, реалистического короткого рассказа является второе «чудо» – о Микулиной попадьє: «Князю же сущу на Рогожских полєх⁹, се же Микулиная попадьє еха на колєх [повозке] со снохою своею. Бывшима же има на истоце и соидоста с кол: бе бо попадьє Микулиная не праздна туне. Яко хотєша минути конь и нападе бес на конь и зби [сшиб] повозника с себе и ногу ему изломи. И поразил попадью Микулину передними ногами, и заverteшася ему копыта в кортли [женская одежда] и се на мног час ядєшет ю [ее], мниша бо [ее] мертву сущу. И возвестиша попу Микуле, яко попадьє твоя мертва єсть. Он же, возрев на икону прєчистыя Богородицы, и рече: «Госпожа, прєчистая Богородице владычице, аще ты не избавиши єя от смерти – се уже мертва єсть...» Конь же исторг нозе из кортля и бежа в лес и завис [запутался] и стал. [Тогда] вopросиша ю [ее, т. е. попадью] о ядени коня, и [она] рече, яко здрава єсмь молитвами прєсвятыя Богородица, жал ми увисла же отлог, єже изъяде конь [т. е. «я-то молитвами богородицы здорова да вот жаль платье, которое изгрыз конь...»]. И приєха в Володимерь благородный князь Андрей, и созда церковь во имя прєсвятыя Богородица, украсив ю всяким благочєстиєм и поставиша в ней чудотворную икону прєсвятєй владычицы нашей Богородицы...»¹⁰. Таков

этот замечательный по своей изобразительной выпуклости рассказ, заставляющий нас своим крепким образным языком и сквозящим меж строк народным юмором вспомнить лучшие страницы «Соборян» Н. С. Лескова. По словам летописи, Андрей богато украсил икону «въскова на ню боле 30 гривен золота проче [кроме] серебра, проче камени дорогого и великого жемчюга»¹¹.

Любопытно, что «Сказание о чудесах» не содержит рассказов о прямой помощи самому князю; икона будто бы помогала, главным образом, простым людям в их человеческих бедах, а князь и его окружающие являлись лишь благодарными «свидетелями» ее «чудес». Более всего икона «помогала» женским недугам, особенно при тяжелых родах; в этом она «помогла» и жене самого князя Андрея; она «исцелила» какого-то сухорукого, жившего около Владимира, далес – отравившегося испорченным яйцом отрока, ослепшую внучку боярина Славяты в Переяславле-Русском, «сердечную болезнь» некоей Евфимии и «некой жены» в Муроме и т. п. Просто передается и обстановка этих «чудес». Мы видим, например, попа Лазаря, гостящего в Твери у боярыни, которая мучилась родами и затем, отдав «золотые косы и серьязи [серьги] свои ко иконе», «исцелилась»; разговор Лазаря передан живо и выразительно: «она же вопросы попа о здравии, он же рече: “здравы есмы, но не велми: боярыня наша в кончине есть”... » В этой беседе как бы слышится народная поговорка: «здоров, да не очень»¹². Во всех этих особенностях текста ясно звучит народная просторечная основа «Сказания», выступают его фольклорные корни.

Народную фольклорную основу имеет и «чудо» с остановкой коня, везшего икону, на устье Нерли. Так, в мордовской сказке о богине домашнего очага юртаве рассказывается, как один парень-мордвин, переезжая на новое место жительства, забыл взять с собой юртаву. Его лошадь стала, а колеса повозки перестали вертеться. Старухи объяснили это обидой юртавы и велели парню заложить тройку и плакать; телега сначала едва шла, так как села юртава, потом по просьбе парня она сошла на землю, и кони пошли вскачь¹³.

Эти явно народные черты самого литературного оформления рассказов о «чудесах» Владимирской иконы, может быть,

связываются с теми стихийно складывавшимися песнями и «славами» в честь «защитницы» владимирских людей, которые, например, пелись, по словам летописи, после победы над болгарами 1164 г., окружавшими «на полчищи» икону «пещцами», воинами-горожанами, которые «хвалы и песни воздающе ей»¹⁴.

Особенное развитие культа богородицы на северо-востоке выдвигает также вопрос – не имел ли он своих корней еще в языческом культе севера?

Характерно, что все игравшие видную роль в народном быту богородичные праздники (кроме Благовещения) сосредоточивались в осенние месяцы, после окончания полевых сельскохозяйственных работ¹⁵. Праздник Покрова в народных поверьях считался праздником невест, и к нему приурочивались свадьбы¹⁶, а из одиннадцати «чудес» Владимирской иконы шесть занимают исцеления женщин¹⁷.

Так прорвавшееся в узкий и душный мир церковной литературы свежее народное течение превратило традиционную церковную тему в сборник занимательных рассказов, доходчивых до простого слушателя и многими чертами напоминавших ему привычные его сознанию произведения народной поэзии. Легко допустить, что перед лицом тяжелой борьбы, которую вел Андрей, горожане черпали в этих рассказах уверенность в правоте его дела; их слабые силы умножались слепой верой в «чудо», в сверхъестественную «помощь» богородицы.

Указанные черты владимирских церковных произведений чрезвычайно усиливали их популярность и остроту воздействия на сознание народа. Тем самым должно было прочнее внедряться слепое убеждение в полном единстве интересов князя и церкви с народом, а острота классовых противоречий прикрывалась картиной всеобщей, единодушной радости и патриархального блаженства.

Те же черты литературного стиля свойственны и памятникам покровского культа, которых мы уже касались не раз. «Служба», «Проложное сказание» и «Слово похвално на святой покров» – произведения, рассчитанные исключительно на церковно-служебный обиход; поэтому их литературная форма традиционна и определена. Однако владимирские литераторы приложили

много усилий к тому, чтобы всеми средствами поднять мажорный, жизнеутверждающий тон этих произведений. Они насыщают текст умело подобранными выпуклыми образами и красочными эпитетами. Само отвлеченное понятие «покрова», «защиты» материализуется в виде плата (платка, покрывала), который светится «паче солнечных лучей», простираясь над людьми в руках богоматери, стоящей «на воздухе светле», а сама она сопоставляется с высокой сверкающей горой. Как в «Сказании о чудесах», так и в этих церковно-служебных памятниках их авторы стремятся снизить отвлеченность церковного содержания текста, сделать его эмоционально-заразительным, привлекательно-сказочным и живым для простого слушателя.

Но если и объяснять оптимистический характер праздника Покрова влиянием народной стихии, все же нельзя забывать, что оптимизм этот был выражен в религиозной форме. Рост феодального гнета, насилия и произвол местной княжеской администрации и алчных мелких землевладельцев делали жизнь народных масс все более тяжелой. В этих условиях жизнерадостная окраска праздника Покрова была в сущности обманчивой. Низы города и деревни, бессильные перед растущим социальным гнетом, искали утешения в религии, – в том, что, беззащитные на земле, они имеют могущественную «заступницу» на небе. Праздник Покрова в том и состоит, что богородица молится «за крестьяны», избавляя их «от печали и напасти», рассеивая «тьму грехов», «пременяя» «на радость печаль», являясь «надежей крестьянам». Это, несомненно, усыпляло их недовольство своим положением и, в конце концов, было выгодно феодальной верхушке общества.

В «Службе» особенно ярко подчеркивается преимущественное право на защиту богородицей тех, кто установил и прославил в Русской земле праздник Покрова – «людей, славящих твоего покрова праздник»: «за град и люди, богородице, молися твой славящих честный праздник». Это – владимирские люди и их князь. Подчеркнут также специально городской характер культа Владимирской богоматери: «молися избавити град твой и людей...», «за град и люди, Богородице, молися...», «господь спасет град и люди на тя надеющихся...» и т. д.

«Проложное сказание» и «Слово похвальное» проникнуты теми же идеями и сотканы из тех же образов, что и «Служба». Можно думать, что они и составлены на основании последней.

Литература, связанная с культом Покрова, может быть, была не только в церковно-служебном обращении, но и просто читалась грамотными людьми, как об этом может свидетельствовать заимствование отсюда ряда оборотов и штампов, например, автором «Моления Даниила Заточника» («силу князю нашему укрепи» и др.).

Целостность идейного и стилистического выражения рассмотренных церковно-литературных произведений позволяет предполагать, что они вышли из-под пера одного автора или группы авторов, тесно связанных между собой общностью мыслей и взглядов или же объединявшим их труд руководством. Что касается «Сказания о чудесах», то можно предположить, что его непосредственными авторами были лица, о которых ясно говорит само «Сказание». Это прежде всего вышгородский поп Микула и дьякон, а затем поп Нестор. Но к Владимирской иконе особенно близко стоял поп Успенского собора Лазарь, который упоминается в ряде рассказов о ее «чудесах»¹⁸. Живость и непосредственность рассказов, их деловитый, но изобразительный язык показывают, что эти участники литературной работы Андрея близко соприкасались с простым людом, могли без труда отойти от церковной условности речи и свободно говорить на простом и ярком языке народа.

Но за ними столь же ясно обозначается фигура самого князя Андрея, который так же близко стоит к чудесным историям «Сказания». Некоторые черты рассмотренных литературных памятников, связанных с богородничным культом, позволяют допускать и его прямое в них авторское участие.

Это предположение первый и единственный раз было высказано И. Е. Забелиным¹⁹. В позднем (XVI в.) списке «Пролога», принадлежавшем Забелину, был помещен текст «чуда» о болгарской победе и установлении праздника Спаса 1 августа. Здесь было сказано, что этот праздник «установлен бысть худым и грешным рабом Божиим Андреем князем, сыном Георгиевым, внука Мономахова именем Володимера царя и князя всея Руси».

А в заключительных строках молитвы к Спасу и богородице говорилось: «так и мне грешному и недостойному рабу твоему Андрею приложена неизреченная милости своя свыше посылающе»²⁰. Пышная формула титула в первом отрывке ясно говорит за время «Степенной книги» и Никоновской летописи, когда было принято развернутое определение генеалогии при каждом упоминании князя. Но нет ничего удивительного, если в молитве и первоначально упоминалось имя князя и было его личное обращение. В списке «Сказания о чудесах», изданном В. О. Ключевским, в рассказе о болгарской победе есть подобная, но безымянная фраза: «и мне, грешному, дай, Господи, прежде конца покаанис, зане согреших паче Содома и Гомора, прогневах твое человеколюбие...»²¹. И здесь и там характерен уничиженный тон обращения князя. В других рассказах «Сказания» Андрей представлен с чертами требовательного к себе, боящегося греха человека. Так, когда тонул в Вазузе проводник Андрея, князь якобы обратился с молитвой о его спасении «яко повинен есмь смерти его, госпоже»; когда «золотые врата» придавили людей, князь также «признал» в этом свой грех: «аз бо грешный повинен бых смерти их»²². Если в рассказах о «чудесах» эти штрихи характера Андрея можно считать литературным трафаретом для изображения облика «боголюбивого» князя, то в вышеприведенных, как бы «авторских», ремарках, сделанных от имени самого Андрея, не могла ли отразиться действительная черта его глубоко противоречивого морального облика?

В «Службе на Покров» восьмая песня носит особенно местный и личный характер. Здесь говорится об особой защите людей, прославивших праздник Покрова в Русской земле, о погублении зачинающих рати и разорении союзов неправедных князей, о «вознесении рога князю нашему». Здесь же есть и явно авторская фраза – личное отступление: «Многими отяготихся грехи и недоумею по достоянию написати твоего, Богородице, Покрова похвалы»²³. Автору явно непривычен литературный труд, он, может быть, и не духовное лицо. В следующей, девятой песне снова присутствует просьба спасти град, умножить населяющих его людей и дать князю здоровье и победу на поганных. Молитва о победе князя в четвертой песне звучит так: «Ук-

репи, владычице, славящего тя князя на противныя врагы, яко Давида на Гольяда, да ти веселящися воспеваем: Радуйся, покрове снятый и заступнице роду нашему...»²⁴. В последних словах можно видеть указание не на «род людской», но на «род княжеский», род Мономаха, который положил начало широкой пропаганде культа богородицы на севере и северо-востоке (соборы в Смоленске и Суздале, посвященные Успению богородицы).

Далее примечательно, что те же личные моменты мы встречаем и в двух других произведениях, связанных с Покровом, – в «Проложном сказании» и «Похвальном слове».

В «Проложном сказании» после краткого рассказа о «видении» во Влахернском храме говорится от имени какого-то лица: «Се убо егда слыша, помышлях: како страшное и милосердное видение, паче наше надеяние и заступление бысть без праздника?». Затем это лицо вспоминает молитву богородицы о всех, славящих ее память, и заключает: «Тем словеси надеяся, въско-тех да не без праздника останет[ся] святой покров твой, преблагая; но яко же ты хощеша украсити честный праздник твоего покрова, всемилостивая, украси...»²⁵

Точно так же и в «Похвальном слове» есть кусок текста, который напоминает скорее какой-то официальный церковный документ, аргументирующий причины введения нового праздника Покрова, – почему «подобает и нам достойная таковому празднику торжествовати»: во-первых, он «обновляет» память о «чудном видении» во Влахернах; во-вторых, к защите богородицы всегда обращаются при всех угрожающих союзах врагов, – это важно, как «дыхание животу»; в-третьих, покров богородицы защищает «от стрел, летящих во тьме разделения нашего»²⁶.

Спрашивается: кто же мог от своего имени столь властно заявлять в «Проложном сказании» о своем личном решении установить новый богородичный праздник? Кто мог так обстоятельно и твердо обосновывать и мотивировать необходимость этого смелого церковного акта в «Похвальном слове»? Наконец, чья личная уничиженная строфа восьмой песни «Службы» могла быть сохранена в церковно-служебном тексте? Конечно, это не один из вышгородских клириков, участников составления «Сказания о чудесах». Это и не владыка Федор, шаткое положе-

ние которого едва ли позволяло осложнять его личными приписками столь важные церковно-политические сочинения. Думаем, что мы имеем основание предполагать в этом властном лице и участнике литературной работы 60-х годов самого князя Андрея. Можно также с большим доверием отнести и к позднему забелинскому списку рассказа о болгарской победе, где сохранилось и прямое указание на причастность к этому литературному труду «худого и грешного раба божьего Андрея».

Можно не сомневаться, что он был человеком, широко образованным для своего времени. Его младший брат Михалка «с греки и латины говорил их языком яко русским»; Андрею приходилось иметь дело с послами и гостями из греческого и романского мира и соседних нерусских стран. Он был инициатором и участником переписки с Кириллом Туровским, затрагивавшей тонкие вопросы церковной догматики и права. Наконец, он писал свои послания патриарху Луке ХризOVERгу. Это позволяло Андрею и непосредственно руководить работой соборного духовенства – Микулы, Нестора, Лазаря, объединяя их труд идейной целеустремленностью и усиливая звучание политических мотивов в этих церковных произведениях.

Сопоставление рассмотренных церковно-литературных памятников позволяет уточнить время их составления.

Очевидно, что прежде всего стали записывать «чудеса» Владимирской иконы, которые были организованы духовенством уже в 1155 г. Возможно, что первые записи были сделаны еще в Вышгороде, где икона была прославлена, как «чудотворная», еще находясь в храме вышгородского женского монастыря. Последнее, десятое «чудо» – о падении золотых врат, если оно относится к владимирским Золотым воротам, оконченным в 1164 г., датируется этим годом; если же в рассказе шла речь о «златых вратах», то есть писанных золотом дверях Успенского собора, оконченного в 1161 г., то окончание записи основного цикла рассказов падет на 1161 г. К нему в 1164 г. было присоединено одиннадцатое «чудо новое» – рассказ о победе над болгарями, а в дальнейшем, может быть, были попытки продлить этот цикл внесением повести о Федорце и о других случаях «помощи» иконы владимирцам. «Сказание о чудесах» уже содержит наме-

ки на наличие культа Покрова и на знакомство с его литературой. В рассказе о болгарской победе в уста князя вложена фраза: «аз раб твой, госпоже, имею тя *стену покров*»²⁷. Наиболее же прочной датой создания покровской «Службы» является 1165 г. – дата постройки над рекой Нерлюю первой на Руси церкви Покрова. Таким образом, и церковно-литературные памятники Владимира создаются в первой половине 60-х годов, на которую падает и напряженное строительство Андрея.

Промежуточное положение между церковно-литературными произведениями и летописанием занимает «Житие Леонтия», которое сочетало повествовательные элементы с точными летописными цитатами и справками. «Житие», более чем «Сказание» и памятники покровского культа, имело не только внутреннее церковное, но и внешнеполитическое значение, поэтому требовалась особенно точная документация истории «первого мученика» на русском северо-востоке.

Если создание рассмотренной нами церковной литературы во Владимире являлось неотложным и единовременным делом Андрея и его сотрудников и было проведено в тех же стремительных темпах, что и обстройка столицы и княжеской резиденции в Боголюбове, то другой литературный труд носил длительный и систематический характер. Это – организация постоянного владимирского летописания, которое должно было запечатлеть для потомков труды и дни Андрея и важнейшие события в жизни его Владимирской земли²⁸. На смену отрывочным записям ростовского летописца времени Юрия теперь должна была стать систематическая летописная работа. Однако она не сразу прониклась интересами княжеской политики Андрея и его борьбы.

Только в рассказах летописи о воинских подвигах Андрея на юге до его вокняжения на севере мы чувствуем руку светского человека, понимающего толк в военном деле и, видимо, близко стоящего к князю. В дальнейшем летописание переходит в руки церковников. С 1158 г. оно велось при владимирском Успенском соборе; его непосредственным исполнителем был, возможно, «игумен святой богородицы» Феодул. Центром его внимания была жизнь епископского собора, «чудеса» его святых –

Владимирской иконы богородицы. Самый ход исторических событий рисовался им как проявление силы и помощи этой «покровительницы» Владимира. Церковник, далекий от княжеского двора, он был, чужд его интересам, и даже события в княжеской семье мало привлекали его. Поэтому и о деятельности Андрея мы можем судить с большей полнотой лишь по ее пристрастным отражениям в новгородском и южном летописании. Видимо, Андрей, занятый своей острой церковно-политической работой, не мог на первых порах уделить достаточно внимания труду своего историографа и подчинить его своим планам и замыслам. Летописание получило тот же церковный характер, что и собственно церковные произведения 60-х годов.

Только к концу княжения Андрея (после 1169 г.) началась работа над созданием Владимирского летописного свода, который должен был сочетать историю Владимира с историей остальной Руси. Это важное предприятие, по-видимому, уже было взято под надзор князя, так как свод отразил со значительной полнотой и силой политическую линию Андрея. Привлекая ростовские записи времени Юрия до 1157 г., сводчик все свое внимание сосредоточил на молодом городе Владимире. Основная мысль свода – перенос политического центра Руси во Владимир: он воспринимает не только права Ростова на севере, но и Киева на юге. После разгрома Киева войсками Андрея его жизнь освещается как отражение владимирской, а киевские усобицы – как результат неподчинения южных князей воле Андрея. Отсюда – беглое изложение южных событий и малое внимание к сюжетам ростовских записей. Летописец стремится доказать приоритет Владимира над Ростовом и Суздалем и особое «покровительство неба» новой столице.

Исходя из этих историко-литературных и политических интересов, был избран и источник сведений по истории русского юга. Киевские летописные труды, которые могли попасть во Владимир вместе с книгами, захваченными в 1169 г. в библиотеках Киева, не могли быть использованы, так как они давали враждебное освещение деятельности Юрия и Андрея. Поэтому владимирский летописец привлек летопись Переяславля-Южного, вотчины Мономахичей, где сидели братья Юрия

и Андрея. Эта летопись сочувствовала их делам и, кроме того, давала в своем изложении не узко местную, но более широкую картину переяславско-киевских событий. Владимирский сводчик с большим талантом ввел в ткань южнорусского повествования и сохранившиеся рассказы о подвигах Андрея на юге, сообщенные его близким человеком и овевявшие имя Боголюбского громкой воинской славой.

Но эти светские воинские сюжеты лишь резче оттеняют общий церковный стиль мысли и работы владимирского летописца. Он постоянно пускается в поучительные рассуждения, уснащает повествование церковными цитатами. Этот «церковный» стиль владимирского летописания был, однако, как нам кажется, не столько личной особенностью сводчика – духовного лица, сколько выражением особой концепции свода: он не только доказывал превосходство Владимира над Киевом и Ростовом, от которых этот город должен был перенять общерусское и областное политическое главенство, но и «божественную природу» единоличной власти Андрея. Этот лейтмотив свода позволял изобразить противодействие политике Боголюбского как «неповиновение богу», а все дела самого Андрея – как «проявление божественного промысла». «Летописатель владими́ро-суздальский всецело принадлежит миру и злобе дня, а учение церкви в руках его есть орудие против врагов родного города и «господина-князя» и на защиту их правоты во что бы то ни стало» (И. Хрущов). Поэтому естественно, что и личность самого князя, и его реальные дела летописец, окружает сиянием «чудес» и молитвенными отступлениями.

Свод, как предполагают, не был закончен до 1174 г., и его завершение падает на 1177 г. – уже на время Всеволода III. Созданная в эти годы «Повесть» о смерти Андрея была включена во Владимирский свод в сокращенном виде. Зато особенно подробное освещение получили события времени междукняжия, в которых с не меньшей силой, чем в церковно-литературных произведениях 60-х годов, была выдвинута политическая роль владимирских «мизинных людей» – горожан. Полагают, что подобно «Повести» об убийстве Андрея этот рассказ о «борьбе старых и новых городов» был особым сказанием и был вклю-

чен в этом виде в летопись²⁹. Возможно, что он, как мы говорили, входил и в серию рассказов о «чудесах» Владимирской иконы, так как в начале его ясно говорится: «Мы же да подивимся чуду новому и великому и преславному Матере Божья, како заступи град свой от великих бед и гражаны свои укрепляет». К. Н. Бестужев-Рюмин справедливо отметил особенности этого рассказа, выделяющие его среди династических и церковных известий, – в нем «являются деятелями целые массы», его характер позволяет приписать его составление не церковнику, но горожанину – патриоту Владимира. М. Д. Приселков полагал, что обе повести (о смерти Андрея и о борьбе городов) принадлежат тому же автору, который составил и внес в летопись рассказы о военных подвигах Андрея на юге³⁰. Уже по завершении свода (1177 г.) в него были включены сведения о деле епископа Леона и «ереси» и казни епископа Федора. По предположению М. Д. Приселкова, эти интерполяции были сделаны по настоянию киевского митрополита³¹.

В заключение коснемся вопроса о времени внесения в летопись «Поучения» Владимира Мономаха и связанных с ним письма к Олегу и молитвенного заключения. Как известно, этот комплекс литературных произведений сохранился лишь в северо-восточном, Лаврентьевском списке летописи, где он помещен под 1096 г., вслед за обстоятельным рассказом об усобице Олега, захватившей Ростово-Суздальский край. А. А. Шахматов полагал, что эта группа писаний Мономаха попала в летопись еще в 1118 г., при составлении третьей редакции «Повести временных лет». Составитель данной редакции был, согласно этой гипотезе, киево-печерским монахом, близким к сыну Мономаха Мстиславу Владимировичу; его перу усваивается внесение в «Повесть» и рассказа об усобице Олега на севере³².

Наличие всех этих фрагментов вместе только в северо-восточном списке Лаврентия позволяет поставить вопрос: не могли ли они быть внесены в том же XII столетии, но уже в ходе развития владимирского летописания? По остроумной гипотезе Н. В. Шлякова, Мономах передал свое поучение в 1118 г. своему сыну Андрею Доброму, когда последний пошел княжить во Владимир-Волынский. От него рукопись перешла к его сыну

Владимиру Андреевичу, союзнику Андрея Боголюбского по разгрому Киева в 1169 г.³³. Владимир Андреевич умер в 1170 г. В его погребении принял большое участие печерский игумен Поликарп, который, как мы знаем, был немаловажной фигурой в грозных событиях 1169 г.: его «запрещение» митрополитом в связи с практикой постов было, в представлении летописца, одним из мотивов разгрома Киева. Не мог ли через Поликарпа попасть на север список «Поучения» Мономаха и вместе – его других писаний?

Как «Поучение» Мономаха, так и, в особенности, его письмо к Олегу имели первостепенный документальный интерес для северных, владимирских князей. В послании к Олегу 1096 г. шла речь о владетельных правах младших Мономашичей на Ростово-Суздальскую землю. Там говорилось, что старший сын Мономаха Мстислав, пришедший на выручку захваченной Олегом Суздальщины, потом сидел в Суздале «с малым братом своим [т. е. Юрием], хлеб едучи дедень», – обычная формула вотчинных прав, указывавшая на Всеволода как первого отчича этой земли. История же первой усобицы на северо-востоке, которую освещала «грамотица» Мономаха, естественно, должна была привлечь особый интерес как владимирских летописателей, так и их читателей. Она имела глубоко поучительный смысл, особенно для времени Андрея, вступившего в борьбу с феодалными распрями. В. Л. Комарович полагал, что включение письма Мономаха в текст летописи произошло «скорее всего в одном из северо-восточных летописных сводов конца XII или начала XIII в.»³⁴. Вероятная история списка «Поучения», намеченная выше, позволяет думать, что впервые «Поучение» и письмо к Олегу вошли в летопись именно при составлении владимирского свода 1177 г. Появление этих новых очень важных документов произошло, по-видимому, тогда, когда свод был уже доведен до поздних событий; поэтому «Поучение» и письмо к Олегу столь «случайно» легли в текст 1096 г., хотя и были очень ценным дополнением к летописному и, вероятно, местному рассказу об усобице Олега. Эта интерполяция произошла, как думаем, еще при жизни самого Андрея. Об этом, нам кажется, позволяет догадываться также и следующая в Лаврентьевской летопи-

си за письмом Мономаха к Олегу примечательная вставка молитвенного содержания.

Исследователи, изучавшие «Поучение» Мономаха, до сих пор колеблются в отнесении этой молитвенной вставки к авторству последнего³⁵. Она во всяком случае не связана органически ни с его «Поучением», ни, тем более, с его письмом к Олегу. Один из историков назвал этот молитвенный текст «неизвестно откуда взятым обращением к богородице»³⁶. Это – покаянная молитва. Ее автор обращается к своей совести с призывом к покаянию: «Всклонися, душе моя, и дела своя помысли, яже здея, пред очи своя принеси, и капля испусти слез своих, и повежь яве деянья и вся мысли Христу, и очистися». Затем автор обращается с мольбой о заступничестве и спасении души к Христу, богородице и Андрею Критскому, покаянный канон которого был особенно популярен на Руси. Но наиболее характерно пространное обращение к богородице о заступничестве за «ее город»: «Град твой сохрани, Девице, Мати чистая, иже о тебе верно царствует, да тобою крепимся и тебе ся надеем, побежаем вся брани, испрометаем противныя... спаси ны, в скорбех погружающаяся присно, и сблуди от всяко[го] плененья вражья твой град. Богородице! Пощади, Боже, наследья твоего... Спаси мя, погыбшаго, к Сыну ти [твоему] вопиюща...» Эти строки исключительно близко напоминают текст «Службы на Покров» и его политическую заостренность. Еще более интересно, что и в молитвенном обращении к богу и богородице автор называет ее просто «покровом» («*надеже и покрове* мой, не презри мене, благая...»). Если все тексты этой молитвы, как доказано Шляковым, восходят к молитвам из «Триоди постной» и частью к акафисту и канону богородице³⁷, то последний фрагмент находит аналогию лишь в «Службе Покрову». Все это убеждает нас в принадлежности рассматриваемой молитвенной вставки Владимирскому Андреевскому своду 1177 г.; обращение же к Андрею Критскому и личный характер самой молитвы могут наводить на мысль о причастности самого князя к ее составлению и внесению ее в летописный свод, в подготовительной работе над которым Андрей, видимо, принял близкое участие. Чтение, еще до внесения в свод, «Поучения» Мономаха и письма к Олегу произвело

на Андрея глубокое впечатление, и он добавил к этим драгоценным высоко поэтическим и мудрым писаниям великого деда свою покаянную молитву. Сравнивая полный надежд и оптимизма текст «Службы на Покров» с тревожным настроением этой молитвы «погибшего» человека «в скорбех погружающаяся», мы с большей остротой воспринимаем ощущение Андреем надвигающейся катастрофы и тревоги за судьбу его любимого Владимира.

VII. ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

Войти еще глубже в мир идей эпохи Боголюбского помогает анализ памятников архитектуры, украшавших стольный город Андрея и его Боголюбовский замок.

И литература и искусство служили одним и тем же целям, поставленным политическим курсом Андрея. Архитектура была связана целиком с его обширным церковным и дворцовым строительством. Но это не значит, что она была оторвана от народа. Огромный объем княжеского строительства требовал участия многочисленных владимирских строителей, каменосечцев и мастеров других специальностей. Здесь перед ремесленниками – строителями и, в особенности, декораторами открывалась возможность широко проявить свое дарование и свой вкус. Высокое художественное совершенство и одухотворенность памятников времени Андрея обязаны таланту этих художников-горожан.

Мы видели, какое значение придавал Андрей делу обстройки своего города, стремясь сделать его соперником Киева, как Киев в свое время был соперником Царьграда. Он прекрасно оценивал огромную убеждающую идейную силу монументального искусства. Летопись рассказывает, что Андрей любил вводить на хоры своего дворцового собора гостей и послов из других стран и от соседних народов и показывать им великолепие своего храма. В «Повести» о смерти Андрея киевский священник Кузмище вспоминал [перевод]: «Теперь тебя, господин, не хотят знать даже твои слуги. А было время, когда приходил гость из Царьграда, или из иных краев Русской земли, или из латин, из христианских или языческих стран, и ты говорил: “Введите их в церковь и на хоры, пусть видят истинное христианство и

крестятся". И так и было: и болгары, и евреи, и все язычники, видевшие славу Божию и украшение церковное, еще больше оплакивают твою кончину»¹.

Каждый памятник андреевского зодчества проникнут определенным идейным содержанием, связанным с общим направлением и духом первых лет княжения Андрея².

Когда мы смотрим на Успенский собор Владимира и представляем себе его первоначальный облик, какой был создан мастерами Андрея (1158–1161), нас поражает первое и основное впечатление царственной, державной красоты этого храма. Она связана и с самим господствующим положением Успенского собора в городе и природе: он стоит на высоком углу Мономахова среднего города, видный с далеких путей, ведущих от Суздаля, Муром и Юрьева. Белоснежный, блещущий позолотой наружных украшений и золотым шлемом главы, он подобен издали сверкающей короне, венчающей городской холм. Храм как бы осеняет город своей сияющей красотой, но он же подобен величавому каменному стражу столицы, золотой шлем которого сверкает, уходя в небо. Наружное убранство храма исполнено благородной сдержанности. В поясе стройных колонок, обнимающем тело собора, были фресковые изображения «святых», павлинов и растений. Отдельные резные камни оживляли белизну стен; сочная листва резных капителей как бы шевелилась, полная внутренней силы. В отделке деталей главы и порталов была применена вызолоченная медь.

Собор стоял среди зданий епископского двора, но его двери были открыты для горожан и пришедших издалека богомольцев. В праздник Успения соборяне развешивали на двух натянутых «вервях» драгоценные ткани, пелены и облачения. Этот многоцветный, колеблемый ветром коридор сверкавших красками узорчатых тканей начинался перед собором от владычных сеней и входил в храм, вводя паломников и молящихся внутрь собора. Здесь, около царских врат, сияла золотым убором икона Владимирской Богоматери, – «небесной покровительницы» города, горожан и князя. Внутри храм поражал своими удивительно стройными пропорциями. Легкие столбы, казалось, без усилия несли могучие своды и залитый светом огромный

12-оконный барабан купола, как бы висящего в сиянии лучей. Украшенный золотом и серебром амвон возвышался перед входом в полный драгоценной утвари алтарь. Золотые и серебряные хоросы и паникадила, опускавшиеся на цепях со сводов, струили свет бесчисленных свечей. Их мерцание повторяла зеркальная поверхность цветного майоликового пола. Стены, столбы и своды покрывала превосходная фресковая роспись. Под сводами княжеских хор была размещена картина Страшного суда, ада и рая – центральная дисциплинирующая тема росписи³.

Таков был созданный Андреем главный храм Владимирской земли.

В его плане ясно ощутима схема Успенского собора киевского Печерского монастыря; лестничные башни, придающие особую величавость его силуэту, напоминают о лестничных башнях киевской Софии; общая конструктивная система крестовокупольного храма восходит к Византии. Но эти основные «образцы» глубоко переосмыслены. Иные пропорции, иная техника кладки из белого камня, дающая исключительный эффект, иная, чрезвычайно богатая декоративная система, вводящая в убранство фасада резной камень, фреску, вызолоченную медь, – все это решительно изменяет облик храма, далеко уводя его от киево-византийских образцов.

Этот отход от старых эстетических принципов был весьма решителен. Андрей приказал сломать храм Спаса на Мономаховом дворе, построенный киевскими пришлыми мастерами еще в начале XII в.: он, видимо, не удовлетворял вкусам нового времени своей строгостью и простотой. На его месте в 1164 г. Андрей построил изящный белокаменный храм, родственный по стилю Успенскому собору.

Храм Покрова богородицы на реке Нерли (1165), созданный в честь нового праздника «покровительницы» Владимирской земли, установленного волей князя и горожан, является поистине лучшим творением зодчих Андрея. Они руководились теми же конструктивными и декоративными принципами, что и в Успенском соборе. Однако их искусство было столь утонченно и мудро, что они создали храм, проникнутый совершенно осо-

бым духом и настроением. Тело храма проникнуто женственной стройностью и изяществом, его пропорции легки и летучи – он как бы стремится к небу. Может быть, здесь нашло отражение представление о самой богومатери, которая рисовалась в литературных памятниках «вельми высокою». Храм Покрова не сравним с тяжеловесными мужественными и простыми храмами Юрия, посвященными Спасу и культу воинов – Георгия, Бориса и Глеба. Столь же изысканно немногосложное резное убранство храма, в нем трижды повторен образ царя-псалмопевца Давида, «пророчествовавшего» о богومатери, а ряд женских ликов, сопутствующих посвященным ей храмам, и здесь напоминает о ней. Внутреннее убранство храма было так же богато и красочно, как и в Успенском соборе.

В этом гениальном произведении андреевских мастеров нас поражает чуткость, с какой их искусство откликалось на темы, волновавшие мысль современников, и ставило свои средства на службы энергичному церковно-политическому строительству Андрея. «Служба Покрову» отражала действительность, упоминая, что холмы и доли были украшены посвященными богородице храмами: «сия церкви аще не глаголы, но вещьми прославляше пречистую Богородицу» – говорится в «Слове на Покров»⁴. Действительно, создания андреевских зодчих проникнуты гармонией, роднящей их с музыкой, с песнопением.

Но в декорации Успенского собора и Покрова на Нерли налицо и прямая их связь с теми «глаголами» литературы 60-х годов, которая развивала культ богородицы. Изображение царя Давида связывается с «Житием Андрея Юродивого», в котором доказывалось, что в псалмах Давида «госпожа молитвенница написана в стисех» псалмов; Андрей Юродивый и Давид упоминаются и в «Службе на Покров»⁵. С культом богومатери связаны и женские маски, проходящие как скульптурный лейтмотив в декорации всех трех фасадов Покровской церкви. Изображения же львов и голубей, входящих в центральную композицию резного убора, по-видимому, навеяны образами «Псалтыри», столь близкой по своему содержанию мыслям самого князя Андрея. Здесь, в «Псалтыри», мы видим символическое уподобление врагов Давида льву, а душа пророка постоянно уподобляется

голубю или орлу. Образ же зайца или ягненка, терзаемого крылатым зверем грифоном, связанный с образами той же «Псалтыри», может восходить к древнейшим сюжетам звериного стиля. Таким образом, можно думать, что искусство и идейный мир литературы 60-х годов развивались в теснейшем взаимодействии, оплодотворяя и обогащая друг друга: литература приобретала нечто от гармонии архитектурного образа, а архитектура становилась глубоко насыщенной идейным содержанием.

В высокой степени интересно и то, что внутри самого архитектурного образа андреевских храмов заключено глубокое противоречие: изысканная легкость форм церкви Покрова на Нерли как будто стремится порвать сковывающую их полет старую крестовокупольную систему храма.

Те же зодчие создали и Боголюбовский замок князя Андрея с его белокаменным дворцом и пышным придворным собором Рождества богородицы (1158-1165). Здесь нас снова поражает богатство архитектурной мысли зодчих и широта замысла князя. В многосложности ансамбля сказывается типичная особенность композиции русских хором. Храм – в центре, островерхие лестничные башни-терема – по бокам, далее – крылья переходов, соединяющих храм с дворцом, с одной стороны, и с замковой башней – с другой; такова композиция дворца, стоящая в историческом процессе между княжескими теремами Киева X – XI вв. и причудливым Коломенским дворцом XVII в. Композицией своих частей Боголюбовский дворец может напомнить и резиденции западноевропейских государей XII в., свидетельствуя об определенной общности путей развития феодалного быта на Западе и во Владимирской земле. Но это все лишь общие черты и параллели. Андреевские зодчие создают и в этой области архитектуры свое, новое и столь прекрасное, что Боголюбовский дворец равно вызывал изумление и современников-летописцев XII в., видевших это чудо архитектурного искусства, и археологов, открывавших в наши дни его развалины.

Дворцовый собор – также посвященный богородице – похож на Покров на Нерли, но, как придворный храм, он значительно торжественнее, а его пропорции массивнее. Внутри храма

появились расписанные под мрамор круглые колонны с гигантскими позолоченными листовенными капителями – небывалый в русском зодчестве прием, усиливающий парадность храмового пространства. Роскошные полы были сделаны из создающих эффект золота плит меди, залитых оловом; на хорах и в анфиладах переходов полы были майоликовые. По словам летописца, богатство утвари и внутреннего убранства дворцового Боголюбовского храма равнялось сокровищам Успенского собора. Сложная наружная декоративная отделка собора и всего ансамбля резным камнем, в том числе круглой скульптурой, а также фресковой росписью и золоченой медью, свидетельствует о высоком мастерстве строителей и оригинальности их творчества⁶.

В этом отношении исключителен поставленный зодчими на дворцовой площади киворий – изящный восьмиколонный шатровый балдахин над водосвятной чашей⁷.

По своей красоте и архитектурному мастерству Боголюбовский дворец не уступает лучшим памятникам дворцовой архитектуры средневекового Запада.

Таковы главнейшие памятники андреевской архитектуры и их наиболее примечательные особенности. В них мы наблюдаем удивительно своеобразный, сложный и органический сплав различных по своему происхождению и историческому возрасту художественных и бытовых элементов. Андрей организовал свое строительство по-русски широко. По словам летописи, «приведе ему бог из всех земель мастера». Таков был обычный прием больших средневековых строителей, на которых объединялись мастера разных специальностей из разных мест и стран.

Декоративные приемы в зодчестве времени Андрея свидетельствуют об участии в нем зодчих, близко знакомых с романским искусством. В. Н. Татищев даже указывает, что зодчие для строительства 1158–1165 гг. были присланы по просьбе Андрея императором Фридрихом Барбароссой; возможно также, что это были западноевропейские зодчие, уже работавшие перед тем в Галиче у Ярослава Осмомысла⁸. Во всяком случае Андрей искал мастеров не в Киеве, жившем византийским наследием. Это была не случайная прихоть, но принципиальная позиция,

которая подчеркивала стремление сбросить византийскую опеку и утвердить право Руси на свою дорогу. В этом смысле Андрей как бы предвосхищал художественную политику Ивана III.

Во Владимире рядом с пришлыми зодчими продолжали работать и совершенствовать свое мастерство владимирские зодчие и ремесленники, строившие еще при Юрии. Всей этой обширной строительной работой руководил князь. Андрей был большим ценителем искусства, понимавшим толк в его произведениях. Об этом свидетельствует факт выбора Андреем иконы Богоматери – выдающегося памятника византийской живописи XI в. Глаз Андрея заметил ее среди многих других икон⁹. Само высокое качество архитектурных памятников строительства Андрея свидетельствует о том, что они – плод напряженной творческой работы, в процессе которой отбрасывались неудачные модели, и совершенствовался окончательный проект. Этот отбор, конечно, происходил при ближайшем участии самого князя. Андрей мог уверенно давать зодчим свои указания – он видел храмы и дворцы Киева, Вышгорода, Переяславля-Южного и других городов Русской земли. Мастерам были предложены для руководства эти «образцы» и освященные двухвековой давностью русские архитектурные приемы. Они ясно сказались во Владимире в плановой и конструктивной схеме храмов, в торжественной двухбашенности соборов, напоминавшей Софию, в композиции дворцового ансамбля, по принципу многочленного строения русских хором. В далеком Галиче уже был в это время подобный, но деревянный дворец. Все это чрезвычайно ограничивало роль пришлых зодчих: они были не творцами, но техническими исполнителями построек, дух которых определялся замыслом князя, исходившим из опыта русского искусства, и участием в строительстве своих, владимирских «каменосечцев». Характерной чертой русского гения, проявившейся с исключительным блеском во Владимире и Боголюбове, было высокое чувство архитектурного ансамбля и связи архитектуры с ландшафтом, неизмеримо обогащающее и повышавшее художественный эффект постройки.

Народная любовь к декоративной украшенности здания была благодарной почвой для включения в состав ее романских эле-

ментов. Но они легли на русскую архитектурную основу и так органично связались с ней, что приобрели вполне своеобразный русский характер и прошли отсюда через все русское зодчество вплоть до XVII в. Мы видим, таким образом, что с пришлыми зодчими произошло то же, что с иноземцами на Руси в XV и XVI вв. – они были столь властно захвачены русской стилистикой, что памятники, созданные при их участии, были неизменно русскими по духу. На обширном строительстве Андрея владимирские зодчие закончили свою «школу» и стали вполне самостоятельными мастерами своего высокого искусства. Они участвовали в последних постройках Боголюбова – кивории и храме Покрова; Золотые ворота во Владимире были, несомненно, постройкой молодых владимирских архитекторов. Рядом с ними выступают и владимирские скульпторы, руку которых мы можем проследить в убранстве андреевских храмов.

Владимирская школа зодчих к концу княжения Андрея была настолько сильной и значительной, что Андрей собирался послать их в Киев для постройки церкви на Ярославовом дворе. Гибель князя помешала исполнению его замыслов. Но показательное намерение принести на древнюю почву Киева новое искусство Владимира как свидетельство того, что Владимир оказался достойным наследником художественной культуры Киевской Руси и уже претендовал стать общерусским законодателем художественного вкуса.

Осуществление задуманной Андреем грандиозной строительной программы было возможно лишь при условии высокого развития материальной культуры его земли и, в свою очередь, ускоряло ее прогресс. Достаточно указать, что лишь заготовка и выделка камня для сравнительно небольшой церкви Покрова на Нерли требовала 7303 рабочих дня, в том числе 3428 дней на выработку резного и фигурного камня. А общий объем строительства 1158 – 1165 гг. был в 15 – 20 раз больше, и владимирцы с ним успешно справились. Не случайно они стяжали себе позорную в глазах спесивых ростовских бояр кличку «каменьщиков»: они ведь упрочивали своим высоким искусством власть ненавистного боярам «самовластца» Андрея, они участвовали в его политическом строительстве. Кроме каменосечцев, на по-

стройке зданий работали гончары, изготавливавшие тысячи плиток для майоликовых полов храмов и дворца. Металлисты лили тяжелые медные плиты, которыми был опаян «помост» дворцового собора в Боголюбове, и изготавливали тонкие и гибкие золоченые листы для оковки крестов и деталей зданий. При Боголюбовском замке работали княжеские ювелиры и златокузнецы, изготавливавшие драгоценную утварь храмов и предметы княжеского убора.

Развитие литературы и искусства предполагало общее развитие просвещения. Андрей, несомненно, заботился об умножении книжных богатств своей столицы. Они особенно расширились после похода на Киев 1169 г., из храмов которого было вывезено на север много книг. Владимир в этом отношении становился «Киевом» для русского северо-востока. Рязанский князь Глеб во время пабега на город захватил и вывез в Рязань библиотеку Успенского собора, но после своего поражения был вынужден вернуть ее. Во время пожара собора 1185 г. наравне с драгоценностями ризницы спасали его книжные сокровища. Просвещение и грамотность проникают и в среду городского населения; это в известной мере объясняет активное участие горожан в перипетиях церковно-политической борьбы, а также распространение первой в русской истории ереси, связанной с именем епископа Леона.

Бурное развитие Владимира, его обширное строительство и рост населения шли рядом с расширением его торговых и культурных сношений. Волжские ворота Владимира указывают на важнейшее направление восточных связей города – Клязьмой и Окой на Волгу, к рынкам Великих Болгар. Андрей заботился о поддержании судоходности речных путей; на них применялись речные суда типа западноевропейских галер – «галеи», оставившие свое имя в названии прибрежного урочища под Владимиром, где по соседству с торгом стояла деревянная церковь Николы, покровителя путешествующих купцов. Здесь бывали болгары, евреи, константинопольские греки, иноземцы из стран романо-германского мира, не говоря уже о русских купцах из других княжеств; при дворе Андрея встречались также половцы и черкесы¹⁰.

Татарский разгром, уничтоживший сокровищницы знати и храмов, оставил нам мало памятников прикладного искусства и предметов, которые приносил поток торговли во Владимирскую землю из стран Запада и Востока. Об их обилии говорят рассказы летописей о богатствах Успенского и Боголюбовского соборов. Драгоценные восточные и византийские ткани, тяжелый аксамит, затканый изображениями грифонов, и тонкие шелковые паволоки, из которых были сделаны погребальные одежды Андрея, являются одним из выразительных свидетельств торговых связей его земли.

Таково было стремительное прогрессивное движение во всех областях культуры великорусского северо-востока, связанное с энергичной государственной деятельностью Боголюбского и в свою очередь являвшееся почвой для этой деятельности.

Сама личность Андрея является исключительно интересным показателем культуры Владимирской земли XII в. Старое и новое причудливо переплетается как в самом характере князя и его политических и моральных взглядах, так и во внешних формах княжеского быта этой поры. Андрей как бы придает новое звучание морально-этическим заветам Мономаха. Личная воинская доблесть приобретает черты рыцарства, с которым связано высокое понимание княжеской чести и верности клятве. По-видимому, при Андрее складываются и многие обрядности, нашедшие позже отражение в миниатюрах Владимирского свода 1212 г. Там мы увидим, например, очень напоминающие западное средневековые сцены инвеституры, символически выражающейся в передаче меча¹¹. Держава Андрея получает свой геральдический символ: наряду со старой родовой «тамгой» «рюриковичей», которая еще служила в княжеском хозяйстве и которою пользовались княжие строители, появляется весьма символический герб, изображающий поднявшегося на задние лапы и готового к прыжку могучего льва¹². Есть позднее указание, что над гробом любимого сына Мстислава Андрей сделал скульптурное портретное надгробие, какие входили в XI–XII вв. в моду и в Западной Европе¹³. Все эти штрихи дополняют выразительную картину своеобразного и яркого расцвета культуры в княжение Боголюбского.

До сих пор историки мало всматривались в творческую работу областных центров Руси XII в.; а из их числа Владимирское княжество почти не выделялось. Было принято думать, что период феодальной раздробленности вел к решительному падению с высот культуры Киевской Руси¹⁴. История Владимирской земли и биография ее ярчайшего деятеля Андрея Боголюбского ставят под большое сомнение эту оценку. Широкое распространение достижений киевской культуры и их проникновение в удаленные от Киева области Руси было глубоко прогрессивным фактом. Это справедливо отметил А. Е. Пресняков: «Идет процесс децентрализации русской жизни, но запасы культуры, накопленные Киевским государством, тем самым проникают в глубь народной массы, втягивая ее плотнее в движение новых форм быта, хозяйства, права, религии, господство которых утвердилось на социальных верхах общества»¹⁵. Этот процесс децентрализации отнюдь не привел к серости или вырождению культуры, но вызвал к жизни огромное разнообразие оттенков культурного творчества в различных русских княжествах. На особом месте среди них и впереди них стоят Владимирское, а несколько позднее – Галицко-Волынское княжества, которые рано поняли необходимость борьбы с распадом Руси. Они создали в ходе этой борьбы культурные ценности, не уступавшие киевским, и выдвинули таких высоко поднимавшихся над современным обществом властителей, как Андрей Боголюбский, Всеволод III, Роман и Даниил галицкие.

VIII. «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»

Мы видели, что первый большой поход Андрея на болгар в 1164 г. был организован тогда, когда он закончил в главных чертах большую внутреннюю строительную работу в своем Владимирском княжестве. Остальные крупные военные предприятия падают уже на вторую половину 60-х годов.

Однако авторитет Андрея стоит очень высоко уже в самом начале этого десятилетия. Именно к Андрею обращается в 1160 г. князь Изяслав Давидович, искавший киевского стола, занятого в 1159 г. Ростиславом смоленским. Изяслав сватал дочь Андрея за своего племянника Святослава Владимировича вщижского, прося кроме того военной помощи, так как Святослав сидел во Вщиже (город в Черниговской земле), осажденный ратью «русских князей». Андрей посылает на помощь своего сына Изяслава со всеми владими́ро-суздальскими полками и муромской «помочью». Осаждающие князья, «слышавше идуча Изяслава Андреевича с силою мноюю Ростовскою, убоявшеся и даша ему [Святославу] мир...» И только когда Андреевы полки ушли, Святослав был снова осажден и после пятидневной осады вынужден был на мир¹.

В год смерти Юрия Долгорукого брат Андрея Мстислав Юрьевич был изгнан с новгородского стола, а в 1160 г. Андрей открыто заявил свои властные притязания на Новгород². В это время в Новгороде сидел сын Ростислава Святослав Ростиславич смоленский, а в Новом Торге его брат Давид. Уже при Юрии, благодаря его мероприятиям, новгородское право выбора князя было сильно расшатано, и в Новгороде образовалась «суздальская партия», заинтересованная в мирном сожителстве с Суздалем, державшим в своих руках пути низовой торговли и

хлебного подвоза. Андрей действует еще более решительно, он хочет окончательно вырвать Новгород из сферы влияния смоленских и других князей.

После совещания на Волоке с князем Изяславом Давидовичем Андрей посылает предупредить новгородцев, что он хочет «искать Новгорода и добром и лихом» и требует от новгородцев клятвенного подтверждения своих верховных княжеских прав на Новгород, – «и оттоле начашась Новгородци мясти [волноваться] и вече часто начаша творити»³. Святослав сначала был вынужден вывести брата Давида в Смоленск, а затем новгородцы захватили его самого и выслали в Ладугу, а его дружину поковали и ограбили. Это был чувствительный удар не только по Новгороду, но и по правам сидевшего в Киеве Ростислава, выгодный как Андрею, так и Изяславу Давидовичу. Ростислав, услышав об этом, в гневе заточил новгородских купцов, но вскоре их выпустил, а Святославу удалось бежать из ладожской ссылки в свою отчину Смоленск.

Новгородцам пришлось просить у Андрея на княжение его сына. Он сначала предложил им брата Мстислава, княжившего у них раньше, но они не захотели его; Андрей все же не исполнил их желания – не дал сына и послал в Новгород своего племянника Мстислава Ростиславича. Однако на другой год сам Андрей решил вывести Мстислава из Новгорода. Возможно, что причиной были какие-то осложнения внутри Суздальской земли: уже в 1163 г., как мы знаем, Мстислав был изгнан Андреем и отсюда. Андрей договорился с Ростиславом киевским, чтобы снова вернуть в Новгород его сына Святослава. Под давлением Андрея новгородцы приняли Святослава на всей его воле. Но как только Ростислав умер, новгородцы заставили Святослава покинуть Новгород. Отступив от Великих Лук и Торопца, он получил, наконец, помощь Андрея и сжег Новый Торг, а его братья сожгли Великие Луки. Сам Андрей со смоленскими и полоцкими войсками двинулся в Новгородскую землю и закрыл все пути, перерезав связь с Киевом. Он упорно настаивал на возврате Святослава – «Святослава силою местяце в город». Новгородцы же перебили его сторонников, а затем Даньслав Лазутинич нашел путь в Киев и в 1168 г. привел в Новгород от Мстис-

лава киевского его сына Романа⁴. Новгород уходил из-под влияния Андрея, и Киев снова стоял поперек его дороги.

Летопись отмечает, что Андрей «не имея любви к Мстиславу», и не удивительно, что у него находит поддержку враг Мстислава князь Владимир Мстиславич, которого Андрей отправляет в Рязань, обещая в дальнейшем наделить волостью⁵. В этом же году суд киевского митрополита, как мы видели, срывает владимирского владыку Федора. Все десять лет после смерти Юрия Киев продолжал быть игрищем непрерывных усобиц, сеявших смерть и несших оскудение стране. Все это приводит Андрея к одному выводу: он решается на неслыханное дело – разгром Киева. Он мог теперь не интересоваться судьбой отцовского Городца на Остре, в котором нуждался Юрий для сбора там своих союзников. Андрей мог вести свои войска через все княжества и везде получать усиливавшие их новые полки.

Момент для удара по «матери городов русских» был избран Андреем очень удачно. Сидевший в Киеве Мстислав не только был враждебен Андрею, но не пользовался расположением и других южных князей. Назначение в Новгород его сына Романа оттесняло от Новгорода Ростиславичей и упрочивало их союз с Андреем.

Мстислав, видимо, не думал, что беда так близка, так как он в это время заботился о судьбе Романа в Новгороде и посылал к нему на помощь младшего брата Андрея Михалку с черными клобуками. Однако Михалка был перехвачен Ростиславичами смоленскими. Судя по поведению Михалки как в начале похода на Киев, так и теперь, можно думать, что он рассчитывал закрепиться на юге и вел свою независимую от Андрея политику⁶.

Войско Андрея во главе с Мстиславом Андреевичем и воеводой Борисом Жидиславичем по пути к Киеву быстро увеличивалось. К нему примкнули братья Андрея Глеб Юрьевич из Переяславля-Русского и юный Всеволод Юрьевич, вернувшийся из Греции⁷, племянник Андрея Мстислав Ростиславич, князя Роман смоленский, Владимир дорогобужский, Рюрик Ростиславич овручский, его братья Давид и Мстислав из Вышгорода, северские князя Олег и Игорь Святославичи. Соединившись

под Вышгородом, войска остановились под Киевом на Доргожичах, около Кириллова монастыря, и, расходясь отсюда, обложили Киев. Осада продолжалась три дня; люди изнемогали от усталости. Ловкий маневр отборного отряда дружинников, ударивших на город с тыла и ворвавшихся внутрь, заставил Мстислава бежать под градам стрел преследовавших его черных клобуков⁸.

Никто не вышел навстречу победителям – это не было очередной сменой одного князя другим, это было взятие вражеского города со всеми его последствиями. И действительно, описание в летописи разгрома Киева не уступает картинам монгольского завоевания [перевод]: «Взят же был Киев месяца марта в 8 на второй неделе поста в среду. За два дня ограбили весь город: Подол и гору, и монастыри, и Софию, и Десятинную богородицу. И не было помилования никому и ниоткуда; церкви горели, христиан убивали, других вязали, женщин уводили в плен, насильно разлучая с мужьями; дети плакали, глядя на своих матерей. И взяли именья множество и церкви обнажили: иконы, и книги, и ризы, и колокола – все унесли смольняне, суздальцы, черниговцы, и Олегова дружина; вся святыня была взята. Зажжен был погаными и монастырь Печерский святой богородицы, но бог молитвами святой богородицы сохранил его от такой напасти. И было в Киеве у всех людей стенание, и туга и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные. Все же это случилось грех ради наших», – заключает летописец⁹.

В других версиях этого рассказа и, в частности, во Владимирской летописи, разгром Киева объясняется, как наказание за «митрополичью неправду» в связи со спором о постах и «запращением» печерского игумена Поликарпа. Мы уже говорили, что это был бы слишком незначительный повод для столь страшного удара. «Митрополичья неправда» – это была, прежде всего, казнь владыки Федора. В этой связи интересно сообщение Никоновской летописи, что владыка Федор был родственником киевского боярина Петра Борисовича, который во время осады Киева войсками Андрея якобы изменил киевлянам и, перейдя к Андрею, выдал ему слабые места киевской обороны¹⁰. Но и самый характер разгрома Киева лучше всего говорит, что это

был удар не только по его политическому престижу, но, главным образом, по престижу церковному. Киев лишали прежде всего его церковных сокровищ, книг, утвари, облачений, колоколов, реликвий и т. п.; сами церкви беспощадно поджигали. так что едва не пострадал единомысленный Андрею и Федору Печерский монастырь.

Разгром Киева северным князем, который был впоследствии прославлен церковью и получил прозвище Боголюбского, открывает характерную черту религиозности феодальных властителей тех времен. Андрей, конечно, был религиозен; но тот факт, что он, столь много сделавший для возвышения церкви на своем владимирском севере, вложивший столько сил и мысли в создание прекрасных по своей форме храмов, не остановился перед уничтожением знаменитых киевских «святынь», показывает, насколько преобладала в его сознании идея своей политической власти; перед нею должны были отступить все другие, в том числе и религиозные, соображения. Здесь сказался, вероятно, и большой личный опыт Андрея. Недаром он выдержал такую долгую политическую борьбу с южными церковными владыками, – борьбу, «мирской» характер которой, конечно, не мог быть скрыт от него. Он и сам совершенно сознательно использовал все средства религиозного воздействия, чтобы усилить свой политический вес. Создатель крупных центров религиозного культа, он, разумеется, относился к ним иначе, чем простой верующий люд. И поражающая нас жестокость, проявленная им в разгроме киевских «святынь», логически вытекала из его взгляда на них прежде всего как на оплот политического влияния противника. Для осуществления своих решительных политических планов он не постеснялся пустить на эти «святыни» даже самих «поганых» – половцев.

Киев не только терял значение русской столицы. Город, являвшийся престолом ненавистного византийского митрополита, был лишен всего церковного благолепия, и никакая «небесная помощь» не защитила Киева – так, в глазах летописца, был отягчен грехами этот город. Теперь над Русью должен был ярче и горделивее гореть золотой купол владимирского Успенского собора – храма богородицы, «покровительницы» дел Андрея и

его людей: у его ног лежал не только испепеленный пожаром и брошенный старый Ростов, но и сам стольный Киев.

Интересно сопоставить отражение в летописи разгрома Киева 1169 г. и не менее тяжкого разгрома, который нанес Киеву в 1203 г. князь Рюрик Ростиславич. По содержанию и образам эти описания почти одинаковы: и тут и там почти монгольская ярость и жестокость. Но в первом случае летописец, как бы оправдывает тяжкое деяние Андрея: оно обрушилось «за грехи наши», «за митрополичью неправду» – было какое-то понимание внутренней правоты этого события. Разгром Киева Рюриком – совсем иное дело. Он был изгнан из Киева Романом галицким с согласия и с помощью Всеволода III владимирского; оба князя, продолжая политику Боголюбского, стремились помешать возрождению Киева. Горожане Киева и других городов теперь, видимо, понимали смысл трагической судьбы Киева; через его унижение шел путь к замирению усобиц, к установлению сильной власти и порядка. Горожане покинули Рюрика и стали на сторону Романа. Рюрик понял безнадежность своего положения и в ответ подверг недоставшийся ему Киев мстительному разгрому – взяв с Ольговичами и половцами Киев, он отдал его на волю «поганых», которые сожгли и ограбили город, перебив или уведя в полон его жителей¹¹. Беспринципность и низость этого поступка Рюрика отразились в характерной оценке летописца: «И створися велико зло в русстей земле, якоже же зла не было от крещенья над Киевом: напасти были и взятыя, не якоже ныне зло се стася»¹². Правда, мы можем заподозрить это суждение северного летописца в пристрастии и изворотливости мысли в оценке дела, связанного с интересами Всеволода.

Осадой и разгромом Киева в 1169 г. руководил любимый сын Андрея, храбрый и удачливый в войнах Мстислав. Сам Андрей даже не приехал посмотреть на поверженный к его ногам великий город; он не сел на его древний стол и не отдал его сыну-победителю. В Киеве был посажен брат Андрея Глеб Юрьевич. Эта дерзкая демонстрация показывала, что Андрей пренебрегает Киевом, что Киев отныне должен стать рядовым городом Руси. Годом позже летописец вложит в уста обращающихся к сидящему в Киеве Глебу половецких князей формулу, живо на-

поминающую теорию богоустановленности самовластия Андрея: «Бог посадил тя и князь Андрей...»¹³

В старой историографии это событие получило значение поворотного пункта русской истории¹⁴. Киев перестал быть столицей Руси: ее политическим центром стал северный Владимир. Но формулировали это и иначе: «Андрей впервые отделил старшинство от места»¹⁵, или резче: «старшинство признавалось за Андреем, а не за его городом Владимиром на Клязьме»¹⁶, т. е. факт переноса столицы отрицался. С этим мнением никак нельзя согласиться.

Во время Андрея Киев менее чем когда-либо до того, был политическим центром Руси. Но он был центром кровавых общерусских усобиц. «Старшинство» Киева было также фикцией, которая лишь мешала начатой Андреем объединительной работе, поэтому он и нанес свой сокрушительный удар. Любопытно, что еще задолго до 1169 г. внимание северного летописца приковывает лихорадочное строительство Андрея во Владимире. Еще более пространно, уподобляясь особому сказанию, разработан этот сюжет во введении к «Повести» об убийстве Андрея, занесенной в южную летопись. Все это свидетельствует о том, что современники Андрея на севере и юге прекрасно оценивали особое значение Владимира и политическое существо его демонстративно богатой обстройки. Мы видели, что сам Андрей отчетливо формулировал мысль об общерусском значении Владимира как политической и церковной столицы. Не удивительно, однако, что сила инерции была велика, и новые политические порядки ассоциировались прежде всего с личностью князя, а не с территорией его княжества и его столицей. Да и самую землю, которая уже при Андрее стала фактически «Владимирской», еще при Всеволоде продолжали по привычке называть «Суздальской». Послов с юга, из Новгорода и Смоленска посылали к Андрею и Всеволоду в «Суздаль», а их принимали в роскошно обстроенных Владимире и Боголюбове, по сравнению с которыми Суздаль был теперь захудалым провинциальным городом. Епископы, носившие титул «Ростовских», также жили во Владимире, но киевский митрополит упорно не признавал главенства Владимира на севере¹⁷.

Таким образом, ясно, что Владимир действительно, на деле становился политическим центром Руси. Это отлично понимали и ощущали на своем опыте люди и князя XII в., но в силу традиций, выгодных для их самолюбия и политических намерений, этот факт упорно замалчивался и прикрывался старой терминологией. Поэтому наследнику и брату Андрея Всеволоду III пришлось лишь продолжать обстройку стольного Владимира и ревниво блюсти и пресекать всякую попытку возрождения Киевщины.

«Киевщина, – говорит А. Е. Пресняков, – оказалась не в состоянии сыграть роль территориальной базы и материальной основы для объединения русских земель в одной и более прочной государственной организации. Ей не было суждено сыграть роль Московского княжества Даниловичей или Иль-де-Франса Капетингов...»¹⁸. Если продолжить и уточнить это сравнение, то нужно вспомнить, что между Киевом и Москвой стоял Владимир Андрея, – его земля прежде всего и стала «русским Иль-де-Франсом». Москва как город созрела в лоне Владимирской земли, национальное значение которой в XIII и последующих веках так мудро предвидел Боголюбский, а Московское княжество Даниловичей было лишь продолжателем владимирских культурно-политических традиций.

Разгром Киева и изгнание Мстислава Изяславича с киевского стола делали опасным положение его сына Романа в Новгороде. Решительная схватка с Андреем не замедлила разразиться.

В 1169 г. на Северную Двину отправился за данью Даньслав Лазутинич, сумевший в свое время добыть Новгороду князя Романа. С ним было 400 новгородцев. Андрей решил захватить Даньслава и отправил на север семитысячный отряд. Столкновение произошло на Белом озере. Даньслав якобы показал большое воинское искусство, обратив отряд Андрея в бегство, уничтожив 1300 человек и потеряв всего 15 своих. После этого Даньслав закончил сбор дани, прихватив еще дань и с пограничных суздальских земель¹⁹.

Андрей решил ответить ударом по Новгороду. К владимиро-суздальским полкам присоединились смоленские, полоцкие, муромские и рязанские силы. Рать двинулась под предводитель-

ством победителя Киева, князя Мстислава Андреевича и воєводы Бориса Жирославича [Жидиславича]. По словам летописца, было такое множество войска, что оно казалось бесчисленным. По пути войска Андрея захватывали и жгли села; мужчин убивали, а женщин, детей, скот и имущество забирали. Роман сел в осаду и упорно отбивал атаки войск, расположенных под городом. Четыре приступа были отбиты; в последний из них Мстислав Андреевич уже въехал в ворота города, заколов нескольких новгородцев. Но все это не дало успеха. В осаждавших войсках к тому же распространились конский падеж и эпидемия. Началось отступление полков Андрея. Многие шли пешком, так как голод заставил есть боевых коней; войска отступали по опустошенным уже ими районам, многие умирали от голода. Преследуя отступавших, новгородцы захватили такое множество пленных, что торговали суздальцами по небывало низкой цене – по две ногаты за голову. Только остатки войск вернулись в Суздальщину²⁰.

История этой борьбы «суздальцев с новгородцами» получила особую актуальность в XV в., когда борьба Новгорода с Москвой вызвала к жизни воспоминания о славном прошлом Великого Новгорода. Сложившееся в это время «Сказание о битве суздальцев с новгородцами» дает несколько иную картину и борьбы за Волоком. Даньслав имел 500 дружинников – «от пяти конец по сту муж», Андрей же послал всего «тысящу ратных ратник избранных»²¹; таким образом, гиперболическое соотношение сил 400 новгородцев и 7000 суздальцев является, очевидно, патриотическим преувеличением новгородского летописца. Зато в осаде Новгорода, по словам «Сказания», якобы участвовало «всех князей семидесят и два со многими силами»²². Крах похода Андрея нашел благовидную мотивировку под пером владимирского летописца-церковника. В Суздале было известно, что еще за три года до похода Андрея в трех новгородских церквях якобы «плакала» икона богородицы, моля бога о помиловании «клятвопреступников»-новгородцев, так как они все же «хрестьяне суть». За этот-то грех бог и «навел [беду на новгородцев] и наказал [их] по достоянью рукою благоверного князя Андрея», но «милостью своею избави град их»²³.

Но Новгороду, несмотря на, казалось, полный триумф, пришлось все же идти с повинной к Андрею: его воины опустошили новгородские деревни, хлеб вздорожал, а Андрей прервал подвоз жита с низа, и «новгородыци... сами послаша к Андрееви по мир – на всей воли своей». «После такой неудачи, – замечает М. П. Погодин, – Андрей должен был отказаться от своего намерения, уменьшить свои требования, смягчиться. Нет! Смирлись новгородцы, несмотря на свой успех... Так верно были рассчитаны действия суздальского князя, что ему неудача не причинила никакого вреда, и сила его не ослабла...»²⁴. В довершение всего Мстислав киевский умер, и Роману пришлось покинуть Новгород. Его ненадолго сменил посланный Андреем Рюрик Ростиславич²⁵.

Кроме Новгорода, большую заботу Андрея вызывали болгары. В 1172 г. он организовал второй поход в их землю под предводительством своего сына Мстислава. Неблагоприятная погода тревожила воинов, и они без большой охоты шли в далекий путь. На устье Оки владимирские полки соединились с силами муромского и рязанского князей; запоздала лишь Мстиславова дружина, которая так и не прибыла в течение двух недель. Воевода Борис Жидиславич повел войско. Неожиданность налета позволила захватить «сел 6 а семое город», порубить мужское население и взять полон. Болгары напали на след Мстислава, отпустившего свои полки и двигавшегося с полоном и небольшой дружиной; только в 20 верстах от устья Оки, где ожидали его главные силы, болгарская погоня повернула, и Мстислав был спасен²⁶.

Появление на киевском столе Владимира Мстиславича «не любо бяше» Андрею, и он посылал к нему, требуя уступить престол Роману Ростиславичу. Смерть Владимира разрешила конфликт. Андрей послал к Ростиславичам сказать: «вы меня нарекли своим отцом, и я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев». Роман был торжественно встречен киевлянами, братьями, митрополитом, печерским игуменом и прочим духовенством. Брат Романа Рюрик вышел из Новгорода на юг, а новгородцы приняли от Андрея его сына Георгия²⁷.

Казалось бы, достигнуто было то, к чему стремился Андрей. В его руках были важнейшие столы – в Киеве и Новгороде. Ростиславичи смоленские послушно исполняли его волю, из своего Владимира-клязьменского он направлял жизнь на Днепре и Волхове, не считаясь с старшинством князей и постепенно взламывая традиции старого княжого права. Однако в глазах союзных ему Ростиславичей он продолжал оставаться названным «отцом».

Не знаем, что послужило толчком к разрыву Андрея с Ростиславичами. Предполагают, что Ростиславичи были недовольны появлением в Новгороде Георгия Андреевича, и это было поводом разрыва. Может быть, Андрей теперь хотел занять и киевский стол своими братьями и стать «самовластцем» не только на севере, но и «в Руси», или он поддался на чью-то клевету. Так или иначе, но он обвинил Ростиславичей в насильственной смерти на киевском столе брата Глеба и потребовал выдачи подозреваемых в этом людей. Ростиславичи не оправдывались, но и не исполнили приказания. Тогда последовал суровый ответ: Андрей велел Роману оставить киевский стол, а Давиду и Мстиславу уйти из Вышгорода и Белгорода; они должны были удалиться в Смоленск и там поделиться своим уделом. На киевский стол должен был перейти брат Андрея Михалко, сидевший в Торческе. Но осмотрительный и изворотливый Михалко послал в Киев младшего брата Всеволода и своего племянника Ярополка Ростиславича. Изгнанные Ростиславичи сложили крестное целование Андрею, но он ответил на это молчанием. Тогда Ростиславичи вошли в Киев, захватили Всеволода и Ярополка и их людей и посадили в Киеве Рюрика. Затем они осадили Михалку, отсиживавшегося в своем Торческе, и он пошел на мир, получив к Торческу Переяславль. Так Михалка «лишился Андрея, брата своего... а к Ростиславичем приступи»²⁸.

Узнав о ссоре Андрея с Ростиславичами, черниговские Ольговичи стали подстрекать его к вооруженной борьбе, предлагая в его распоряжение свои полки. Гнев Андрея на ослушников его воли все нарастал. Он послал к Ростиславичам своего мечника Михна и приказал сказать им: «если вы не ходите в моей воле, то ты, Рюрик, иди из Киева в Смоленск к брату в свою

отчину, а Давиду скажи – ты иди в Берладь, не велю тебе оставаться в Русской земле, а Мстиславу скажи – ты зачинщик всему, и тебе не велю быть в Русской земле». Мстислав, по словам летописи, был не пуглив с юных лет и боялся только бога. Он приказал схватить Андреева посла Михна, обстричь ему голову и бороду и передать Андрею такой ответ: «мы тебя до сих пор имели по любви как отца, а ты с такими речами прислал не как к князю, но как к подручнику и простому человеку. Делай, что задумал, – Бог все видит».

Этот знаменитый «обмен нотами» вскрывает всю глубину разницы в политических взглядах Андрея и Ростиславичей, устами которых говорила старая Русь. Андрей был правильно понят, может быть, даже точнее и правильнее, чем он сам оценивал свои дела. «Надеяся плотной силе и множеством вой огородився», Андрей «исполнился высокоумья и разгордევсья велми» – так оценивает летописец его ультиматум Ростиславичам. На деле он считал себя теперь «королем», верховным сюзереном Руси, а остальных князей своими вассалами, или, по-русски, – подручниками. Так князья могли относиться к своим «простым людям», но это было недопустимо в отношениях старшего князя к младшему, которые еще облекались в ветхий покров семейно-родовой морали. Андрей знал ей цену, пользуясь ею, когда нужно, но шел, попирая ее, вперед прямым путем к единодержавной «королевской» власти, способной подчинить бунтующую феодальную стихию. Но она не хотела уступать без боя²⁹.

Андрей, увидев своего опозоренного, остриженного посла и услышав принесенный им ответ Ростиславичей, изменился в лице «и бысть образ лица его попуснел, – говорит летописец, – и възострися на рать, и бысть готов». Андрей немедленно собрал ростовские, суздальские, владимирские, переславские и белоозерские полки, присоединил к ним войска рязанские и муромские и приведенных сыном Георгием новгородцев. Во главе с Георгием и воеводой Борисом Жидиславичем он двинул их на Ростиславичей, приказав теперь изгнать Рюрика и Давида даже и из их смоленской отчины, а Мстислава привести живым на свой суд. На юге северное войско Андрея, насчитывавшее 50000 воинов, должно было соединиться с силами Святослава Всево-

лодовича черниговского. По пути движения к нему поневоле («нужею») присоединил отряд своих смолян Роман, вынужденный идти на родных братьев. По приказу Андрея присоединялись полки полоцких, туровских, пинских и городенских князей. Далее пришли войска Ольговичей, переяславцы с Михалкой и Всеволодом Юрьевичами, племянники Андрея Мстислав и Ярополк Ростиславичи. Масштаб мобилизации сил всех княжеств был исключителен. Всех князей было более 20³⁰.

Любопытно, что Ростиславичи даже и не думали оборонять Киев: они оставили его открытым, и напавшие войска беспрепятственно заняли город. Ростиславичи решили сыграть на расчленении сил противника и ушли в пригороды Киева: Рюрик сел в Белгороде, а Мстислав с Давидовым полком – в Вышгороде. Сам же Давид поехал в Галич поднимать на помощь Ярослава. Замысел Ростиславичей оправдался. Старший из князей коалиции Святослав Всеволодович черниговский, принявший руководство военными действиями, отрядил группу младших князей – Всеволода Юрьевича и других для осады Вышгорода. Мстислав вывел навстречу свои полки. Всеволод построил своих воинов в обычный трехчленный порядок: сам с дружиной стал в центре, имея по сторонам новгородцев и ростовцев. Мстислав ударил в центр и смял полк Всеволода. В поднявшейся пыли не было видно, где конный, где пеший, где свой и где чужие. Несмотря на ярость сечи, убитых было немного, и к концу дня войска разошлись. Подошедшие вскоре главные силы Андрея обложили весь город. Начались ежедневные приступы и вылазки, продолжавшиеся девять недель. Осаждающие войска утомились, их пыл охладел. Пришедший к Вышгороду против Ростиславичей Ярослав луцкий, надеявшийся получить после них Киев, убедился, что Ольговичи вовсе не собираются уступать Киев в его пользу. Тогда Ярослав тут же перешел на сторону Ростиславичей и повел свои полки к Рюрику в Белгород. Предполагают, что изменили Андрею и Ольговичи. Это привело в колебание всю огромную армию осаждавших, начали опасаться подхода галицкой помощи и черных клобуков. И ночью, не дождавшись рассвета, полки начали отходить; часть в смятении бросилась вплавь через Днепр, причем многие утонули. Мстис-

лав, увидев неожиданное бегство врагов, преследовал их, захватил обозы и много колодников. На киевский стол Ростиславичи посадили Ярослава Изяславича³¹.

Однако и здесь примечательно то, что провал военного предприятия в Новгороде или Вышгороде не освобождает север и юг от властной силы Андрея: «он и побежденный оставался победителем», – замечает М. П. Погодин. Новгород, как мы видели, после победы уже просил Андрея о князе, и туда был послан Георгий Андреевич, приведший сейчас под Вышгород новгородскую рать. После победы Ростиславичей на киевском столе снова со стремительной быстротой меняются князья. Посаженный в Киеве Ярослав Изяславич был сначала изгнан из Киева князем Святославом Всеволодовичем черниговским, пограбившим его имущество; вернувшийся Ярослав сорвал гнев на киевлянах, обложив их тяжелым побором. Видя, что без прочной опоры вне южной Руси не удержать киевского стола, победившие под Вышгородом Ростиславичи снова обращаются к Андрею с просьбой посадить на киевском столе Романа Ростиславича. Андрей ответил, что он запросил совета братьев Михалки и Всеволода, сидевших на юге. Но ответа братьев ему не пришлось получить: 29 июня 1174 г. он был убит заговорщиками в своем Боголюбовском дворце³².

Поучительно сопоставить деятельность Юрия Долгорукого и Андрея; это сравнение резко выявляет то новое, чем выделялась государственная работа Андрея.

Деятельность Юрия можно разделить на два этапа: первый – до середины 30-х годов, характеризующийся бездеятельностью во внутренней жизни земли и внешней политике, и второй – полный нарастающей борьбой за Киев. Провал киевской политики был предрешен отсутствием прочной основы для нее в собственной земле Юрия и слабостью его сил и авторитета.

Иным рисуется характер деятельности Боголюбского. Первая половина его княжения занята большим делом внутреннего устройства Владимирской земли и упрочением ее военно-политического и церковного авторитета. Внешняя же политика начинает раскрывать свое направление лишь в последние годы его княжения. Она уже вполне обнаруживает возросшую силу

власти владимирского князя и проявляется в ряде решительных, хотя и не всегда удачных, крупных предприятий. Если борьба Юрия за Киев суетлива, мало продумана и похожа скорее на цепь авантюр, нежели на планомерную и заблаговременно подготовленную политику, то удары Андрея концентрированы и наносятся вовремя, обнаруживая определенный стратегический замысел и ясное знание обстановки в Русской земле.

Самый масштаб операций, для которых к Андрею приводят свои войска 11–20 князей, был нов и неизменно вызывал удивление летописцев. Андрей был так уверен в своем державном авторитете, что формирование огромного войска из полков формально независимых от него князей проходило без срывов и в известной степени планомерно. Вспомним, как обрастает по пути своего движения новыми силами войско, идущее под Вышгород, или как быстро организуется рать для похода на Киев в 1168–1169 гг. Нужно предположить наличие и очень отчетливо действующей посольской службы, которая обеспечивала быструю осведомленность о ходе дел на юге и позволяла передавать приказания Андрея в самые различные края Руси.

Сила Андрея внушала уважение к нему, и в этом смысле он был подлинным «самовластцем», подобным королям Запада. Эта черта власти Андрея приобретала гиперболические масштабы в глазах соседних народов. По-видимому, через родственных половецких князей слава о нем проникла в далекую Грузию, здесь его называли «царем» и «Андреем великим». Когда стали искать жениха грузинской царице Тамаре, крупный армянский феодал Амир-Курд-Абул-Асан-Арцруни указал на изгнанного Всеволодом сына Андрея Георгия, скитавшегося в половецкой земле; Абул-Асан сказал: «я знаю сына государя Андрея великого, князя русского, которому подневольны 300 русских князей...». По словам грузинского историка Басили, Георгий был «лицо весьма родовитое, сильнее всех царей той страны [Руси]». Позднейший армянский историк Степанос Орбелян (конец XIII в.) называет Георгия «сыном русского царя»³³.

Но в этом признанном авторитете Андрея было и его слабое место. Войско, составленное из отдельных феодальных дружин и полков, подчинявшихся своим военачальникам и, как

правило, не заинтересованных, а часто и прямо враждебных тем целям, какие выдвигал Андрей, – такое войско не могло быть стойким. Часть князей шла в эти походы исключительно под страхом кары Андрея, и как бы значительны ни были его владими́ро-суздальские войска, составлявшие ядро таких сводных ратей, они не могли уравновесить сил, дробивших их единство. Свои владимирские полки включали, кроме горожан-«пешцов», значительное количество «воев» – крестьян, равнодушных к делу Андрея. Отсюда малая боеспособность огромной по тем временам армии, осадившей Вышгород или отошедшей из-под Новгорода.

Самые цели этих походов были сомнительны или неприемлемы для огромного большинства их участников. Мысли Андрея далеко опережали XII столетие. Любопытно, что в глазах летописца, рассказывающего о вышгородской осаде, дело Ростиславичей – справедливое: им «помогают» Борис, Глеб и сам бог. А «святые князья» Борис и Глеб были идеалом братского миролюбия, и потому их упоминание здесь как покровителей Ростиславичей особенно выразительно. Замысел же Андрея – греховен, и потому терпит неудачу. Злой иронией звучат комментарии летописца к эпосе вышгородского похода: Андрей согласился о походе со своей братьей потому, что попал [перевод] «в сети многолукавого дьявола, который враждебен христианам; Андрей же князь был такой умник, такой доблестный во всех делах, а погубил свою рассудительность невоздержанием и, распалившись гневом, испустил такие заносчивые слова, – а ведь перед богом мерзка и постыдна хвала и гордость. Все это было на нас от дьявола, который сеет в нашем сердце хвалу и гордость... Так исполнилось слово апостола Павла, сказавшего... возносящийся смирится, а смиренный вознесется. И так возвратилась вся сила Андрея князя Суздальского: собрал он воедино все земли, и не было счета множеству воинов; пришли они высоко мысля, а смиренными пошли к своим домам...»³⁴

Как бы вторя этой явно пристрастной и враждебной Андрею оценке южного летописца, построил свою знаменитую характеристику Боголюбского В. О. Ключевский. Перечислив его военные неудачи, он объясняет их личными качествами Анд-

рея: «смесью силы с слабостью, власти с капризом»; бесплодные походы «можно было сделать и без Андреева ума!» «Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом живя сиднем в своем Боголюбове, наделал немало дурных дел: собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего темного угла на Клязьме!». Образ действий Боголюбского возбуждал у Ключевского вопрос: «руководился ли он достаточно обдуманними началами ответственного самодержавия или только инстинктами самодурства?..»³⁵. Мы видим теперь, сколь далека от истины эта популярная, но поверхностная оценка.

После поражения под Вышгородом казалось, что феодальная Русь торжествовала окончательную победу. Сам Андрей скоро падет от руки убийц, защищавших старый порядок и «тьму разделения нашего».

Однако Андреем было сделано дело огромной важности. Он показал, что мыслима и осуществима организация единой державной власти, подчиняющей своим политическим планам силы других князей. Он показал, что это возможно только на новой социальной и географической почве. Силы растущего города были впервые сознательно включены Андреем в его созидательную работу. Он развеял старую славу Киева как политического центра Руси. Теперь было ясно, что обладание Киевом – дело слепого случая и комбинации сил, лишенное какой бы то ни было прочности и правомерности. Святослав, обращаясь с просьбой о волости к занявшему в 1174 г. киевский стол Ярославу Изяславичу, формулировал свои мысли с неприкрытым цинизмом; «ныне же ты сел еси, право ли, криво ли – надели же мене!..». Андрей в 1169 г. разгромил Киев, и это отозвалось болью в сердцах современников; имя Киева потеряло всякий моральный и политический авторитет.

«В лице этого князя, – замечает М. Д. Приселков, – мы, несомненно, имели опережающего свое время и современников смелого и крупного деятеля, весьма рано оценившего и упадочность «Русской земли» [г. е. Поднепровья], и растущую мощь Ростово-Суздальского края и решившего, порывая все традиции

своего рода и всех русских феодальных княжеств, по-новому поставить соотношение сил и внутри Ростово-Суздальского края, и внутри русских княжеств, как и внешнеполитические связи Русской земли...»³⁶

IX. РАЗВЯЗКА

Гибель верного помощника, епископа Федора, поражение под Новгородом, позорное отступление огромной рати двадцати князей из-под Вышгорода – все это были удары, расшатывавшие основы могущества Андрея и разрушавшие властный гипноз его силы. Они били и по самому Андрею, ослабляя его железную волю и уверенность в своих поступках. К этим политическим неудачам присоединялся трагизм надвигавшегося одиночества. Его сыновья умерли: в 1165 г. погиб Изяслав, в 1173 г. скончался любимец Андрея, победитель Киева Мстислав; третий сын, Георгий, не мог служить утешением отцу и опорой его планов – он, видимо, не разделял мыслей отца. В 1174 г. одновременно умерли два брата Андрея – Святослав, прошедший бледной тенью в жизни Руси и погребенный в Суздальском соборе, и Глеб, сидевший в Киеве и, как подозревал Андрей, изведенный коварством Ростиславичей. На юге оставались младшие братья Михалко и Всеволод, но Андрей помнил нанесенную им десять лет назад жестокую обиду – изгнание из Руси. К тому же во время недавних событий на юге сидевший в Торческе Михалко прямо показал шаткость своих намерений, пойдя на мир с Ростиславичами: он «лишися Андрея брата своего... а к Ростиславичем приступи». Незадолго до гибели самого Андрея, очевидно, предчувствуя надвигавшуюся катастрофу, многие его ближайшие соратники покинули его и ушли за пределы Владимирского княжества. Особенно странно, что храбрый воевода Борис Жидиславич оказался в Рязани¹.

Чувство гнетущего, тревожного одиночества овладевало Андреем. Он терял равновесие, от вспышек гнева и ярости неожиданно переходил к раскаянию и смирению, ища опоры в

молитве и чтении духовных книг. Столько сделавший для развития культа и церкви, сам, несомненно, верующий человек, Андрей чаще и чаще ходил по ночам в дворцовый собор, сам зажигал свечи и лампы и в их неверном полусвете совершал свои одинокие всенощные молитвы, «покаяние Давыдово принимая, плачась о гресех своих»².

В позднейших княжеских некрологах это «покаяние Давыдово» стало своего рода штампом, который мы встретим в ряде похвал, явно подражающих «Повести»³. В «Повести» же об Андрее оно, может быть, является реальной чертой его биографии. Псалмы Давида, по которым гадал дед Андрея Мономах в трудные минуты колебаний, были любимым чтением того времени. Но напрашивается мысль, что Андрею они были особенно близки своим взволнованным драматическим содержанием, которое давало верный отклик на переживания и тревоги последних лет его жизни. Со страниц Псалтыри перед ним вставал облик библейского царя, утверждающего свою власть в жесткой борьбе с крамолой, с мятущимися народами и племенами, с «тайными советами» князей. Высокопоэтические строфы псалмов были пронизаны теми же борющимися между собой чувствами – мрачного пессимизма или горестного разочарования, подъема веры в свои силы и надежды на победу и одоление темных сил сопротивления. Невольно кажется, что Андрей мог говорить о себе и своих днях стихами псалмов: «Враги мои говорят обо мне злое: “Когда он умрет и погибнет имя его?” И если приходит кто видеть меня, говорит ложь; сердце его слагает в себе неправду, и он, вышед вон, толкует. Все ненавидящие меня шепчут между собою против меня, замышляют на меня зло... Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пята». (Пс. 40, ст. 8 и 10). «Не удаляйся от меня [бог мой], ибо скорбь близка, а помощника нет...» (Пс. 21, ст. 12). «Посмотри на врагов моих, как много их, и какую лютою ненавистью они ненавидят меня...» (Пс. 24, ст. 19). Трагизм одиночества и колебаний, сознание своей правоты и растущих сил сопротивления – все эти переживания, столь понятные в последние годы жизни Андрея, находили свой отклик в псалмах царя Давида.

Все военно-политические неудачи последних лет княжения Андрея, несомненно, имели общерусский отклик и оживляли надежды подавленных властью Боголюбского сил как внутри Владимирской земли, так и вне ее. Возможно, что рязанский князь Глеб и ростовское боярство уже ссылались между собой и ковали крамолу, – догадка В. Н. Татищева, что «убиство Андреево... учинилось по научению Глебову», очень похожа на истину⁴; может быть, и в ближней среде Андрея, у Кучковичей, проснулась забытая было мысль о мести. Были недовольные и в самой владимирской дружине. Однако Андрей, веря в свою правоту и в преданность своих слуг, видимо, не допускал мысли о возможном покушении на его жизнь. Даже узнав о готовящемся заговоре, он «нивочто же [это] вмени» и не принял никаких мер безопасности. Это стремление избегать острых средств и в особенности смертных приговоров было, видимо, проявлением и его характера. Как мы уже говорили выше, в источниках не раз выступает эта особенность морального облика Андрея.

И вот наступила кровавая развязка. Взволнованное и полное драматизма повествование о ней является одним из выдающихся литературных произведений XII в., попавших на страницы летописи. Вот как, по показаниям этой «Повести», разыгрались трагические события в Боголюбове.

Шло лето 1174 г. За какую-то вину Андрей приказал «казнить» одного из братьев Кучковичей. Может быть, он напал на нить заговора, не оставлявшую уже никаких сомнений в его реальности. Намерение князя стало известным его любимому слуге Яким Кучковичу. Это подтолкнуло Кучковичей к решительным действиям, так как медлить было опасно: «сегодня князь казнит одного, а нас завтра – промыслим о князе сем», – говорил Яким своим единомышленникам. В обеденный час 28 июня заговорщики собрались у Кучкова зятя Петра, который был на другой день именинником. Он принял на себя руководство заговором, в который вошло двадцать человек, в том числе доверенный ключник Андрея осетин Анбал, Кучкович Яким, еврей Ефрем Моизич. Решено было в ту же ночь убить князя в его дворце. Предатель Анбал заблаговременно вынес из княжой ложницы меч, с которым Андрей не расставался и ночью.

Как только душная ночная тьма спустилась над Боголюбвым, вооруженные убийцы двинулись к дворцу. Пугал ли их казавшийся невероятным замысел повергнуть в прах само воплощение огромной власти и силы, которой они только что покорялись, но их объял страх и трепет, и они бежали вон. Была открыта княжая медуша, и здесь, в темноте подвала убийцы «пиша вино; сотона же веселяшеть е [их] в медуши и служба им невидимо, попевая и крепя е...» Хмель выбил сомнения и колебания, и полупьяные, «яко звери дивии», заговорщики подошли к запертой двери княжой ложницы. Один окликнул князя и сказался любимым слугой Прокопием, но Андрей понял обман. Дверь подалась под тяжкими ударами. Андрей протянул руку к мечу, но его не было. Безоружный, он схватился с двумя навалившимися на него убийцами и бросил одного на пол. Думая, что это рухнул князь, заговорщики изранили своего, но вскоре поняли ошибку: Андрей продолжал драться, как лев, «Бог отомстит вам мою кровь и мой хлеб», – кричал он, отбиваясь от града ударов. «И посем познаша князя и боряхуся с ним вельми, бяшеть бо силен...». В крошечной тьме его рубили мечами и кололи копьями; мечом было разрублено до кости бедро, над бровью копье скололо кусок черепа. Убийцы как будто не верили, что Андрей смертен. Они бросили его изрубленного и, захватив своего раненого сообщника, вышли на дворцовую площадь.

Но Андрей был еще жив... Его железный организм еще боролся со смертью. Напрягая последние силы, истекая кровью, он поднялся было, но упал и пополз из дворца по холодному цветному полу переходов, охваченный предсмертной икотой. Спустившись по винтовой лестнице башни вниз, он укрывался в нише в конце схода. Убийцы услышали стоны князя, а одному из них даже померещилось, что в непроглядной тьме он увидел, как князь спускался с башни. Андрей сумел воспитать в своих приближенных веру чуть ли не в сверхъестественную силу его воли, способную побороть саму смерть. Они бросились наверх, но не нашли князя в ложнице. От мысли, что князь жив, их объял ужас, им казалось, что они уже погибли, и, забыв всякую осторожность, они зажгли свечи и по широкому кровавому следу нашли князя, совершавшего предсмертную молитву. Петр

Кучков зять с маху отсек ему мечом левую руку в плечевом суставе. Это был мастерской и последний удар... Андрей был мертв.

История гибели Андрея нашла широкий отклик в позднейшем народно-литературном творчестве, соприкоснувшись со «Сказаниями о начале Москвы» и дав канву для их романтического сюжета. В них выступает еще одно лицо, причастное к заговору – это жена Андрея, дочь боярина Кучки Улита, которую не называет ни один из достоверных старых источников. Те же «Сказания» и местные владимирские легенды рассказывают о казни Улиты, которая якобы была утоплена в Поганом озере под Владимиром.

Еще до рассвета заговорщики убили милостника Прокопия и ограбили сокровищницу дворца, помещавшуюся в башне сени; погрузив на коней золото, драгоценные камни, жемчуг и всякое узорочье, они ушли добро прочь. Опасаясь вмешательства владимирской дружины, убийцы созвали боголюбовских дружинников и послали к владимирцам с вопросом об их отношении к перевороту. Владимирцы ответили уклончиво: «пусть к вам идет тот, кто был с вами в думе»... Тем временем начался страшный грабеж.

Пришедший в Боголюбово киевлянин Кузьма не нашел тела князя в башне. Торжествовавшие убийцы надругались над своим мертвым и уже бессильным владыкой: его обнаженный труп валялся в огороде, и к нему запрещали подходить под страхом смерти, – заговорщики собирались бросить его за стену замка на съедение псам. Кузьма заплакал над телом князя и едва умолил шедшего по дворцовым переходам в дорогой княжеской одежде Анбала сбросить ковер и плащ, чтобы покрыть мертвого. Пьяные заговорщики не захотели даже отпереть церковь: «что за печаль тебе о нем! брось его в притворе», – сказали они. И Кузьма положил труп в притворе собора, покрыв его княжеским плащом. На третий день игумен владимирского монастыря Кузьмы и Демьяна внес тело в дворцовый собор, положил в белокаменную гробницу и отслужил панихиду по усопшему.

Еще три дня лежал оставленный всеми Андрей непогребенным в гулкой тишине своего дворцового храма... Кругом ширилось восстание. Народ избивал княжеских немилостивых чи-

новников и слуг и громил их дома в Боголюбове и Владимире. Был ограблен и Боголюбровский дворец Андрея, пострадали даже богатые мастера, пришедшие для каких-то работ в замке, – их одежды, шелковые паволоки, золото и серебро стали достоянием восставших. На пятый день сподвижник Андрея священник Микула стал ходить по Владимиру с иконой богородицы, и восстание начало утихать.

Однако во Владимире оставалась верной Андрею значительная часть горожан, не примкнувшая к восстанию. Они послали за телом князя в Боголюбове: «Поедем, возьмем князя и господина своего Андрея»... Горожане и духовенство во главе с попом Микулой вышли в поле за Серебряные ворота и, как только над холмом Доброго села показался траурный княжеский стяг, поднялись плач и стенания. Владимирцы проводили своего князя до Успенского собора. Прах Андрея нашел успокоение под сводами храма, который был первым делом его неутомимой воли.

Таков был конец жизни Андрея, трагические детали которого донесла до нас «Повесть» о его убийстве. Она раскрывает также ту напряженность и остроту классовых противоречий, которая создалась к концу княжения Андрея. Росла жестокая эксплуатация деревни; очевидно, и городские низы не ускользали от кабальной петли. Несомненно, и сам Андрей был крут и самовластен, и его руку народ не раз ощущал. Отвлеченный своими большими делами и планами, он мог не видеть того, что творила его чиновная челядь в городах и селах, тех злоупотреблений, произвола и насилий, которые чинились его именем в его земле.

Х. ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Созданные трудами Андрея величие и сила Владимирского княжества едва не погибли в острой борьбе, завязавшейся вокруг его наследия и продолжавшейся два года. Восстание 1174 г. показало, до какого крайнего предела напряглись противодействующие политике Андрея силы. Андрей ошибся, переоценив свой авторитет и прочность своего положения. Он не приучил своих противников к режиму жестокой дисциплины и повиновения, не поверил сведениям о готовившемся заговоре, и первый решительный жест – намерение казнить одного из Кучковичей – вызвал взрыв. Андрей опоздал стать «грозным» и не сумел подавить враждебных сил. Было ясно, что они будут стремиться к реваншу всякий раз, как к этому представится случай, и в 1174 г., после гибели князя, они поднялись с угрожающей организованностью и единодушием.

На избирательном съезде во Владимире боярство отказалось от поддержки сыновей Юрия; на волю бояр оказывали давление послы рязанского князя Глеба, который, по-видимому, предъявлял свой счет за поддержку заговора. Поэтому съезд решил призвать шурьев Глеба – Мстислава и Ярополка, сыновей брата Андрея – Ростислава. Посольство застало их в Чернигове в обществе младших сыновей Юрия – Михалки и Всеволода, вместе с которыми Ростиславичи и двинулись во Владимирскую землю. Это вызвало недовольство боярства, настаивавшего на удалении сыновей Юрия. Но старший из них – Михалко все же пошел на Владимир, откуда дружина в это время «по повелению ростовец» ушла. Он без труда занял Владимир, встретив поддержку горожан; и с их помощью выдержал семинедельную осаду ростовских и муромо-рязанских полков. Только голод зас-

тавил владимирцев капитулировать и отпустить Михалку в Чернигов. В это время Мстислав Ростиславич сел в Ростове¹.

Владимирцы не хотели быть под властью Ростова и получили второго Ростиславича – Ярополка, допустив его в город под крестной клятвой, что он не будет мстить и не сделает никакого зла горожанам. Однако если Ярополк и не начал карать подерживавших Михалку владимирцев, то они сразу испытали вкус хозяйничанья чужого этой земле князя, которого боярство толкало на «многое имание», и руку его «русских децких», начавших нещадное ограбление горожан. С особой яростью Ярополк ударил по Успенскому собору – символу андреевского самовластия. Собор был ограблен, драгоценности ризницы увезены в Рязань, храм лишился всех пожалованных Андреем городов и даней. Ограбление собора особенно поразило владимирцев, которые говорили [перевод]: «Мы по своей воле приняли князя и крест ему целовали на всем, а эти, словно не в своей волости, как будто не думают долго здесь сидеть, грабят не только волость, но и церкви...» Ростовские бояре, конечно, не вняли жалобам владимирцев на Ярополка и продолжали поддерживать своего ставленника. В этих условиях владимирцы вновь призвали Михалку Юрьевича².

Встречный бой с полком Ярополка не состоялся, так как противники разминувшись в лесах; суздальская дружина Мстислава в бою на Дубровице у Яхробола³ была разбита, князь бежал в Новгород, а Ярополк скрылся в Рязани. Михалко торжественно вошел во Владимир, гоня перед собой множество пленных. Он прежде всего вернул Успенскому собору его именья и принудил Глеба рязанского возратить сокровищницу храма. Затем Михалко объехал всю землю, «сотворя наряд» с ее городами. Старый и упрямый Ростов ограничился крестоцелованием и приличными дарами победителю. Суздальские горожане заявили о своей непричастности к боярскому сопротивлению и звали Михалку к себе. Всеволод же был посажен в Переславле-Залесском.

В перипетиях этой борьбы за владимирский стол мы снова видим горожан, ревниво стерегущих стольные права Владимира и связанные с ним традиции Андрея: на его братьев владимирцев

мирцы возлагают судьбу столицы и княжества. Их поддержка возвращает Михалку и обеспечивает его победу⁴. На их силу и патриотизм опирается и могучий Всеволод, сменяющий умершего в 1177 г. на Городце брата Михалку. Владимирцы послали за ним в Переславль, торжественно встретили его перед Золотыми воротами Владимира и, поцеловав крест ему «и на детях его», посадили на княжение⁵.

Если болезненному Михалке судьба не судила долго занимать престол Боголюбского и продолжать его политику, то Всеволод был подлинным преемником дел Андрея. Именно он упрочил непререкаемый общерусский авторитет Владимирской земли. Он будет вскоре запечатлен в гиперболических хвалах «Слова о полку Игореве», что полки Всеволода могли «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». А позже владимирский летописец в посмертном панегирике Всеволоду напишет, повторяя характеристику Владимира Мономаха, что «сего имени токмо трепетаху вси страны, и по всей земле изыде слух его, и вся зломыслы его вда бог под руце его, и покоряше под нозе его вся врагы его»⁶. Имя Всеволода по праву стоит среди великих имен русского прошлого рядом с именем Боголюбского.

Родившийся около 1154 г., незадолго до смерти своего отца Юрия Долгорукого, от его второй жены-«грекини», Всеволод вступил на владимирский престол молодым, полным сил и энергии 23-летним человеком. Но за свою короткую жизнь он повидал и пережил немало. Восемилетним ребенком изгнанный вместе с матерью и братом из Русской земли, он попадает в Византию, видит Царьград и двор императора Мануила. Вскоре он снова возвращается на Русь, побывав по пути при дворах западноевропейских государей – Владислава чешского и германского императора Фридриха Барбароссы. Юношей-подростком он участвовал в разгроме Киева в 1169 г., в карательной экспедиции против Ростиславичей и в неудачной осаде Вышгорода. Короткое время он сидел в Переяславле-Русском и даже пять недель занимал киевский престол, откуда был удален Ростиславичами. Словом, он вкусил всех тех впечатлений, которые сделали его решительным сторонником политики погибшего брата. Он углубил и развил ее сообразно новым условиям после-

дней четверти XII в. и особенностям личного характера, непохожего на характер Андрея. Если в Боголюбском наследственные черты деда сказались в его воинском таланте и смелости, то Всеволод унаследовал от Мономаха другие стороны его натуры: тонкий ум дипломата и политика, спокойную властность всегда обдуманых и взвешенных действий. Политическую игру он предпочитал войне, часто пользуясь оружием скорее для психологического воздействия на противника, нежели для его военного разгрома. Но, когда было нужно, он умел наносить и сокрушительные удары. И не случайно цитированный выше некролог Всеволода, как мы говорили, почти дословно повторяет ряд мест из летописного некролога Мономаха⁷.

Древние источники молчат об отношении Всеволода к организаторам заговора 1174 г. и прямым убийцам Боголюбского. После 1174 г. имена, например, Кучковичей ни разу не всплывают в течении летописного рассказа. Только поздний источник, «Книга степенная царского родословия», – создание книжников XVI в. – сообщает, сплетая действительность с легендой, что сначала Михалко «отмьсти кровь брата своего Андрея», а затем Всеволод «злодеев, дерзнувших пролияти неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сих всех изыска и сугубой казни предаде и всех обещников их. Самех же безумных Кучькович ухващая и в коробы пошивая, в езере истопити повеле». Легенда о Пловучем озере в сосновом «Георгиевском» бору под Владимиром и плавающих в нем обросших мохом «коробах» убийц Боголюбского дожила до наших дней. Эта легенда о черной смерти убийц Боголюбского, носящая черты народного сказания, позволяет видеть в ней оценку народной памятью деятельности самого князя Андрея, – она была положительной и сочувственной, подобно тому, как образ Грозного царя Ивана IV был с любовью закреплен в народной поэзии. «У народа свое мнение о деятельности Людовика XII, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами» (М. Горький). Возможно, что отсутствие сведений о казни Кучковичей в старом владимирском летопи-

сании было связано с работой Всеволодова летописца, который, как увидим, имел особое отношение к убийству Боголюбского⁸.

Можно думать, что именно расправа Всеволода с заговорщиками показала с полной ясностью, что дело Андрея будет жить и что ростово-суздальской боярской крамольной знати не приходится ожидать ничего хорошего от его молодого и энергичного брата. Суздальцы не приняли участия в этом конфликте: еще за год перед тем они открыто порвали связи со своей боярской знатью. Поэтому вступление Всеволода на владимирский стол встретилось с новым сопротивлением ростовского боярства. Призванный боярами из Новгорода Мстислав Ростиславич повел на Всеволода большую ростовскую рать, в которой участвовала вся ростовская знать, «ростовцы и боляре, гридба и пасынки, и вся дружина». Всеволод двинул навстречу противнику свою личную дружину, городское ополчение и силы стоявшего на стороне Юрьевичей боярства. Уже будучи за Суздаем, Всеволод предлагал Мстиславу мир на условиях, свидетельствующих о том, что молодой князь прекрасно оценивал сложившуюся политическую обстановку. Он подчеркивал, что Мстислава привели ростовские бояре, а он, Всеволод, приведен владимирцами, переславцами и богом. Всеволод предлагал оставить Мстиславу Ростов, себе брал Владимир, а судьбу Суздаля предоставлял решить самим суздальцам – «да кого восхотят, то им буди князь». В симпатиях суздальцев Всеволод не сомневался, как не сомневались и советники Мстислава – ростовские бояре Добрыня Долгий и Матяш Бутович: Мстислав оказался бы в своем Ростове перед лицом владимиросуздальского единства, поддерживавшего Всеволода. Поэтому мир был отвергнут. Ростовские бояре сказали Мстиславу: «Аще ты мир даси ему, но мы ему не дамы»; между боярством и усилившейся княжеской властью не могло быть согласия – либо та, либо другая сторона должна была подавить другую силой. Битва на Юрьевом поле (1177 г.) решила судьбу ростовского боярства. «Бысть сеча зла, ака же не бывала николи же в Ростовской земле», – замечает об этом сражении летописец. Ополчение Мстислава было разгромлено, в бою пали виднейшие бояре—Добры-

ня Долгий и Иванко Степанович, остальные попали в плен и оковы, «а села боярская взяша, и кони, и скот»⁹.

Мстислав бежал в Новгород, а оттуда в Рязань. По его наущению Глеб рязанский ударил на Москву и сжег ее укрепления. Эта исконная и неукротимая ненависть Рязани к Владимиру заставила Всеволода ответить сокрушительным ударом. В битве на Прусовой горе (1177 г.) рязанские силы были разгромлены. Захваченные в плен Глеб рязанский, его сын Роман, Мстислав Ростиславич, Глебовы бояре – изменивший Андрею Борис Жидиславич, Дедилец, Олстин и другие – вошли во Владимир, закованные в цепи, и были посажены в поруб [тюрьму] вместе с выданным Всеволоду Ярополком Ростиславичем¹⁰.

Торжество владимирцев было неполным: они ждали расправы со своими давними врагами, а Всеволод медлил. На третий день после возвращения из похода «бысть мятежь велик в граде Володимери: всташа бояре и купцы». Они требовали казни или ослепления пленных рязанцев: «се вороги твои и наши суздальцы и ростовцы», – кричали горожане Всеволоду. Вскоре «всташа опять люди вси и бояре и придоша на князь двор многое множество, с оружием, рекуше: «Чего их до держати. Хотем слепити их...». Всеволод колебался, так как о помиловании пленных хлопотали князь Святослав черниговский через своего посла епископа Порфирия и жена Глеба рязанского. Положение Всеволода было трудное: он, как и покойный Андрей, не мог обогреть карающий меч княжеской кровью, хотя, может быть, внутренне прекрасно понимал глубокую правду требований горожан. Мы не знаем точно, чем кончился этот крупный конфликт князя и горожан, так как летописи разноречат в его освещении, а главный источник – Лаврентьевский список летописи – не доводит своего рассказа до конца, оставляя большой, едва ли не сознательный пропуск. По-видимому, следует верить версии, что Всеволод не смог справиться с восставшими, и они, разметав накат земляной тюрьмы-поруба, убили Глеба рязанского, Мстислава и Ярополка ослепили, «а Романа сына его одва выстояша». Однако «ослепленные» Ростиславичи, дойдя до Смоленска, «чудом» прозрели в церкви Бориса и Глеба на Смядыни, были приглашены новгородцами и сели в Новгороде и Торжке – может

быть, как думают некоторые историки, «ослепление» было фиктивным¹¹.

Разгром на Юрьевом поле и Прусовой горе значительно ослабил ростовскую знать и союзное ей Рязанское княжество, упрочив положение и авторитет Всеволода на северо-востоке. Однако ему пришлось еще не раз напоминать о себе рязанским князьям. Таков поход 1180 г. на Романа Глебовича, сдавшего город и вынужденного к миру. Всеволод очень умело использовал борьбу старших и младших сыновей Глеба; в новом походе на Рязань в 1187 г. вместе с владимирской и муромской ратью участвует младший сын Глеба Всеволод коломенский. Подчинение Рязани нашло образное отражение в «Слове о полку Игореве», где сказано, что Всеволод мог «стрелять как живыми стрелами удалыми князьями Глебовичами». Борьба Всеволода с Рязанью не только усиливала значение Владимирского княжества, но и облегчала борьбу с половцами, на которых Всеволод совершил поход в 1199 г.¹²

Лишь через двадцать лет, в 1207 г., Рязань снова подымает голову. Во время большого похода Всеволода на юг против Всеволода Чермного обнаруживается измена рязанских князей. Всеволод захватывает их, отправляет вместе с их думцами во Владимир и захватывает Пронск. Рязань капитулирует без боя. Всеволоду выдают «остаток князей и со княгинями», а на рязанский стол садится в 1208 г. сын Всеволода Ярослав. Однако рязанцы поковали и уморили в погребях всех Ярославовых людей. Спешно пришедший Всеволод блокировал Рязань. В ответ на присланную ему рязанцами «буюю речь», обнаружившую их «обычай к непокорьство», он вывел рязанцев вместе с их епископом, сжег Рязань и Белгород и увел все население Рязани в свои города. Попытка рязанских князей подвергнуть ответному разгрому Московский край (1208 г.) была быстро ликвидирована¹³. По-видимому, в связи с описанной владими́ро-рязанской борьбой стояло сооружение Всеволодом на высоком берегу Клязьмы крепости Осовца, обращенной в сторону Рязани¹⁴. Внутри же княжества были значительно усилены укрепления Суздаля и Переяславля.

После борьбы с Рязанью важнейшей задачей обеспечения непосредственных границ княжества являлось усиление позиций на Волге. Андрей уже нанес два тяжелых удара по Болгарской державе. Всеволод продолжает эти походы, направляя их и на болгарские, и на мордовские земли. Так, в 1184 г. был организован крупный поход объединенных сил русских князей в Болгарскую землю. К войскам Всеволода присоединились половцы, просившие разрешения участвовать в военных действиях. Может быть, это участие половцев было запоздалым ответом на отравление болгарскими родственниками суздальских князей хана Аепы в 1117 г. Войска шли водой в больших судах – насадах и галях – и берегом. «Великий город» был осажден с воды и суши; пришедшие на помощь городу силы были отброшены, но все же взять его не удалось. Чтобы сгладить неудачу похода, Всеволод «кони пусти на мордву»¹⁵. Более удачен был поход воевод Всеволода «с городчаны» 1186 г., когда было захвачено много сел и полон. В 1205 г. был совершен поход на болгар по Волге в насадах, завершившийся захватом большого полон и товаров. Из похода 1210 г. на мордву полки Всеволодова меченоши Кузьмы Ратшича вернулись во Владимир «со многим полоном». Эти военные предприятия, как и при Андрее, еще не давали прочных результатов и выглядели как набег за добычей; однако Городец Поволжский уже закрепляет восточную границу княжества на Волге, и ставится вопрос о захвате Окского устья, разрешаемый при Юрии¹⁶.

Всеволод продолжал политику Андрея и по отношению к Киеву, стремясь упрочить влияние севера на южные дела. Но, памятуя военный опыт Андрея и неудачи его больших походов, он предпочел «продолжать войну мирными средствами», т. е. ослаблять своих противников дипломатической игрой, разделять и властвовать. В глазах потомков эта особенность политических действий Всеволода была идеализирована как «благосердое долготерпение и медленное пождание», благодаря которым «утолялась брань и составлялось братолюбие»¹⁷.

Почти одновременно с вокняжением Всеволода во Владимире киевский престол занял представитель черниговской династии Святослав Всеволодович, княживший с небольшим пе-

рерывом до 1194 г. Его власть была сильно ограничена тем, что он должен был считаться с Ростиславичами, которые владели киевскими землями, предоставив ему самый Киев. «Слово о полку Игореве» называет его «грозным великим князем киевским», но это не более как комплимент – на деле Святослав играл роль «почетного, но слабосильного патриарха в установившейся на юге диархии [двоевластии]». «Слово о полку Игореве» называет и действительного хозяина положения: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ль ти прилетети издалеца, отня злата стола поблюсти». В глазах современника Всеволод – наследник Долгорукого на киевском престоле.

Уже при первой попытке Святослава проявить инициативу и сбросить тяжелую руку владимирских князей Всеволод быстро приводит киевского князя в чувство. Святослав думал сначала изгнать мешавших ему Ростиславичей, а затем ударить на Всеволода. Первое ему не удалось, но он все же в конце 1180 г. повел свою рать на север. Новгородское войско, приведенное посаженным в этом году в Новгороде сыном Святослава Владимиром и соединившееся с южными силами на устье Тверцы, опустошило берега Волги и двинулось внутрь земли, по направлению к Переяславлю-Залесскому. Но уже в сорока верстах от него, на р. Влене, притоке Дубны, стояли владимирские войска, расположившиеся на неприступном месте «во пропастьех и ломох», и соорудившие вокруг полевое укрепление – «твердь». Всеволод не начинал боя и, ограничившись одним ударом по обозам врага, продержал здесь Святослава до весны 1181 г., пока угроза распутицы и вскрытия рек не заставила войска Святослава поспешно уходить восояси, ограничившись попутным поджогом города Дмитрова¹⁸. Такова была типичная для Всеволода тактика «медленного пождания».

Перед этим неудачным походом на Всеволода Святослав сделал попытку поддержать борьбу с ним рязанских князей и прислал им на помощь своего сына Глеба. Тогда Всеволод просто приказал Глебу явиться перед свои грозные очи, и Глеб «волею и неволею еха к нему зане бяшетъ в его руках»; Всеволод заковал его, захватил его дружинников и отправил в заключение во Владимир и отпустил его из плена лишь в порядке лю-

безного жеста по отношению к побежденному Святославу¹⁹. После этого Святослав посылает на помощь Всеволоду для участия в походе на болгар своего сына с полком, как, бывало, по воле Боголюбского шел на Вышгород какой-нибудь муромский или пинский князек. Под конец своего княжения, в 1194 г., Святослав, собираясь в поход на Рязань, уже должен был спрашивать дозволения Всеволода – «послашася ко Всеволоду в Суздаль, *просячися у него на Рязань*; Всеволод же их воле не сотвори, и возвратися Святослав»²⁰.

Последние десять лет княжения Святослава в Киеве были заняты напряженной борьбой с участвовавшими набегами половцев. В походе в степь 1184 г. участвовал племянник Всеволода Владимир Глебович переяславский, проявивший много воинской удали и героизма. Эта борьба связывала руки южным князьям и отвлекала их от усобиц²¹. И Святослав и Ростиславичи, противоречия которых уравнивали положение на юге, всячески стремились заручиться благосклонностью Всеволода и, в частности, путем брачных связей. Святослав сосватал сыну Мстиславу ясыню «свесть» Всеволода. Рюрик смоленский, мечтавший о киевском столе, в 1187 г. сосватал за сына Ростислава дочь Всеволода Верхуславу. За ней ездило целое торжественное посольство Рюриковых бояр с боярынями; с богатыми дарами и свитой поехала восьмилетняя владимирская княжна на юг, где в Белгороде Рюрик устроил «велми силну свадбу, ака же несть, бывала в Руси». В 1193 г. Ростислав после победы над половцами ездил к тестю во Владимир вместе с женой, а на другой год отец его Рюрик после смерти Святослава занял киевский стол. По словам северного летописца, «посла великий князь Всеволод муже свое в Кыев и посади в Кыеве Рюрика Ростиславича»²².

Перед Ростиславичами, казалось, открывалась полоса спокойного правления, – они считали себя теперь «старейшими в Русской земле»; в 1195 г. Рюрик отметил свое вокняжение рядом пышных пиров с братом Давидом и киевлянами в Киеве, Белгороде и Вышгороде. Тогда же зять Рюрика Роман получил во владение города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав и Канев. О Всеволоде забыли, полагая, что и он, подобно Андрею,

не интересуется разделом южных волостей. Но это было преждевременное заключение.

В том же 1195 г. Всеволод проявил неожиданный и энергичный интерес к старому владению своего отца Юрия Долгорукого – Остерскому Городку, который играл столь большую роль в истории памятных войн Юрия за Киев. Всеволод «посла... тивуна своего Гюрю с людьми в Русь, и созда град на Городци на Вьстри, обнови свою отчину»²³. Возрождение Юрьевой крепости было внушительной демонстрацией, служившей прологом к последующей дипломатической борьбе. Всеволод послал послов к Рюрику с очень прямолинейным требованием «части в Русской земле»; при этом он хотел получить именно те города, которые Рюрик уже отдал Роману, утвердив передачу крестоцелованием. Владимирские послы настаивали на этом требовании Всеволода, который недвусмысленно указывал Рюрику: «Кому ты дал часть в Русской земле, с тем ее блюди и стереги, посмотри, как ты ее с ними удержишь...» Митрополит Никифор, видя трудное положение Рюрика, освободил его от клятвы Роману, и только что полученные им города перешли к Всеволоду. Всеволод тут же передал Торческ Рюрикову сыну, а своему зятю Ростиславу, посадив в остальных своих посадников. Роман, естественно, заподозрил Рюрика в обмане и тайном соглашении с Всеволодом, перешел на сторону Олеговичей и начал борьбу с Рюриком²⁴.

Так была организована усобица на юге, в итоге которой Киев в 1203 г. был подвергнут новому разгрому. О нем мы уже говорили в связи с первым ударом по Киеву 1169 г., нанесенным Андреем Боголюбским. Всеволод продолжал по отношению к Киеву политику Боголюбского; он не допускал его возрождения и стремился держать в руках южных князей. Но решения этой задачи он достигал не силой меча, так как опыт Андрея показывал слабость даже крупных феодальных ополчений. Всеволод сумел посорить князей и их руками вторично разрушить Киев.

Всеволод III и Роман галицкий некоторое время являлись хозяевами Среднего Поднепровья. Всеволод даже проявил инициативу в борьбе с половцами, совершив вместе с сыном Константином в 1199 г. поход на половецкие кочевья в Подонье, а в

1201 г. направил на стол Переяславля-Южного своего сына Ярослава, чтобы ближе наблюдать за делами юга²⁵.

Лишь после смерти Романа (1205 г.), когда снова разгорелась борьба за Киев (1206–1210 гг.), черниговская династия в лице Всеволода Святославича Чермного имела все шансы усилиться. Всеволод Чермный, «надеяся на множество вой своих», в 1206 г. осмелился изгнать из Переяславля-Южного Всеволода сына Ярослава. Поэтому Всеволод III вмешался последний раз в дела юга, поднялся в поход и вновь заставил Ольговичей признать свой авторитет. В 1210 г. Всеволод Чермный и все Ольговичи прислали во Владимир самого митрополита Матфея, «прося мира и во всем покоряющесе». Мир был скреплен женьитьбой будущего наследника Всеволода III, князя Юрия, на дочери Всеволода Чермного²⁶.

Это было последнее серьезное участие владимирского князя в делах юга. Киев снова был разгромлен. Переславщина, где сидели князья владимирской династии, уже в 80-х годах XII в. именовалась «Украиной». На юго-западе в могучих руках Романа, которого летописец назвал «самодержцем всея Руси», крепло Галицко-Волынское княжество, второй центр объединительных идей, за которые боролись Боголюбский и Всеволод III²⁷.

Не менее важной была защита интересов Владимирской земли на западе и северо-западе. Связями со Смоленском и Витебском Всеволод весьма дорожил и сопротивлялся попытке Ярослава Всеволодовича черниговского захватить Витебск и Смоленские волости (1195–1196 гг.), а в 1209 г., незадолго до смерти, женился на дочери витебского князя Василия Бориславича²⁸. Однако на первом месте стояли новгородские дела.

Последние годы жизни Всеволода III были полны тревожных перемен в отношениях к Новгороду, борьба с которым после поражения Андрея была трудной. Если силы Рязани подтачивались внутренней борьбой между отдельными группами размножившихся князей, если Киев, переходивший из рук в руки, был вынужден считаться с волей Всеволода, то Новгород упорно отстаивал свои старые вольности, невзирая на раскол, который вносила в его жизнь «суздальская партия». Однако Всеволод довольно быстро восстановил положение и здесь.

Закрепление в Новгороде изгнанных из Владимира Ростиславичей, севших в Новгороде и Торжке, вызвало первый поход Всеволода 1178 г.; Торжок был взят, захвачены новгородские купцы и сожжен Волок Ламский. Мстислав Ростиславич умер в 1180 г.; в Новгороде короткое время пробыл у сына Святослав Всеволодович, только что вернувшийся ни с чем из похода на Владимирское княжество, а последний Ростиславич, Ярополк, племянник и враг Всеволода, был посажен в Торжке и начал грабить Владимирское Поволжье. Поэтому, воспользовавшись уходом новгородского полка со Святославом к Друцку, Всеволод в 1181 г. со всеми своими полками и с рязанскими и муромскими силами ударил на резиденцию Ярополка – Торжок. Пятидневная осада кончилась сдачей города. Всеволод захватил раненого Ярополка, вывел в полон все население и сжег Торжок. Этот удар заставил Владимира Святославича бежать к отцу на юг, и Всеволод посадил в Новгороде своего свояка, безземельного князя Ярослава Владимировича. В ходе этой борьбы маленькая Тверь, стоявшая на новгородско-владимирском порубежье, была в 1182 г. сильно укреплена Всеволодом, став важным звеном в обороне западной границы²⁹.

Ярослав был памятный в истории Новгорода князь. По-видимому, его дружина и слуги «много творяху пакости волости Новгородьской». Поэтому с согласия Всеволода Ярослав был ненадолго заменен Мстиславом Давидовичем смоленским, а затем, в 1187 г., снова вернулся в Новгород. Внутренняя борьба в Новгороде привела все же к тому, что в 1196 г. новгородцы «показали путь» Ярославу. Но он, надеясь на могучую поддержку своего патрона, засел в Торжке и стал брать дани по Мсте и за Волоком, а Всеволод задерживал новгородских купцов в своей земле. На другой год Ярослав был снова торжественно возвращен на новгородский стол. В 1199 г. Всеволод нашел своевременным уступить новгородцам и заменил Ярослава своим малолетним сыном Святославом. Он обеспечил его положение неслыханным нарушением новгородских обычаев, послав на место умершего владыки новгородского Мартирия своего ставленника, архиепископа Митрофана, которого в 1201 г. и утвердил киевский митрополит³⁰.

Однако, видимо, обстановка в Новгороде становилась все более напряженной, и в 1205 г. Всеволод признал целесообразным заменить малолетнего Святослава старшим сыном Константином. Все эти перемены князей на новгородском столе обостряли борьбу партий внутри Новгорода, вели к смене посадников. Это ослабляло силу сопротивления Новгорода, так что в 1208 г. Всеволод мог нарушить старое право не казнить без вины и казнил некоего Алексу Сбыславича, по-видимому, представителя враждебных владимирской политике кругов. Когда, в 1209 г. Всеволод пошел на Всеволода Черного, вызвав к себе и новгородские полки под командой своего сына Константина, новгородцы принесли ему жалобу на посадника Дмитра Мирошкинича и его братью – представителей «суздальской партии». Они, опираясь на растущую мощь Всеволода, начали усиленно обирать городское и волостное население, «повелеша на новгородьцих сребро имати а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы воити и все зло». Богатства дома Мирошкиничей чрезвычайно возросли. Всеволод отпустил новгородцев из похода, задержав при себе сына Константина, самого посадника Дмитра, смертельно раненного под Пронском, и семерых лучших мужей. Видимо, положение было столь острым, что Всеволод щедро одарил отпущенных новгородцев «и вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци, и рече им: “то вы добр, того любите, а злых казните”». Масштабы этой уступки властолюбивого Всеволода свидетельствуют о крайнем недовольстве, кипевшем в Новгороде: Всеволод, видимо, хотел, пожертвовав интересами посадничьего дома Мирошкиничей, спасти свой престиж. Городское восстание обрушилось на полные богатства дворы Дмитра и его отца Мирошки. Привезенного в Новгород, уже умершего от ран Дмитра не хотели даже похоронить, а собирались просто бросить с моста в Волхов, но этого не допустил владыка Митрофан. Прибывший на смену Константина князь Святослав Всеволодович принял бесчисленное множество долговых документов, взятых во дворах посадника, и выслал во Владимир в заточение сыновей покойного Дмитра. Однако уступка Всеволода лишь оживила силы, стоявшие за независимость Новгорода³¹.

Восстание 1209 г. было лишь прологом к вмешательству в новгородские дела князя Мстислава торопецкого. Он в первую очередь перехватывал всех дворян и посадников Святослава в Торжке и захватил их «товары». Всеволод же снова задержал новгородских купцов. Новгородцы заключили на владычном дворе Святослава и его мужей впредь до ряда со Всеволодом, который двинул свои полки к Торжку навстречу Мстиславу. Боя не произошло – противники договорились об условиях соглашения: Всеволод отпускал захваченных гостей, Мстислав возвратил Святослава и его людей. С владычного престола был сведен и ставленник Всеволода – архиепископ Митрофан. Так Новгород быстро ушел из сферы влияния владимирских князей и в дальнейшем в свою очередь стремился ослабить их державу, покачнувшуюся после смерти Всеволода. Потерю Новгорода Владимирское княжество стремилось компенсировать усиленным продвижением на восток – к Волге, и наименование основанного преемником Всеволода города на устье Оки Нижним Новгородом свидетельствовало о сознательном противопоставлении нового мощного торгового центра его северному конкуренту³².

Таковы общие контуры военной и дипломатической работы Всеволода в ее главнейших направлениях – по отношению к Рязани, Болгарской державе, Киевской Руси и Новгороду. Он, как видим, продолжал дело Андрея по укреплению престижа северной столицы – Владимира и подчинению власти владимирского князя остальных феодальных земель. Деятельность Всеволода развивалась на почве, глубоко вспаханной энергичной политикой Андрея. Но чем дальше шла борьба с силами феодального дробления и чем она была успешнее, тем острее и упорнее сопротивлялись эти силы. Мы видели, как Новгороду удалось сбросить могучую руку Всеволода. Развитие центростремительных сил внутри самого Владимирского княжества Всеволод сумел подавить, но они ожили после его смерти.

Владычество владимирских князей на первый взгляд, казалось, с неизбежностью влекло за собой разряды прорывавшегося протеста: смерть Юрия и восстание в Киеве 1157 г., убийство Андрея и восстание 1174 г., покушение на сына Всеволода Ярослава в Рязани 1208 г., наконец события 1209–1210 гг. в Нов-

городе. За всеми особенностями каждого из этих событий – сложной династической борьбой за Киев, не прекращавшейся фрондой старого боярства в Суздальщине, борьбой рязанского княжого дома с державной политикой владимирских князей, сопротивлением новгородского боярства попыткам подорвать его вольности – за всеми этими локальными чертами стоит и нечто общее. «Суздальцы» в Киеве проявили такую же алчность, как чиновники Андрея в своей земле; в Новгороде «насилье от князь» олицетворялось также в «посадниках» и дворянах сидевших там Всеволодичей, которых, как и в Рязани, в первую очередь сажали в погреба, били и грабили. Властвование владимирских князей не только разрушало своим установлением местные порядки, но, по-видимому, выражалось и в усиленной эксплуатации населения, усугублявшейся произволом княжих агентов. Но и Андрей и Всеволод, пользовавшиеся поддержкой и любовью горожан и понимавшие ей цену, еще не проявляли внимания к ограждению интересов своих союзников и, по-видимому, рассматривали их лишь как естественный и неисчерпаемый источник экономических и военных средств своей власти.

Однако, продолжая широкую и энергичную внешнюю политику Андрея, Всеволод все же не мог не обратить внимания на упрочение своей власти во Владимирской земле. Опыт Андрея был слишком угрожающим. И в этом отношении Всеволод также достиг, по-видимому, немалых успехов.

Если в «Повести» о смерти Андрея ее автор пытался смягчить столь ярко изображенную им самим силу народной ненависти к княжим немилостивым людям ссылкой на то, что «иде же закон, ту и обид много», а сентенция о княжом мече и богоустановленности власти звучала, как теоретическое положение, фактически опрокинутое убийством Андрея, то в некрологе Всеволода мы находим нечто иное. Он был «украшен всеми добрыми нравами – злыя казня, а добромысленныя милуя: князь бо не туне мечь носить... Судя суд истинен и нелицемерен, не обинуюся лиц сильных своих бояр, обидящих менших и работающих сироты...» Это совсем иная картина и едва ли преувеличение летописца. Княжее правосудие снизошло до быта «менших» – «мизинных» людей, и, может быть, это сыграло свою роль в

успокоении земли, поднявшейся в июне 1174 г. Ни о чем подобном мы не слышим в княжение Всеволода. Благодаря случайному упоминанию летописи мы узнаем, что в 1190 и 1201 гг. он сам ходил в «полюдье» в Переславль и Ростов. Это был, видимо, не только объезд за сбором дани в княжеских владениях; но и поездка князя с судом и властным «назиранием» своей земли³³.

Была успокоена и старобоярская знать. После сокрушительных ударов, обрушившихся на ее голову на полях сражений 1177 г., она была сильно обескровлена. Но, видимо, Всеволод достигал ее покорности и другими средствами: его походы на болгар, мордву и в соседние русские земли обогащали и участвовавшее в них боярство. Примечательно, что в летописании времени Всеволода меняется и отношение к заговору 1174 г.: мрачный колорит проклятия, тяготеющий над убийцами Андрея Кучковичами и Анбалом в «Повести» о смерти Андрея, отсутствует в ее передаче Всеволодовыми летописцами. Интересным фактом в этом отношении является посвящение церкви на воротах Владимирского детинца (1194–1196 гг.) *Иоакиму* и *Анне*, напоминающее о Кучковиче *Якиме*. Всеволод стремился к укреплению гражданского мира в своей земле³⁴.

Иначе складывались отношения с горожанами, которые образовали теперь особые дружины – владимирские, переяславские и другие. Мы видели, какой гордостью наполнилось их сознание в итоге бурных событий междукняжия 1175 – 1176 гг. В колоритном и живом рассказе об этом времени, внесенном в свод 1177 г., «гражаны» владимирские выступают как крупная общественная сила, ясно понимающая свои цели и значение. Они «волная князя прияли к собе»; они смогли устоять в смутное время испытаний: «не вложи бо им Бог страх и не убояшася князя два имуще во власти сей, и их прещенья нивчтоже положиша, за 7 недель безо князя будуще в Володимери граде». Их «правда», за которую они стоят, отлична от старой боярской «правды» Ростова, основанной на подавлении волей старого города его пригородов и Владимира в особенности. Владимирский летописец очень язвительно отмечает, что древность Ростова, его историческое «старшинство», не является ныне основанием для политического господства [«не разумеша правды

Божия исправить Ростовцы и Суздальци: *давнии творящися старейшии...*]. Бояре «не хотяху сотворити правды Божья, но «како нам любо, рекоша, такоже створим, Володимерь есть пригород наш...». Это стремление торгово-ремесленного стольного города к политической независимости от Ростова отнюдь не угрожало единству земли. Никаких сепаратистских тенденций мы не чувствуем в выступлениях горожан. Они дорожат целостью и силой Владимирского княжества, но основой этого единства и силы является не господство боярской олигархии, а сильная княжеская власть, поддерживаемая горожанами. Граждане молодого стольного города считают себя находящимися под защитой небесных сил: «Се бо Володимерци прославлени Богомь по всей земьли за их правду, Богови им помагающю». Всеволодов летописец не раз обращается к мысли о том, что даже в тяжелых испытаниях не следует предаваться унынию. В связи с этим он повторяет патетическую тираду «Начального свода»: «Да никто же дерзнет рещи, яко ненавидими Богомь есмы. Да не будет. Кого тако любить, яко же ны возлюбил есть и възнесл есть? Никого же...»³⁵

Этот рост политического веса и самосознания горожан и в особенности столичного посада Владимира приходил в противоречие с возрастающей силой княжеской власти, и мы можем наблюдать симптомы этого противоречия, трещину в союзе князя и города.

Мы видели бурное восстание владимирцев после разгрома рязанцев в 1177 г. Они были сторонниками крутых мер и искоренения самих инициаторов войны. На другой год в походе Всеволода на Торжок владимирская дружина вновь проявила эти же настроения. Всеволод не хотел брать города, назначив крупный откуп, но новгородцы не дали его. Тогда дружина сказала князю: «Мы не целовать их приехали; они, княже, Богови лжють и тебе», и с этими словами ударили на город, подвергли его беспощадному разграблению, а потом сожгли³⁶. Затем мы имеем смутное известие, что в связи с большим пожаром 1185 г. во Владимире произошло какое-то волнение – «на крестьянском роде страх, колебание и беда упространися». Это было, по признанию летописца, «пристраннее и страшнее», чем самый по-

жар³⁷. Как этот пожар 1185 г., так и второй большой пожар 1193 г. начались, по-видимому, из княжеско-епископской части: горел Успенский собор, а княжеский дворец едва отстояли. Можно думать, что это были не случайные бедствия, так как в 1194–1196 гг. Всеволод и епископ Иоанн воздвигают стену каменного детинца, наглухо закрывающую княжеско-епископские дворы около соборов от остальной городской территории. Единственные белокаменные боевые ворота служат входом в княжеско-епископскую резиденцию. После этого производится вторая серьезная операция, даты которой мы точно не знаем, беспокойный владимирский торг переводится со свободной клязьменской пристани за Волжскими воротами под горой Вознесенского монастыря внутрь среднего города, под непосредственный контроль Всеволодова детинца. Княжеская воля подавляет независимость горожан.

Есть основания думать, что и в упрочении своей личной власти Всеволод пошел по стопам Боголюбского, удалив из Владимирской земли его сына Георгия Андреевича.

Уже упоминавшийся Абул-Асан, рекомендовавший Георгия в мужа царицы Тамары, говорил, «он [Георгий], лишившись отца в юном возрасте, был изгнан дядей своим, называемым Савалт [Всеволод], и, бежав от него, находится теперь в городе кипчакского царя Сунджа». По предположению новейшего исследователя темной истории Георгия, он после убийства Андрея появился во Владимире, где, в противовес Михалке, его поддерживали «местные бояре». В этой связи Всеволод и счел за благо избавиться от опасного соперника. Георгий – правнук половецкого хана Аепы по матери Андрея – естественно нашел приют у кипчакского хана, который и резидировал его в городе Сундже на Северном Кавказе (в районе современного г. Грозного), где Георгий и пробыл с 1176 по 1185 г. Он был мужем Тамары с 1185 по 1188 г. Видимо, унаследовав воинский талант отца, Георгий совершил ряд удачных походов против сельджуков, взял город Двин. В надписи монастыря Санаин он назван «царем Георгием победителем». Изгнанный в результате дворцовых интриг из Грузии, он дважды пытался вернуть престол. Георгий умер около 1192 г. и был погребен, по-видимому, в Тбилиси, в

церкви, посвященной в честь Андрея Боголюбского Андрею Первозванному и имевшей второй престол – Георгия³⁸.

Так последний сын Андрея был оторван от Руси, освободив Всеволода от возможных политических осложнений и интриг.

Власть Всеволода окончательно сбрасывает с себя последние покровы княжеско-родового «старейшинства». Если Андрей, как мы видели, редко аргументировал им свои властные права, а Ростиславичи еще вменяли ему в смертный грех низведение их в «подручники», то власть Всеволода есть прямое и общепризнанное господство. В обращении к нему князей рядом с традиционным «отче», выражавшим теперь уже отношения сильного к слабому, появляется откровенное и внушительное «господин». «Ты – господин, ты – отец», – так обращаются к нему рязанские князья. К его силе апеллируют не как к отеческой опеке, но как к защите могучего владыки. Владимир галицкий, бежавший в 1190 г. из венгерского плена, нашел почетный прием при дворе германского императора Фридриха Барбароссы, который знал, что Владимир «есть сестричичь великому князю Всеволоду Суздальскому» (его мать Ольга была сестрой Всеволода). И вот этот родной в прямом, а не условном смысле князь обращается к Всеволоду так: «Отче господине, удержи Галичь подо мной, а яз Божий и твой есмь со всим Галичимь, а во твоей воле есмь всегда». Всеволод послал послов ко всем князьям и польскому королю и взял с них крестное целование не искать под Владимиром Галича: «и оттоле не бысть на нь никого же»³⁹.

Столь же недвусмысленно и прямолинейно решалась задача соединения в руках Всеволода меча власти и меча духовного. Всеволод даже не ставит вновь вопроса о самостоятельной митрополии или епископии для Владимира. Дело Федорца было слишком свежо, а преследование даже его памяти исключало возможность успешно возобновить раз проигранную игру. Всеволод понимал, что, расшатывая авторитет Киева и упрочивая общерусское значение Владимира и своей власти, он подрывает и силу сидевшего в Киеве митрополита. Мы видели, как в 1195 г. в конфликте Всеволода с Рюриком киевским о городах, отданных Роману, митрополит пошел на то, чтобы снять крестоцелование с Рюрика, лишь бы не вызвать гнев «старейшего»⁴⁰.

При таком положении вещей митрополит быстро сдался и в вопросе о назначении епископов во Владимирскую землю.

Когда в начале 80-х годов умер епископ Леон, столь присмиривший после смерти Андрея, что о нем ничего не было слышно, митрополит послал к Всеволоду Николу-гречина, который, по сведениям Всеволода, был поставлен «на мзде», т. е. за взятку. Всеволодов летописец, освещая этот сюжет и не без язвительности подражая стилю внесенного в летопись митрополичьего памфлета на владыку Федора, замечает, что «несть бо достойно наскакати на святительский чин на мзде», и далее, неожиданно переходя в наступление, формулирует право Всеволода и его «людей» на выбор епископа: «святительского сана» достоин лишь тот, кого «Бог позовет и святая Богородица, князь *всхочет и людье*». Эта последняя формула также не без яда и с большим полемическим мастерством развивает случайно оброненную памфлетом на епископа Федора мысль о том, что епископского сана достоин только тот, кого «позовет бог и благословят люди на земле». Всеволод выдвигал своего кандидата, «Луку, смиренного духом и кроткого игумена святаго Спаса на Берестовем». По свидетельству Ипатьевской летописи, Всеволод весьма прямо и резко заявил митрополиту: «Не избраша сего [т. е. Николая-грека] людье земле нашее, но же еси поставил ино камо тебе годно, тамо же и держи [т. е. если ты его поставил, так и держи его там, где хочешь], а мне постави Луку... митрополит же Микифор не хотяше поставити его, но неволею великого Всеволода и Святославлею, постави Луку епископом в Суздальскую землю», а Николая послал на епископство в Полоцк⁴¹. Преемник Луки, Всеволодов духовник Иоанн (1190 г.), был уже поставлен беспрекословно, а в 1198 г. Всеволод назначил епископа Павла и для своего Переяславля-Южного⁴².

Неудивительно, что при таких условиях еще дальше и откровеннее развивается владимирскими книжниками теория богоустановленности власти рода владимирских князей и прежде всего «великого Всеволода». С точки зрения летописца, князь Мстислав, пошедший в 1177 г. против Всеволода во главе боярских сил, заблуждался в своем «высокоумьи», забыв, что «Бог дает власть, ему же хошетъ; поставляет бо цесаря и князя Выш-

ний. Аще кая земля управится пред Богомъ, поставляет ей князя праведна, любяща суд и правду; аще бо князи правдивы бывають, то много отдается согрешенья земли той поне [же] то [т. е. князь] есть глава земли». Эта мысль еще более развивается в полной цитат из «Псалтыри» и апостолов сентенции о посылке Всеволодом его старшего сына Константина на княжение в Новгород: «Власти мирская от Бога вчинены суть; но власти боящися, да зла не створим, да не от них паки и муку приимем; и того ради глаголетъ: Богу слуга есть, мстя злодеем; хощеша ли ся власти не бояти, злаго не твори и похвалить тя, аще ли зло творишь, бойся, не бо без ума меч носить». По словам этого повествования, Всеволод совершил над Константином обряд инвеституры, дав меч и крест и сказав, что на нем, Константине, – «Бог положил старейшинство [не только] в братьи твоей, но и во всей Русской земли». И далее, описывая сцену вокняжения Константина в Новгороде, летописец снова цитирует пророка: «Боже! Суд твой цареви дажь, и правду твою сыну цареви, судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд; тако и Господь рече: цари стран владуть ими и князи обладають ими: суть си ангели нарецаемии Господьства ...»⁴³ Так то, что при Андрее вылилось в легендарном рассказе о равноправии Боголюбского с кесарем Мануилом, при Всеволоде получило законченные и откровенные формы; князь – царь, «цесарь», он приравнен к «ангельскому чину».

На фоне этой церковно-политической теории особенный интерес представляет большая икона XII в. из собора в г. Дмитрове, изображающая патрона Всеволода Димитрия Солунского. Димитрий сидит на престоле, обнажая лежащий на коленях меч. Это как бы отклик живописца на тему о княжеской власти и ее карающем мече, развитую летописцем. На спинке трона помещен родовой знак Всеволода III, что дало некоторым исследователям основание видеть в облике солунского святого воина портрет самого Всеволода⁴⁴.

В этой же связи понятно повышение того церковно-поучительного тона владимирского летописания, которое по-прежнему было полно «свидетельств» о нарочитом «покровительстве неба» делу Всеволода. Мы уже говорили, что владимирское ду-

ховенство продолжало накапливать новые рассказы о «чудесах» Владимирской иконы. Таков, например, полный глубокого символизма и политической остроты рассказ о том, как в походе 1177 г. против Мстислава Всеволодовым полкам якобы явилось «видение» Владимирской иконы и стоящего «аки на воздухе» града Владимира и как воины, видевшие это, закричали Всеволоду: «Княже прав еси – поеди противу ему!..»⁴⁵. Всеволоду теперь было гораздо проще провести и канонизацию Леонтия ростовского, которой безуспешно хотел добиться Боголюбский. В 1190 г. епископ Иоанн установил праздник памяти Леонтия, т. е. его канонизация была признана церковью⁴⁶.

Сознание непререкаемости авторитета владимирского князя и могущества его земли, возросшие богатства столицы князя и церкви дали новую почву для пышного расцвета искусства и культуры⁴⁷. Строительство Всеволода и епископа Иоанна опирается на своих владимирских мастеров, вышедших из школы Андрея. Летописец отметил удивившее его разделение труда: среди них были уже специалисты по изготовлению свинцовых плит для кровли храма, кровельщики, штукатуры. Летописец также с гордостью отмечал, что при Всеволоде уже «не искали мастеров от немец [т. е. иноземцев]», но они уже были в числе княжеских и церковных людей.

Строительство князя и епископа почти целиком посвящено Владимиру. В представлении Всеволодова летописца этот «стол отень и дедень» – столица еще со времен Мономаха! Князь и его зодчие завершают начатое Андреем украшение города, они ведут эту работу последовательно и уверенно. В 1185–1189 гг. был обстроен и расширен погоревший Успенский собор, затем Всеволод создал свой дворец и его Димитриевский собор, убранный резным камнем (1193–1197 гг.). За этим последовало сооружение стен детинца с богатой епископской церковью над воротами (1194–1196 гг.), постройка придворного мужского Рождественского (1192–1195 гг.) и женского «княгинина» Успенского (1201 г.) монастырей. Детище Боголюбского – стольный Владимир стал действительно красивейшим среди русских феодальных столиц XII в., городом многочисленных прекрасных зданий.

Владимирские мастера блещут в этих постройках своим растущим художественным мастерством. В обстройке Успенского собора они успешно разрешили крайне сложную техническую и архитектурную задачу, слив в единое целое храм Андрея с новыми стенами и создав, по существу, новый, более обширный прекрасный храм, великолепно выразивший идею торжества и царственного спокойствия, столь характерную для времени могучего Всеволода.

В княжеском дворце и его величавом Димитриевском соборе зодчие с расточительным великолепием применили декоративную скульптуру, превратив камень как бы в пышную и тяжеловесную узорчатую ткань, одевающую фасады. Здесь резчики блеснули огромным запасом мотивов и орнаментов, почерпнутых из прикладного искусства Руси, Балкан, Кавказа и Западной Европы, воплотив на стенах храма сказочный мир чудовищ и святых, зверей и ангелов, растений и мифологических сюжетов. На северной стене Димитриевского собора, обращенной к городу, Всеволод приказал поместить свой скульптурный семейный портрет. Он был изображен сидящим на престоле в торжественном княжеском уборе с новорожденным (в 1194 г.) сыном Владимиром на руках; по сторонам отца были изображены остальные четыре сына Всеволода: Константин, Борис, Георгий и Ярослав. Портрет великого князя и его наследников был включен в убор храма наряду с изображениями святых и библейского царя Давида⁴⁸.

Рядом с этим светским стремлением к роскошному декоративному убранству здания в эпоху Всеволода развивается церковное течение в архитектуре, отрицающее полную сказочно-языческих переживаний скульптуру и требующее суровой, монашеской строгости облика храмов; таким был собор придворного Рождественского монастыря.

Все это показывает, насколько интенсивно и плодотворно продолжала развиваться архитектура Владимира, разбуженная бурным строительством Боголюбского. Мы видим, как растет и ширится и материальная основа этого расцвета – культура ремесленников и мастеров. Они возрождают забытую выделку кирпича и технику кирпичной постройки, изготавливают уже не

плитки, но майоликовую мозаику для полов храмов. Резчики по камню в совершенстве владеют своим художественным ремеслом, внося различные манеры в ансамбль резного убранства Димитриевского собора. Рядом с великим художником-греком, расписывающим фреской этот храм, мы видим русского мастера-живописца, с успехом осваивающего и эту сложную отрасль монументального искусства. Русские живописцы украсили фресками старую Борисо-Глебскую церковь в имении Долгорукого Кидекше под Суздаlem, использовав для росписи какие-то древние «образцы».

Художественная культура Владимирской земли развивается особенно ярко потому, что, следом за общерусским размахом политического кругозора Всеволода, и владимирские мастера не замыкают своих интересов в границах своей земли, но используют художественный и технический опыт зодчих других областей Руси, например Чернигова и Рязани, приходят в соприкосновение с культурными центрами Кавказа, Чехии и Балкан.

Важнейшей чертой владимирской культуры при Всеволоде является дальнейшее расширение в ней светских элементов, связанное как с взаимоотношением князя и церкви, так и с ростом городской культуры. Эта светская струя в архитектуре сверкает особым блеском в пышной и литературно-сложной декорации Димитриевского собора. Примечательно, что и для его росписи был избран гениальный византиец, творчество которого в полной мере сохраняло эллинистические элементы византийской живописи, интерес к выразительной индивидуально-психологической характеристике человеческого образа и живой красоте земного мира.

Даже летописный труд 1178–1193 гг. и составление нового, летописного свода 1193 г., осуществляемые каким-то духовным лицом, проникаются интересом к светским делам княжеской власти и семьи Всеволода⁴⁹.

Всеволод умер в 1212 г., напутствуемый торжественным и скорбным некрологом летописца. Он был положен в белокаменной гробнице в северном приделе расширенного и украшенного им Успенского собора. Туда же перенесли саркофаг Боголюб-

ского, поставив его напротив гробницы брата в глубоком арко-солии в стене галереи. Так останки обоих строителей могущества Владимирской земли, столь тесно сомкнувших свой труд, легли и по смерти рядом.

XI. НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ

Правление наследников Всеволода обычно рассматривается как закат могущества Владимирской земли, время распада державы Боголюбского и Всеволода под давлением тех центростремительных внутренних и внешних сил, с которыми вели неустанную борьбу эти «владимирские самовластцы». Однако этот период характеризуется также и упорной борьбой за государственные идеалы Боголюбского и Всеволода, и, с этой точки зрения, время Всеволодовых преемников представляет для нас большой интерес. В это время владимирская великокняжеская политика дает также и весьма существенные для последующих столетий результаты.

За год перед своей кончиной, в 1211 г., Всеволод, собрав своих сыновей, сделал распоряжение относительно престолонаследия. Он отдавал старшему, Константину, Ростов, а Юрию – Владимир. Однако Константин упорно отказывался от такого распределения, полагая, что нужно держать в одних руках и старый центр земли, и его новую столицу. Он понимал, что Владимир теперь был действительно центром княжества и властной общерусской политики, его желанием и было, по-видимому, стать единовластным владимирским князем. Но за его спиной стояли и интересы ростовских бояр, мечтавших о реставрации приоритета Ростова; с этими тенденциями Константин также должен был считаться. Поэтому он возражал отцу, «хотяше Володимеря к Ростову». Это был опасный вариант, – он вдохновлял ретроградные мечтания ростовской боярской знати и угрожал горожанам Владимира и младших городов возвратом режима боярской олигархии. Всеволод, прекрасно понимая всю сложность создавшегося положения, решился на смелый шаг. Он со-

звал представителей всех городов, и в их числе Владимира и Переславля, на поддержку которых он рассчитывал в своем новом решении передать старейшинство Юрию. И действительно, оно было принято: «и целоваша вси людие на Юрии; приказа же ему и братью свою». Это была крупная дипломатическая победа, вновь выдвигавшая на первое место союз князя и горожан, победа владимирцев и переславцев над ростовцами. Но это же событие стало завязкой раскола земли и власти: «Константин же, слышав то, воздвиже брови своя со гневом на братию свою, паче же на Георгия». И сразу же по вокняжении Юрия Константин «нача рать замышляти на Георгия, хотя под ним взяти Володимерь»¹.

В надвигавшейся усобице между братьями ростовское боярство, вдохновлявшее политику Константина, решительно подняло голову. Оживилась и старая союзница Ростова – Рязань. Готовясь к неизбежной борьбе с братом, Юрий прежде всего отпускает содержавшихся в плену рязанских князей, рассчитывая купить этим их нейтралитет. Во Владимирской земле идет лихорадочная перегруппировка общественных сил: «Много волнение и смущение бысть о сем, и многие людие сюду и сюду отъезжаху мятушеся». Вслед за размежеванием основных феодальных групп между Константином и Юрием разделяются и их братья; на стороне Юрия остается лишь Ярослав, сидевший в Переславле-Залесском.

В 1212 и 1213 гг. Юрий ходил со своими полками на Ростов, но до битвы дело не доходило: их споры разрешались соглашениями неизменно в пользу Юрия. В ожидании лучших времен для решительного выступления Константин всячески благоустраивал и украшал Ростов: он вновь заложил упавший Успенский собор (1213 г.), построил храм Бориса и Глеба на своем ростовском дворе (1214 г.), храм Успенья на своем дворе в Ярославле (1215 г.) и собор Спасского ярославского монастыря (1216 г.). В 1214 г. он поставил в ростовские епископы своего духовника игумена Пахомия, а затем Кирилла, тогда как Юрий во Владимире поставил в епископы «Суздаю и Володимерю» игумена Рождественского монастыря Симона. Таким образом уже через два года по смерти Всеволода III нарушилось и цер-

ковное единство земли: «и оттоле разделися, нача быти в Ростове епископ, а в Володимери и Суздале другой...»²

В эту внутреннюю борьбу вклинились внешние осложнения. Ярослав Всеволодович, сменивший в Новгороде ушедшего в 1215 г. Мстислава, своими крутыми действиями сразу показал, что он намерен снова подчинять Новгород владимирской власти. Он не пошел в Новгород; но сел в Торжке, запер торговые пути, задерживая новгородских послов. Вернувшийся Мстислав предложил Ярославу покинуть Торжок и отпустить новгородских людей, но тот ответил новыми репрессиями. Знаменитая фраза Мстислава перед походом на Ярослава: «Да не будет Новый Търг Новгородом, ни Новгород Торжькомъ, кѣде святая София ту Новгород...» по-видимому, метко схватывала смысл политики Ярослава. Он не хотел сидеть в Новгороде в неприятной атмосфере борьбы новгородских партий: «виде, яко не твердо ему хоцетъ быти сидение, и иде в Торжок...». Торжок был важнейшим узлом восточной торговли Новгорода, соперничавшим с ним и уже имевшим свои особые интересы. Сидя в нем он мог в любой момент взять за горло Новгород, прервав его снабжение низовым хлебом. Силой и лаской Ярослав стремился доказать новгородскому торговому миру всю невыгоду борьбы с ним и преимущества соединения Владимирской и Новгородской земель под властью владимирских князей. Это логически вытекало из всей политики Боголюбского и Всеволода. Выдвигая Торжок перед Новгородом, Ярослав, может быть, оглядывался на опыт Андрея, противопоставившего боярскому Ростову Владимир³.

Мстислав прекрасно знал кипевшую внутри Владимирской земли борьбу и что там «есть у наю [нас] третий друг» – ростовский князь Константин и ростовское боярство. Он пошел в Залесье с новгородскими, смоленскими и псковскими полками и соединился с Константином. Попытка отколоть от Ярослава Юрия предложением сепаратного мира встретила гордый отказ. Соединение сил Новгорода и Ростова определило решающий перевес союзников над силами Ярослава и Юрия в знаменитой Липицкой битве под Юрьевом (1216 г.). Как и во времена походов Всеволода, в ростовских рядах стояла боярская знать;

Юрий дал своим воинам специальное приказание избивать эту часть противника: «аще и златом шито будет оплечье, то убий его... да не оставим ни одинова жива...». Владимирско-переславские полки, как и при Боголюбском, отличались своим демократическим составом: здесь во главе сил были владимирцы и переславцы, а также «множество собрано и поселян пешцов»; по словам летописи, «вышли вси володимерци на бой, и до купца и до пашенного человека». В связи с этим летописец удивленно отметил: «Се же дивно бе: пойдоша дети на отцов и отцы на детей, и братия на братию и раби на господинов...». На Липицком поле вновь встретились силы феодального дробления земли и силы ее единения вокруг стольного Владимира и его могучего князя⁴.

Юрий, и его братья были уверены в превосходстве своих сил. На мирные предложения Мстислава Ярослав ответил: «Мира не хочю: вы далеко зашли и вышли как рыба на берег», а Константину сказали; «пересиль нас, тогда получишь всю нашу землю». Совет одного из бояр пойти на мир не понравился князьям. Они одобрили заносчивую речь другого Юрьева боярина, что шикто, входивший ратью в сильную землю Суздальскую, не вышел из нее целым, хотя бы это была рать всей «Русской земли», войска же Мстислава и его союзников можно просто закидать седлами. Воскресенская летопись очень правдоподобно определяет этого «боярина» как «младоумного», т. е. принадлежавшего к новой княжеской молодой знати. Перед боем Юрий с братьями уже договорились о разделе Руси: Ярославу отдавали Новгород, Святославу – Смоленск; Владимирскую и Ростовскую землю вместе с Галицкой землей Юрий брал себе, а Киев как третьестепенный город отдавали черниговским князьям. Этот предварительный дележ Руси ясно показывает, как смотрели на расклад русских сил владимирские князья. Юрий явно считал свою Владимирскую землю общерусским центром и присоединял к нему вторую столь же сильную Галицкую землю, которая также уже шла по пути усиления великокняжеской власти, опиравшейся на энергию богатых и многочисленных городов. Это не было пустой самонадеянностью и хвастовством, – это были взгляды, органически вытекавшие из всей политики

Боголюбского и Всеволода. Это была программа нового этапа их объединительной работы: в руках владимирской династии должна была объединиться почти вся Русь; только уже лишенный всякого интереса Киев Всеволодовичи уступали черниговскому роду⁵.

Однако Липицкая битва была проиграна Юрием и Ярославом, они бежали в свои города, а затем Константин вошел во Владимир. По ряду с Юрием Ростов оставался без князя, владимирский «старейший стол» занимал Константин, а Юрий сначала был удален в Городец, а потом сел в Суздале, чтобы по смерти брата перейти во Владимир. Константин думал продолжать обстройку Владимира, и характерно, что единственная постройка, созданная им, была церковь Воздвиженья *на торгу* (1218 г.), – князь подчеркивал этим свое уважение к торговому люду и горожанам Владимира. В том же 1218 г. Константин умер, оплакиваемый боярами, «яко заступник земли их», и владимирский стол занял Юрий.

В перипетиях борьбы между братьями мы наблюдаем, как обособляются внутри Владимирской земли будущие уделы и как борьба идет не только вокруг Владимира и Ростова, но и за обладание сравнительно незначительными городами княжества. Незадолго до своей смерти в 1218 г. Константин сажает в Ростове сына своего Василька, а Всеволода в Ярославле; с Ростовом связан и далекий Устюг; во владениях Юрия остаются Владимир и Суздаль с Москвой и городами Поволжья и Заволжья – Костромой и Солигаличем; Ярослав, владеющий Переславлем, держит Дмитров, Зубцов, Тверь, Коснятин и Нерехту; Юрьев-Польский становится уделом Святослава Всеволодовича. Даже маленький городок Стародуб Клязьменский становится «властью» Владимира Всеволодовича⁶.

Однако, по-видимому, над всеми спорами братьев и племянников в их сознании возвышался завет Всеволода: «и не мозет ратитися сами между собой, но аще на вас встанеть кто [из] иных князей, то вы вси, совокупившеся, на них будите... и потом[у] и аз благословляю вы...». Поэтому Юрий довольно быстро смог восстановить свой авторитет, и его верховную власть признавали его братья и племянники. Этому единодушию князей осо-

бенно помогал епископ Митрофан. Так, например, при его участии в 1229 г. была потушена ссора Юрия с Ярославом и племянниками, возникшая благодаря «некихх лъсти» против Юрия. Владимирская церковь блюла княжеский стол от покушения на его авторитет⁷.

Юрию удалось восстановить и приоритет владимирского епископа, ослабленный разделением епископий при Константине. Предчувствуя усобицу после ряда Всеволода, владимирский епископ Иоанн, державший сторону Юрия, счел за благо покинуть кафедру. Недолгая победа Константина сказалась и на судьбах владимирской епископии – епископ Симон, заменивший Иоанна, удалялся вместе с побежденным Юрием в изгнание в волжский Городец. С вокняжением Юрия обстановка переменилась; владимирской епископии содействовал и сам митрополит Кирилл. начавший после поражения на Калке чувствовать неуверенность в будущем захиревшего Киева. В 1226 г. он приехал к Юрию Всеволодовичу во Владимир, долго гостил у него и здесь в 1227 г. впервые во владимирском Успенском соборе им была совершена церемония посвящения в епископы Владимиру, Суздалю и Переславлю Митрофана. До этого, в 1218 г., митрополит утвердил на новгородской кафедре изгнанного новгородцами еще при Всеволоде владимирского ставленника Митрофана. Неизвестно, по каким мотивам в 1229 г. князь Ярослав осудил ростовского епископа Кирилла I на лишение всех его богатств, и Кирилл покинул кафедру. А в 1230 г. ростовские князья обращаются к нему и Юрию Всеволодовичу за разрешением поставить в ростовские епископы игумена владимирского Рождественского монастыря Кирилла II. Санкция владимирского князя и епископа была достаточной, чтобы Кирилл был введен на епископию, а на другой год его с необычайной pompой посвятил киевский митрополит, а печерские монахи отметили это событие пышным пиром. Митрополит Кирилл вместе с черниговским епископом Порфирием и берестовским игуменом посетил Владимир и в 1230 г., предотвращая войну между Михаилом черниговским и Ярославом Всеволодовичем. Их миссия завершилась успешно, и Юрий с Ярославом дали высоким послам «многое учреждение» и отпустили их⁸. «Новое могу-

щественное значение Северной Руси, – замечает по этому поводу С. М. Соловьев, – уже не в первый раз заставляет митрополитов отправляться туда и стараться, чтобы обе половины Руси были в политическом единении, которое условливало и единение церковное»⁹. То, что митрополит всяя Руси сначала присматривался к северу, навещая Юрия Всеволодовича, затем, после монгольского нашествия, подолгу жил во Владимире, а потом и окончательно перешел сюда, чтобы вскоре перенести свой престол в Москву, есть, по существу, процесс осуществления старой идеи Боголюбского о создании митрополии на севере. То, что история работала на пользу этой идеи, еще ярче свидетельствует о глубокой политической мудрости ее первого поборника – Андрея.

Вернемся, однако, к Новгороду, который снова, как и в 1209 г., казалось, брал решительный верх. Но здесь мы вновь видим уже знакомую картину: Липецкая битва не освободила Новгорода от владимирской власти и прежде всего потому, что «суздальская партия» не исчезла, а тем более не исчезла жизненная для владимирских князей необходимость борьбы за Новгород. Следя за событиями в Новгороде со смерти Всеволода Большое Гнездо и до монгольского завоевания, мы видим, что ни одна династия не могла спорить с явным перевесом в Новгороде владимирских Всеволодовичей. Мы упоминали об истории поставления на новгородскую кафедру владимирского ставленника Митрофана – это было фактом большого политического значения. Еще более показательны, что колеблемый партийной борьбой новгородский стол оказывался чаще всего в руках владимирских князей – за двадцать лет его семь раз занимают Ярослав, его племянник Всеволод Юрьевич, сыновья Александр и Федор. Их приводило на новгородский стол неизменно приглашение самих новгородцев, т. е. «суздальская партия» чаще и чаще получала перевес. Летописец с удивлением отмечал под 1231 г.: «Се уже пятое сидение Ярославле в Новгороде!». Появления Ярослава в Новгороде сопровождалось репрессиями противников: в борьбе с соперниками Ярослав хватал и морил в погребках новгородских купцов, перерезал новгородские торговые пути, а однажды и сам Юрий владимирский привел полки к Тор-

жку и грозил напоить коней водой Волхова. Видимо, как и при Всеволоде, владимирское господство в Новгороде нарушало старые порядки, и князь вводил свои, новые, организовал новые поборы, слал своих судей по волостям и т. п. Ярослав упорно и едва ли не с большим успехом, чем его отец Всеволод, шел к созданию «великого княжения Владимирского и Великого Новгорода», как позднее называли летописцы эту политическую комбинацию. Однако Ярослав выступает в Новгороде «в двойственной, с точки зрения новгородцев, роли: крутого борца за силу княжеской власти против роста новгородской вольности и крупного деятеля в борьбе с западными врагами и в покорении финских племен. Для суздальского князя тут, очевидно, никакой двойственности не было: он вел свою, не новгородскую политику...»¹⁰

Действительно, в новгородской деятельности Ярослава обращают на себя внимание не только упорство в борьбе и мертвая хватка, с какой он борется за приоритет владимирских князей. Едва ли не более интересны его военные мероприятия по обороне Новгородской земли от немцев, литвы и чуди, являющиеся как бы прологом к победам его великого сына, Александра Ярославича Невского. Это дело входило в круг забот и самого Юрия. В 1222 г. он посылал владимирские войска под предводительством брата Святослава в помощь новгородскому походу на Кесь (Венден). В 1223 г. Ярослав успешно воевал в Ливонии в направлении Колывани (Таллина); в 1225 г. он без поддержки новгородцев, с одними новоторжцами и торопчанами громил литовцев, совершивших губительный набег на Торжок и торопецкие волости. В этом походе в составе полка Ярослава назван и «княж двор», напоминающий нам о «дворянах» Андрея Боголюбского. В 1227–1228 гг. Ярослав совершил успешный поход на Емь, «где же ни един от князь Руских не взможе бывать», и крестил корел – «мало не все люди». В том же 1228 г. Ярослав задумал поход на Ригу и уже привел свои переславские полки, но новгородцы и псковичи не поддержали его намерения. В 1232 г. Ярославу пришлось ликвидировать выступление враждебной ему новгородской партии, вступившей в союз с немцами и захватившей Изборск. Только в 1234 г. состоялся поход

на немцев, закончившийся их разгромом: «и поклонишася немьци князю Ярославу»¹¹. Как предполагает С. М. Соловьев, Ярослав установил ту знаменитую дань с Юрьева, которая послужила позже Иоанну Грозному поводом, чтобы лишить независимости Ливонию¹². В том же 1234 г. Ярослав нанес новый ответный удар литовцам. И даже в тяжелый 1239 г., когда Владимирская земля была испепелена и обезлюжена монголами, Ярослав нашел силы, чтобы броситься к Смоленску и там отбить литовский удар¹³. Это – год, когда его сын Александр уже строил свою знаменитую крепость на Шелони, это – канун Невской битвы.

Вся эта цепь фактов показывает, что при Юрии и Ярославе новгородская политика владимирских князей была направлена не только на борьбу за расширение, установление господства. По сравнению с временем Боголюбского и Всеволода эта политика приобретала новый характер: господство в Новгороде было условием обороны *русской* западной границы и активных ответных ударов по врагам Руси.

В смысле организации этой *национальной* борьбы Ярослав подготавливает блестящие успехи военного гения Александра Невского, а своей крутой политикой и жестокими репрессиями он как бы предвещает удары Иванов III и IV, которые тремя столетиями позже сломят «новгородскую вольность». И Всеволод III, и его сын Ярослав широко пользовались в своей борьбе за власть похожими на позднейшие средствами, как вывод населения городов в свои земли и др. Все это позволяет думать, что и глубокий раскол в самом Новгороде в известной мере напоминал ожесточенную борьбу партий конца XV в.

Социальное лицо «суздальской партии» определяет участие в посольстве 1215 г., звавшем Ярослава в Новгород, десяти старейших новгородских купцов. Поддерживавшая владимирских князей «суздальская партия» была, очевидно, прогрессивной и серьезной силой, силой людей, понимавших, подобно владимирским горожанам и купцам, «новую правду» национальных идей и видевших ее сквозь акты насилий и репрессий Ярослава¹⁴. Таким образом, прочно или нет, но в отношении Новгорода владимирские князья добивались реализации политическо-

го плана, задуманного персд Липецкой битвой, – Ярослав был наиболее частым хозяином новгородского стола. Что касается Смоленска, то в 1239 г. там, после отпора Литве, Ярослав посадил своего шурина князя Всеволода.

Киев и вообще южные дела почти не привлекали внимания наследников Всеволода. Юрий Всеволодович не участвовал в обороне юга. Отмечая, что на совете князей в Киеве по поводу похода на татар (1224 г.) были «все старейшины в Русской земле», южный летописец подчеркивал: «Юрия же князя великого Суздальского не бы [сть] в том совете». Посланный им на помощь Василько намеренно или ненамеренно опоздал и вернулся от Чернигова¹⁵. Юрий в 1226 г. вмешался в борьбу между Михаилом черниговским и Олегом курским по вопросу о замещении черниговского стола; силой и посредничеством он добился их примирения, получив снова возможность располагать Переяславлем-Южным. Но вскоре столкновение Ярослава Всеволодовича с Михаилом из-за Новгорода вызвало поход Ярослава на черниговские волости, остановленный лишь вмешательством митрополита¹⁶. Владимирская династия завязывала брачные узы в Киеве, Чернигове и Галиче: сам Юрий был женат на дочери Всеволода Чермного, теперь Василько ростовский женился на дочери Михаила черниговского, сын Юрия Всеволод – на дочери Владимира Рюриковича киевского, Василько Романович волынский – на дочери Юрия Всеволодовича Елене.

Мы не знаем точно мотивов, по которым в 1236 г., уже тогда когда татарские полчища входили в пределы Болгарской земли, Ярослав Всеволодович пошел с новгородскими полками к Киеву и без сопротивления занял его. Но он не долго остался там, «не могы его держати, иде паки Суждалю». Это было, по-видимому, уже в 1238 г., когда великий князь владимирский Юрий пал в битве на Сити и его стол должен был занять Ярослав¹⁷. Он первым поехал к хану и получил от него старейшинство над всеми князьями «в Русском языке»; по-видимому, ему был дан и Киев, где еще в 1246 г. сидел его наместник. По смерти Ярослава его сын Александр Невский также получил ханский ярлык на Киев и всю Русскую землю (1249 г.)¹⁸. Как на севере – в Новгороде, так и на юге – в Киеве деятельность Ярослава подготавливала путь

для Александра. Через Ярослава, Юрия и Всеволода III Невский был прямым и достойным наследником Боголюбского.

Так шла борьба владимирских князей за политическое наследство Андрея и Всеволода в двух важнейших направлениях – Новгород и Киев. Она стала сложнее и прерывистей, так как ее основой являлось теперь не монолитное княжество, выкованное Всеволодом, но союз его сыновей и внуков. Сложней и тревожней были и международные отношения Руси, на границах которой уже шли бои с немцами и другими западными захватчиками, а с востока нависала черная туча монгольских полчищ. Как раз в это время и разворачивается особенно энергичное движение Владимирской Руси на восток, борьба с болгарами и мордвой, завещанная Долгоруким и Боголюбским.

В 1220 г. в ответ на нападение болгар в 1219 г. на Устюг и Унжу был организован крупный поход ростовских, переславских, владимирских, устюжских и муромских полков под начальством брата князя Юрия – Святослава. Войска собрались на устье Оки, осадили и уничтожили город Ошель, а ростовский отряд, опустошивший города и села по Каме, возвратился домой «со многим полоном и корыстью великою». Затем сам Юрий начал большой поход и выдвинул свои войска на Волгу; после трехкратного посольства болгар Юрий дал им мир, поставивший болгар в зависимость от Юрия: в Болгары были посланы его мужи «водить в роту князей их и земли их по их закону»¹⁹. По-видимому, борьба на Волге, предшествующая основанию Нижнего Новгорода, была весьма ожесточенной. В 1221 г. Ярославль стал жертвой большого пожара²⁰; мы не знаем, было это случайным совпадением или пожар был делом болгар или Юрия, возможно, хотевшего сделать Нижний единственным крупным центром на Волге и не сочувствовавшего усилению городов наследников Константина. Так или иначе, в 1221 г. на горах Окского устья вырастает «второй Новгород» – «Новгород Нижний». Он закрыл выход на Волгу от Рязани и положил начало тому гигантскому пути русского народа на восток, который через столетия приведет Россию на берега Тихого океана. В XIII же в. этот путь прокладывали походы на мордву 1226, 1228 и 1232 гг. В них участвовали ростовские, владимирские, рязанс-

кие и муромские полки. Из сведений о походе 1228 г. мы узнаем, что Юрию удалось привлечь на свою сторону часть мордвы, подвластной племенному вождю Пурешу. Другая часть мордвы, возглавляемая Пургасом, держалась болгарской стороны. Когда Пургас совершил налет на Нижний Новгород, Пуреш ответным ударом своих и половецких сил разгромил Пургаса²¹.

Во всех этих операциях мы ясно ощущаем авторитет великого князя владимирского, которому подчинены военные силы русского севера. Рязанское княжество, подавленное рукой Всеволода, не могло собраться на новое сопротивление. Резня братьев, организованная рязанским князем Глебом, сократив число членов династии, не усилила единства и независимости княжества. Ингварь при поддержке Юрия Всеволодовича одолел братоубийцу и утвердился на рязанском столе²².

Интересно, что в этот последний период борьбы с болгарями владимирский князь и епископ прибегли к испытанному еще Боголюбским средству. Если тогда в борьбе с Ростовом большую роль сыграло «открытие» Андреем и прославление «мощей» ростовского епископа Леонтия, то теперь был создан культ «замученного болгарями» христианского купца Авраамия. Как предполагает Б. Д. Греков, этот купец был владимирским агентом, который доставлял Юрию нужные сведения и вел какую-то полезную для Юрия работу. Болгарское правительство казнило Авраамия, а Юрий доставил его останки во Владимир, где гроб «христового мученика Авраамия Нового» был торжественно встречен князем, епископом и людьми; новые «мощи» были водворены в соборе Успенского «княгинина» монастыря²³. Таким образом, восточная политика Юрия приобрела характер защиты православия и получила специальное «небесное покровительство».

Но уже в год убийства Авраамия в Болгарах из далеких прикаспийских степей докатывались тревожные вести о приближении монгол... Бежали половцы и болгарские охранные отряды с Яика...²⁴

Сведения ли о монголах, дошедшие до Западной Европы, или военная активность Ярослава Всеволодовича, направленная против Ливонии, обеспокоила Рим, но в 1231 г. папа Григорий IX обратился к «преславному королю Руси» Юрию Всево-

лодовичу с неожиданным предложением перейти в лоно католической церкви. Это едва ли могло встретить какой-либо отклик. Позднее, в грозные годы движения татар в 1235–1238 гг., в Нижний Новгород и Владимир попал венгерский доминиканец Иулиан. По его словам, «князь суздальский» изгнал из своей земли пришедших еще до него проповедников-доминиканцев. Иулиан сообщает также, что именно суздальский князь известил венгерского короля о планах монголов «на завоевание Рима и дальнейшего»²⁵. Таким образом, и теперь, как при Боголюбском и Всеволоде, Владимирская земля продолжала интересоваться Западной Европу, как крупная политическая сила.

Памятники культуры и искусства Владимирской земли XIII в. также не дают никаких оснований говорить, что творческие силы края были ослаблены его дроблением; напротив, строительство теперь охватывало новые центры, а его пути становились разнообразнее. Как раньше культура Киева была разнесена процессом феодального дробления в отдаленные области Руси, так теперь культуру стольного Владимира осваивали и развивали новые города северо-востока. Большая культурная работа шла в Ростове при епископском соборе и княжьем дворе. Князь Константин прославился как большой любитель книг и основатель первой школы на северо-востоке. Его наследник Василько «бе всему хытр и гораздо умея». Князь Святослав принимал близкое участие в украшении своего собора в Юрьеве-Польском, так что позднейшим летописцам казалось, что он «сам бе мастер». Епископ ростовский Кирилл I был так богат книгами, как ни один из его предшественников; сохранившиеся остатки этой библиотеки представляют торжественные, большого формата пергаментные рукописи, украшенные миниатюрами. Возобновилось и местное ростовское летописание, в котором преобладала церковная стихия²⁶.

Летописи сообщают о большом княжеско-епископском строительстве в Ростове и Ярославле²⁷. По техническим и художественным приемам оно было отлично от строительства мастеров Юрия и Святослава, работавших в Суздале, Нижнем Новгороде и Юрьеве-Польском и развивших до высокого совершенства белокаменное мастерство и декоративную резьбу.

В дошедших до нас соборах Суздаля (1222–1225 гг.) и Юрьева (1230–1234 гг.) запечатлен большой творческий прогресс русских зодчих, с дерзкой самостоятельностью переосмысливавших архитектурные приемы XII в., проявлявших неисчерпаемое богатство декоративной фантазии, в которой все сильнее звучали народные начала. В мотивах и стиле скульптурного убранства храмов мы видим еще большее обилие художественных «образцов» в виде предметов прикладного искусства, по-прежнему стекавшихся в княжеские сокровищницы и ризницы храмов с различных концов средневекового мира. В убор храмов входят образы русских сказок и легенд, церковные темы трактуются доступно для неграмотного зрителя. Внешний облик этих храмов разительным образом отличается декоративным богатством и нарядностью внутреннего убранства от тех строгих образцов византийско-киевской архитектуры, которым следовали столетием раньше, во времена Мономаха. За истекший век владимиросуздалское зодчество проделало большой путь и ушло далеко вперед. Подобно Андрею, князь Юрий не дорожил устаревшими реликвиями – его мастера снесли собор в Суздале, созданный прадедом Мономахом, и построили на его месте новый. Этот нарядный собор впервые принадлежал горожанам, для которых были расширены и хоры, а в росписи храма усилились цветистость и жизнерадостная узорочность. Писанные золотом медные врата Суздальского собора представляли собой своего рода наглядную церковную энциклопедию с обстоятельными текстами, которая трактовала о мироздании, важнейших праздниках и событиях церковной истории. Как эти врата утонченной роскошной техники, так и росписи храма, его архитектура и резной убор были целиком делом своих, владимиросуздалских художников, достойных и смелых продолжателей владимирского искусства эпохи Андрея.

О плодотворном развитии культуры при наследниках Всеволода с неменьшей яркостью свидетельствуют и литературные памятники.

Выходец из Киево-Печерского монастыря, владимирский епископ Симон (1214–1226 гг.), бывший уже в 1197 г. игуменом придворного Рождественского монастыря во Владимире и ду-

ховником великой княгини, своим посланием к печерскому монаху Поликарпу кладет начало обширному сборнику поучительных повествований о жизни и «подвигах» печерских иноков и об истории Печерского монастыря (Патерик). Они проникнуты религиозно-поэтическим чувством и интересом к чудесному и одновременно реалистичны, правдивы. Этими чертами Патерик напоминает андреевское «Сказание о чудесах Владимирской иконы». Рассказ об участии варяга Шимона и греков в сооружении Великой печерской церкви как бы дает историческое обоснование того пути, по которому шли Мономах и его потомки, сначала перенесшие на север плодотворные ростки киевской культуры, а затем построившие новый культурный мир, смело обращавшийся к Западу и свежим творческим силам народа. Киевлянин по происхождению и культуре, епископ Симон проникнут глубокой гордостью за свою новую родину и ее богатства. «Святительства нашего власть сам веси, – писал Симон Поликарпу. – Кто не весть мене, грешного епископа Симона и сиа съборныа церкви красоты Владимирьския и другие Суждальския церькви, юже сам създах. Колико имееа градов и сел, и десятину събирають по всей земли той! И тем всемь владееть наша худость...». И в этом отрывке нельзя не услышать чувств, созвучных «Слову» киевского митрополита Илариона, говорившего о широкой известности и славе Русской земли²⁸.

Но литература во время Симона не была уже монополией духовенства. Владимирский летописный свод, предпринятый по смерти Всеволода его сыном и наследником князем Юрием для прославления дел Андрея и Всеволода, составлялся уже светским писателем, возможно, принадлежавшим к числу придворных Юрия. Автор нового свода выступает как реформатор летописного языка, стремящийся устранить его архаизмы, сблизить его с живым языком, освободить изложение от излишнего обилия церковных сюжетов. Весьма вероятно, что эта «реформа» летописного языка, проведенная последовательно и глубоко, была осуществлена по указанию князя. Летописный текст становился более легким для рядового читателя. Свод был богато иллюстрирован владимирскими художниками, о рисунках

которых мы можем судить по их копиям в знаменитом Радзивилловском списке летописи конца XV в. Миниатюры были как бы живописным комментарием к тексту, оживлявшим его и облегчавшим усвоение; с особой любовью были иллюстрированы те сюжеты повествования, которые касались истории Владимирского княжества и подвигов владимирских князей Юрия, Андрея и Всеволода²⁹.

Из той же светской среды вышла новая редакция неоднократно цитированного выше выдающегося произведения древнерусской литературы XII–XIII вв. «Послания Даниила Заточника», адресованная, по-видимому, переславль-залесскому князю Ярославу Всеволодовичу, отцу Александра Невского. Автор – выходец из тех кругов мелких княжеских дружинников, которые выступили на политическую сцену под именем дворян при Боголюбском. Автор убеждает князя в необходимости подобных Даниилу мудрых и начитанных советников, которые напоминают нам и окружение Андрея, состоявшее из отроков и детских. Действительно, автор блещет своей начитанностью, уснащая послание многочисленными притчами и образами, заимствованными из церковной литературы, сборников и повестей, русской летописной истории, умело внося в текст народные пословицы и поговорки. Основной мыслью произведения является «страстная и убежденная защита человеческой личности и человеческого достоинства независимо от социального и имущественного положения и в то же время непоколебимая уверенность в том, что ценность человека и его право на внимание и уважение определяются прежде всего его интеллектуальными качествами. Ни в одном произведении предшествующего периода русской литературы личное начало не заявляется так энергично и настойчиво и так принципиально»...³⁰. И характерно, что эта апология личности и культуры рождается во Владимирской земле преемников Боголюбского. Автор выступает и как горячий защитник идеи могущественной княжеской власти, в ней он видит единственную силу, способную установить государственный порядок и социальную справедливость. Как дуб крепится множеством корней, так и город – державою князя; как кормчий – глава корабля, так и князь – глава своим

людям; полки без хорошего князя то же, что зверь без головы. В этих утверждениях мы видим дальнейшее развитие формулы «князь, город и люди», которая лежала в основе деятельности Боголюбского. Теперь ее литературное углубление и аргументацию берет из рук церковных писателей новый, светский человек из круга княжого «двора», княжий «дворянин», или «милостьник» («всякому дворянину имети честь и милость у князя»). Он и подчеркивает роль этой новой политической силы. Восхваляя князя, автор проникнут ненавистью к спесивому и жадному родовитому боярству и монашеству, как бы предвосхищая идеи дворянского публициста XVI в., сторонника самодержавия – Ивана Пересветова.

Все эти факты из истории Владимирской земли и ее культуры в XIII в. свидетельствуют о плодотворности того политического пути, по которому повел русский север Андрей и который с успехом продолжили его преемники. Невзирая на начавшееся дробление Владимирской державы, последняя продолжала оставаться огромной культурной силой русского народа. Лучшим показателем этого является стратегический план вождя монгольских орд Бату-хана. Готовя удар на Киев, откуда он намеревался идти через Галицкую Русь в Западную Европу, он должен был обезопасить свой тыл и отвести угрозу помощи югу с севера. Там были самые грозные силы сопротивления, которые в тяжелых боях 1237–1238 гг. обескровливали несметные полчища татар, пока трагическая борьба не завершилась разгромом полков Юрия Всеволодовича на кровавых берегах реки Сити. «Князья русского северо-востока сохранили единство своего «великого княжения», построенного на традиционной основе, до грозной години татарского нашествия; пережило оно и эту грозу»³¹.

ХІІ. СУД ПОТОМКОВ

Мы проследили судьбу культурного и политического наследия Боголюбского. В заключение мы должны снова вернуться к его личности и памяти о ней близких и дальних потомков.

Яркая фигура Андрея, решительность и новизна его политического строительства не могли не вызвать страстных откликов даже в среде его современников и людей ближайшего за деятельностью Боголюбского времени. Естественно также, что к Андрею нельзя было относиться безразлично, спокойно. Он имел либо друзей, либо врагов, и больше врагов, чем друзей, так как опережал свое время и вел опасную борьбу. Его сторонники и сподвижники были слишком молоды, чтобы сравняться с его врагами, так как в лагере врагов были и церковь с ее ученой культурой, и вообще феодальный мир Руси, располагавший достаточными средствами, чтобы исказить в памяти потомков дело Андрея.

Сразу же после убийства Андрея боголюбовская трагедия послужила темой для обстоятельной «Повести», сохранившейся в различных редакциях в составе Лаврентьевского и Ипатьевского списков летописи; содержание «Повести» по Ипатьевскому списку передано нами выше (гл. VIII). В основе этой версии «Повести» лежит полный живых чувств и реалистических подробностей рассказ ближайшего свидетеля этих событий – киевского попа Кузьмы (Кузьмища), плачи и диалоги которого с такой трогательной обстоятельностью переданы в «Повести». Неизвестно, кем был Кузьма и почему он попал из Киева в Боголюбово, был ли он киевским послом к Андрею от его «братьи» или прибыл с иными целями. Неизвестно также, был ли он сам автором «Повести» или же его колоритное и образное повество-

вание литературно оформлено и развито другим автором. Можно предполагать, что собственный рассказ Кузьмы не содержал житийных элементов и не стремился представить князя «святым мучеником». Однако в летописной киевской версии эта основа светского повествования была развита в сочинение почти агиографического облика. Но и в этом своем виде «Повесть» является одним из лучших произведений XII в. по силе и образности языка, волнующей лирике и трагизму повествования. Автор летописной «Повести», как и Кузьма, преданный Андрею человек, склонный видеть в князе праведника, почти «святого», равного «князьям-мученикам» Борису и Глебу. В тоне панегирика и выдержан весь рассказ, начинающийся с широкого освещения строительной деятельности Андрея. Он – создатель «второго Вышгорода» – Боголюбова и, подобный Соломону, щедрый строитель храмов в Боголюбове и Владимире. Автор как бы не может остановить потока своего красноречия, когда пытается изобразить эти прекрасные храмы, полные сокровищ – золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. Он признается, что все видевшие церковь в Боголюбове не могут передать словами ее «изрядные красоты». Столь же прекрасен собор Успения богородицы в окруженном могучими стенами Владимире, украшенном Золотыми и Серебряными воротами. И раньше, чем приступить к рассказу об обстоятельствах убийства, автор произносит пространную похвалу князю, звучащую, как молитва. Андрей любил «церковный чин» и духовенство, был милосерд и нищелюбив, правдив и мужествен, богомолен и украшен добродетелью, как Соломон; подобно «святому» предку Владимиру, он приказывал развозить по городу для нищих и больных «брашно и питье разноличное». А так как «всякий бо, держася добродетели, не может бо без многих враг быти», то Андрей и последовал судьбе Бориса и Глеба, приняв «венец мученичества». «Ты же, страстотерпче, – заканчивает автор вступительный панегирик, – молися ко всемогущему Богу о племени своем, и о сродницех, и о земле Русьской, дати миру мир...»

Далее следует самая повесть об убийстве, изложенная по рассказу Кузьмы и использованная нами выше (гл. VIII). Ее снова заключает моление к князю; он – «угодник» и «мученик», рав-

ный Борису и Глебу. Автор просит его: «Молися помиловать братью свою, да подасть им [бог] победу на противные и мирную державу и царство честно и многолетно...» Упоминание «братья» Андрея показывает, что «Повесть» была составлена еще до смерти Михалки в 1177 г. и до вокняжения Всеволода.

Уже в его время отношение к Андрею и событиям 1174 г. меняется. Другая версия «Повести» об убийстве Боголюбского, сохраненная Лаврентьевской летописью и появившаяся при Всеволоде III, устраняет или сокращает житийные элементы, хотя Андрей все еще очень определенно рисуется «страстотерпцем»: колоритные описания разгрома восставшими княжеского дворца и его слуг, рассказы о равнодушии духовенства, о поведении «злодеев»-заговорщиков – все это смягчено и сокращено; исчез и живой драматизм рассказа, нет упоминания о самом Кузьмище; его лирические и скорбные «причеты» сменились поучительной риторикой летописца¹.

Таковы были две версии «Повести» о смерти Андрея. Одна – патетическая, полная глубоких переживаний и безграничной любви к погибшему князю, веры в непогрешимость его жизненного пути, оправдания даже темных сторон его правления; другая – более холодная и сдержанная, приспособленная к стилю официального свода летописи, в котором начинал расти, затмевая окружающее, образ «великого Всеволода». Острота сцен убийства Андрея и боярское преступление в этой версии «Повести» покрывается полутьмой. Однако в обоих вариантах «Повести» образ Андрея глубоко положителен и высок.

Но в той же Ипатьевской, т. е. киевской, летописи, куда была внесена «Повесть», столь пламенно откликнувшаяся на смерть Андрея, а раньше – рассказы о его доблестных бранных подвигах на юге, которые мы уже излагали, сохранились сделанные еще при жизни Андрея записи, дающие совсем иную характеристику его облика. Таков в особенности цитированный нами рассказ о разрыве Андрея с Ростиславичами и о провале крупнейшего военного предприятия Андрея – карательного похода на юг двадцати князей. Андрей разгневался на Ростиславичей, «зане воли его не учиниша», и, подталкиваемый Ольговичами, задумал поход на них. Но раньше он посылает к ним Михна с

знаменитым требованием покинуть занятые столы и даже Русь. Это он делает, «исполнился высокоумья, разгордевся велми, надеяся плотной силе и множеством вой огородився, ражъгся гневом...». А по поводу посланной на юг рати летописец раздражается приведенной нами (гл. VIII) тирадой о том, что столь умный князь, распаясь гневом, стал заносчив, горд, а гордым противится сам бог. Мораль этой тирады ясна: раньше Андрей был и умен и доблестен во всех делах, а теперь он поддался «невоздержанию, хвале, гордости», иначе говоря, проявил стремление подчинить себе родичей, а это противно богу, который и наказал вскоре Андрея. В концовке же рассказа – о том, как Андрей «совокупил бо бяшетъ все земли и множеству вой не бяше числа, пришли бо бяху высокомысляще, а смиреннии отъидоша в дома своя» – слышна убийственная насмешка над позорным провалом организованного Андреем грандиозного похода. Любопытно, однако, что даже здесь, в этой наиболее отрицательной и саркастической характеристике Андрея, пристрастный к Ростиславичам летописец не может не отдать должного уму и доблести Андрея.

Мы видели и не будем здесь повторять, как владимирское летописание и церковная литература освещали его образ и оценивали его деятельность. Теория приоритета Владимира над Ростовом, перехода стольных прав от Киева к Владимиру, богоустановленности власти владимирских князей была идейной основой летописания. Эта теория не была, как мы видели, лишь желаемой перспективой или отвлеченной концепцией книжников. Она была программой политической работы Андрея и ее идейным обобщением.

Точно так же летописные и литературные труды позднейших столетий в Москве или Твери воспринимали эту традицию не как теорию, но как исторический факт и связывали работу «владимирских самовластцев» с деятельностью их преемников, князей – собирателей Руси и борцов за сильную великокняжескую, а затем и царскую власть. В конце XV в., в обстановке близившегося конца новгородской самостоятельности, всплыла память о борьбе Новгорода с наступлением Андрея Боголюбского, и новгородская осада 1169 г. стала символом борьбы нов-

городского боярства с Москвой, вызвав появление особого «Сказания» об этом событии и ряда изображавших его икон².

«Царственная Москва», созидающая в конце XV в. свой торжественный кремлевский ансамбль, оглядывается на «образцы» владимирского зодчества XII в. И характерно, что митрополит, определяя тип центрального храма объединенного Русского государства – московского Успенского собора, указывает на «образец» владимирского Успенского собора не в его существующем виде с обстройками Всеволода и пятью главами, а в том первоначальном одноглавом виде, каким его создали мастера Боголюбского. За величественными делами и строительством Всеволода III московские люди XV столетия не забывали действительного основоположника русского «самовластства»...

XV и XVI вв., жившие владимирским культурным и художественным наследием, модернизируя владимирских князей, изображали их как уже законченных «самодержцев». Мы видели, что в глазах московских литераторов XVI в., составлявших «Степенную книгу царского родословия», Боголюбский уже представлялся «владимирским самодержцем», которому были «подручни» киевские князья; преемника же Андрея, Всеволода III, «Степенная книга» именует «родочисленным царствия Руськаго наследником, истинным корнеплодотелем, первоначальствующим Руським самодержьем...»³. «Степенная книга» ввела в рассказ о кончине Боголюбского и народную легенду о казни Всеволодом III убийц Андрея, сочувственную памяти Боголюбского и осудительную по отношению к боярам Кучковичам.

Показательно в этом смысле, что и второе создание XVI в. – Никоновский летописный свод – наряду с интересом к преданиям богатырского эпоса, которые были введены в ткань его повествования, проявил исключительное внимание к деятельности Андрея. Причины этого интереса понятны после того, что было сделано в XV–XVI вв. для создания торжественной генеалогии московских царей, в которой владимирские самовластцы были важнейшим реальным звеном. Литераторов XVI в. особенно привлекала в истории Андрея его борьба с Византией за самостоятельность русской церкви, в связи с чем сводчик ввел в текст и обширные речи Андрея и пространную грамоту

патриарха Луки Хризверга, воспользовавшись какими-то, не дошедшими до нас источниками и развив их намеки в обстоятельные рассказы. Любопытно и то, что он сгладил черные краски в образе епископа Федора. Обстоятельность разработки истории епископа Федора и обилие конкретных подробностей заставляют, как говорилось, предполагать, что у редакторов Никоновского свода была в руках отдельная повесть об этом сюжете или копии с древних официальных документов, связанных с делом Федора и деятельностью Андрея. Андрей и Федор, открыто провозгласившие и осуществившие союз светской власти и церкви в борьбе за политическое единство Руси, были историческими фигурами большого и актуального интереса для русского самодержавия XVI в.

В середине XVI в. в монументальной росписи Золотой палаты царского дворца в Московском кремле Боголюбский был изображен в ближайшем соседстве с царским местом в ряду с Владимиром – «крестителем» Руси, Борисом и Глебом, Александром Невским, Василием III и самим Иваном Грозным. Именно в этой атмосфере повышенного интереса к памяти владимирских «прародителей» московских государей оживляется и забытая мысль «Повести» Кузьмы о «святости» Андрея: в первой половине XVI в. составляется предназначенный для церковного чтения рассказ о смерти Андрея, в котором он прямо назван «святым». Однако Андрей не был канонизован и не пользовался даже местным почитанием вплоть до конца XVII в.⁴

Представления XVI в. переходят в историографию следующего столетия. В кратком историческом пособии, составленном в конце 60-х годов XVII в. для царской семьи и государевых детей дьяком Федором Акимовичем Грибоедовым, характеристика владимирских князей дана в духе «Степенной книги». Дьяк Грибоедов «смотрел на действительность с высоты тех фикций, которые еще в XVI в. образовали теорию о «третьем Риме» и к его времени успели уже значительно обветшать после векового употребления»⁵. Здесь уже Юрий Долгорукий «господствует» «в богоспасаемом граде Москве», обновляя в нем «первоначальное скипетродержание благочестивого царствия»... «Царствия русского наследником» стал Всеволод; однако и раньше, при

Андрее, процветало «владимирское самодержавство». Так как Андрей не был звеном в генеалогической схеме московских государей, в которую включались лишь Долгорукий и Всеволод III, его портрет отсутствует в заказанном в 1672 г. царем Алексеем Михайловичем живописном альбоме «Большая государственная книга, или Корень российских государей»⁶. Появившийся вскоре после труда Ф. Грибоедова «Синописис» Иннокентия Гизеля называет Боголюбского «великим князем всея Российския земли»⁷.

В 1702 г. происходят открытие «мощей» Андрея и его канонизация. Мы не знаем, каковы были мотивы этого акта. Возможно, что он был связан с происшедшим вскоре (1723–1724 гг.) переносом из Владимира в Петербург останков Александра Невского: открытие новых «мощей» компенсировало доходы владимирского духовенства⁸. Примечательно, что канонизация Андрея происходит в эпоху Петра Великого; как сейчас увидим, одно из ранних изображений Андрея как «святого» приписывается царевне Софье. Может быть, облик крутого и властного владимирского князя вызывал симпатии Петра.

Вплоть до канонизации Андрея в 1702 г. он не удостоился и «жития». Ссылки Густынской летописи (XVII в.) на «житие» Андрея имеют в виду летописную «Повесть» о нем⁹. На ее же основе было составлено между 1702 и 1708 гг. новое, не имющее никакой исторической ценности «житие», сочетавшее данные из «Повести» о смерти Андрея и «Сказания о чудесах Владимирской иконы» с новыми домыслами¹⁰. Канонизация Боголюбского выдвинула необходимость икон нового «святого».

Однако источники, современные Андрею, не оставили ни одного штриха, который позволил бы судить о его внешности, а миниатюры лицевых рукописей XV–XVI вв. не давали никаких портретных черт в эскизных ликах князей. Поздняя канонизация Андрея была причиной того, что и древние иконописные подлинники обошли молчанием образ владимирского князя; поздний же подлинник дает вполне отвлеченное описание: «Подобием рус, волосы мало кудреваты, брада не велика, аки князя Бориса, ризы княжеские, шуба бархатная багряная, выворот соболей, на главе шапка княжеская, опушка соболя, ис-

подняв риза лазоревая, и в сапогах»¹¹. Это описание не только не даст лица Боголюбского, от которого остались лишь борода да прическа, но и весь его убор насквозь фальшив и нереален. Однако, видимо, этим описанием руководствовались в XVII–XVIII вв., когда понадобилось дать иконный образ Андрея; может быть, было привлечено и изображение Боголюбского в Золотой палате.

Любопытно, что первое официальное изображение Андрея как «святого» появилось в пышной фресковой росписи Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире, исполненной по повелению патриарха Иосифа в середине XVII в., т. е. почти за полвека до официальной канонизации¹². Вторым ранним изображением Андрея является шитая пелена конца XVII – начала XVIII в., приписываемая царевне Софье Алексеевне (хранится во Владимирском музее)¹³. Здесь Андрей также безличен: простое суховатое лицо, опущенное черной бородой, лишено каких-либо индивидуальных черт. Таким же его изображали владимирские иконописцы, делавшие во времена Екатерины II пышный иконостас Успенского собора во Владимире¹⁴. Столь же произволен и портрет Андрея, данный в «Истории» Татищева: «ростом был не велик, но широк и силен вельми; власы черные, кудрявы, лоб высокий; очи великие и светлые»¹⁵. От подобных общих характеристик мало отличается созданный в новое время В. М. Васнецовым образ Андрея во Владимирском соборе в Киеве – это «русский витязь» в театрально-декоративном воинском уборе, воин с лицом будущего «мученика».

Лишь в недавнее время мы получили неожиданную возможность непосредственно и прямо взглянуть в лицо нашего героя. Скульптор-антрополог М. М. Герасимов создал скульптурный портрет – документальную реконструкцию головы Андрея Боголюбского по его черепу, хранящемуся во Владимирском музее¹⁶. Этот портрет вызвал горячие возражения, сомнения и споры, не прекращающиеся и теперь, – слишком неожиданным был в своей человеческой конкретности образ «владимирского самовластца». Он резко расходился с тем смутно рисовавшимся нашему воображению обликом русского князя, крупнейшего строителя жизни великорусского центра, который владел на-

шей мыслью, может быть, соединяясь с отвлеченным образом князя, созданным Антокольским в его Ярославле Мудром или с васнецовским «благостным» Андреем.

Андрей Герасимова очень правдив. Из смешения русской, греческой, англосаксонской и половецкой крови его ближайших предков возобладала кровь матери-половчанки. Отсюда столь неожиданные, но естественные монгольские черты: скуластое лицо, припухшие веки глаз, упрямо выдвинутый подбородок. Рентгенологическое исследование шейных позвонков показало, что от какой-то болезни они срослись; голова самовластного и вспыльчивого князя поэтому всегда была как бы заносчиво поднятой, смотревшей на окружающих свысока и надменно¹⁷.

Так с необычайной и впечатляющей деятельностью Боголюбского соединялся его остро индивидуальный и суровый облик: и внешне и внутренне Боголюбский менее всего подходил под понятие «святого» князя, «мощи» которого покоились под парчовым покровом во владимирском Успенском соборе.

Интерес к его культуре неожиданно возобновился почти ровно через 100 лет после канонизации. 11 марта 1801 г. в Инженерном замке заговорщиками был задушен император Павел I. Тупой, ограниченный царь нимало не напоминал умного и деятельного владимирского «самовластца». Сходным был лишь финал их жизни – смерть в итоге дворцового заговора. Однако в 1820 г., по-видимому, с одобрения Александра I, была сооружена богатая рака для «мощей» Андрея с пространными надписями в клеймах, в том числе – об убийстве Боголюбского «от московского дворянина Якимя Степанова сына Кучки»¹⁸. Этим кончается церковная история Андрея.

Но с развитием изучения русской истории его деятельность вновь привлекает внимание, встречая в XVIII и XIX вв. столь же противоречивые оценки, как и в XII в.

М. В. Ломоносов в «Кратком российском летописце» никак не выделяет фигуру Боголюбского из вереницы князей XII в.: «Андрей Юрьичь Боголюбский, ради многих смятений князей киевских, видя сию столицу немощну, основал престол великого княжения во Владимире; был храбр. Победил болгар Волж-

ких. Убит злодейским образом от московских дворян Кучковичев»¹⁹. Напротив, в «Ядре российской истории» князя А. Я. Хилкова подчеркнуто «самодержавство» Андрея; он, «пылая властолюбием и желая сделать себя над всею Россиею самодержцем, престол себе во Владимире утвердил», а затем с этой же целью изгнал и братьев²⁰. В. Н. Татищев, работавший над своей «Историей российской» во время, ближайшее за канонизацией Боголюбского, подобно Ломоносову, не видит в Андрее никаких особых, характерных черт. Его портрет Андрея строится на основе панегирика в «Повести» об убийстве и противоположной отрицательной оценки Андрея Ипатьевской летописью: «Что же похвалы ему [Андрею] от писателей приписанныя принадлежит, то довольно от многих случаев видимо, что он в войне был храбр и полководец искусный, да притом набожен и справедлив, на церкви и попам многое имение раздавал, и для того писатели, яко духовные, должны были похвалу ему приписывать (кроме Новгородского слагателя, в Прологе показанного № 402). Противно же того видно, что он наконец возгордел, в правлении недовольно был прилежен и неосторожен, и в военных походах на Болгары и Новград добраго распорядка не доставало, более же о ловлях и увеселении прилежал, для того, может, по смерти как духовные, так мирские о нем мало сожаления имели»²¹. Так обе летописные характеристики Андрея просто сопоставляются, дополняясь чертами из портрета Юрия Долгорукого о недостатках Андрея как правителя и стратега и о его легкомыслии. Ничего принципиально нового в трудах Андрея Татищев не отмечает.

Князь М. Щербатов в своей «Истории Российской» делает «начало царствования князя Андрея Боголюбского и перенесение Российской столицы во Владимир» началом особого отдела своего труда, охватывающего время до монгольского завоевания. Андрея избрали «суздальцы и владимирцы... в самодержавные свои государи», его «непрерывное и покойное царствование» обеспечило первенствующее значение Владимирского княжения. Однако фактически деятельность Боголюбского ничем не отличается у Щербатова от деятельности других князей, которые также «царствуют» на своих столах; и какое реаль-

ное содержание вкладывал Щербатов, называя Андрея «самодержавным государем», неясно. Даже отец Андрея Юрий, по Щербатову, «соединял в себе все качества великого Монарха: он был искусный и храбрый воин и в сии непросвещенные времена хитрой политик...»²²

Первый историк древней столицы Андрея – города Владимира Иван Дмитриевский, писавший свой труд на рубеже XIX в., целиком разделял господствовавший у авторов XVIII в. взгляд, что Боголюбскому напрасно приписывали «высокомерие и желание самодержавия», – он лишь охранял свои великокняжеские права от «своевольства удельных князей», опираясь на ослабление Киева и усиление Владимира, он «мыслить начал, чтоб его престол не только по светской власти преимущество имел перед Киевским, но и духовное начальство независимо б было от Киевского митрополита»²³.

Однако две отличные друг от друга оценки деятельности Боголюбского, наметившиеся в историографии XVIII в., развиваются и в трудах историков XIX в., отражая их политические симпатии и исторические взгляды. Апологет самодержавия Н. М. Карамзин не мог пройти мимо колоритной и выигрышной для «Истории Государства Российского» фигуры «владимирского самовластца». Под его пером Андрей становится в ряды крупнейших государственных деятелей Древней Руси: он «был, конечно, одним из мудрейших князей Российских в рассуждении Политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному Единовластию»²⁴. Напротив, в изображении Н. А. Полевого, пытавшегося дать «историю русского народа», Андрей, этот «могучий государь русский и неукротимый воитель», «оставался могучим удельным владетельным князем – не более, имея только титул великого князя... его уважал кто хотел, или кто боялся...»²⁵ Власть Андрея, по Полевому, – временное и личное явление.

Эту мысль широко развил М. П. Погодин: «Андрей постоянно следовал по одному пути и достиг своей цели. Он хотел, чтобы его слушались, и его действительно слушались все князья. Самые неудачи почти не мешали ему нимало: противники, победив его полки, обращались к нему же с повинной головою, и

его сила стала выше всех случайностей. Но кроме этого послушания с данями и дарами, удовольствием сажать и сгонять князей, и некоторыми наружными знаками преимущества Андрей ничего не хотел, и никаких высших политических, государственных видов, как мы их понимаем, не имел; он был умнее своих современников, но не потомков; о будущем он не думал... Андрей хотел владеть один у себя при своем животе и только. Утвердившись дома, он распространил свои намерения и на всю Русь, и требовал послушания и покорности от всех тамошних князей, как прежде Мономах и сын его Мстислав, а после, более или менее, брат Андреев, Всеволод, – но никаких дальнейших, политических или государственных замыслов у него не было и быть не могло...»²⁶

Взгляды С. М. Соловьева мы уже приводили – они были связаны с его теорией родового быта, на фоне которой фигура Боголюбского приобретала эпохальное значение: он начал ломку «родовых отношений» и постройку отношений государственных. Андрей открывал новый период в истории Древней Руси; ее центр был перенесен на великорусский северо-восток. Власть Андрея была не проявлением его личного властолюбия, а результатом большой политической работы. Но главное, что впервые увидел С. М. Соловьев, это основную пружину политической борьбы – конфликт между «старыми» и «новыми» городами, формула, под которой нащупывались подлинные исторические силы: консервативной феодальной знати, с одной стороны, и горожан, поддерживающих князя и его военную силу – с другой.

Затем это понятие «города» конкретизируется и под пером И. Е. Забелина до преувеличения. Горячий патриот Москвы Забелин видел в избрании Андрея на суздальский стол инициативу «москвичей» – Кучковичей, а самого Андрея изображал «посадским» князем «промышленной и торговой страны», какою Забелин представлял Владимирскую землю²⁷.

«Главное значение Андрея Боголюбского в русской истории, – писал Д. И. Иловайский, – основано на его государственных стремлениях. Он является перед нами первым русским князем, который ясно и твердо начал стремиться к водворению самодержавия и единодержавия... Нет сомнения, что этот князь вла-

дел умом поистине государственным и что в данном случае [изгнания братьев] он повиновался не одной только личной жажде власти. Конечно, он сознавал, что дробление русских земель служило главным источником их политической слабости и внутренних смут... Опору своим самодержавным стремлениям он мог найти в самом населении северо-восточного края, рассудительном и трудолюбивом»²⁸.

Напротив, Н. И. Костомаров, исследуя историю единой державы в Древней Руси, считал, что никаких попыток в этом направлении владимирские князья не делали, а владимирцы, поддерживавшие Андрея, отнюдь не думали о чем-либо более широком, нежели о самоопределении и независимости для своего города. «Единственным побуждением всей деятельности Андрея было властолюбие... Кроме желания лично властвовать над князьями, у него едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель»²⁹. Отсюда недалеко и до позднейших взглядов Ключевского, уже изложенных нами, – что Андрей был просто «самодуром» без особых политических дарований и идей.

Весьма близкую к истине характеристику деятельности и личности Андрея дал в своей монографии о Ростовском княжестве Д. Корсаков. Подобно С. М. Соловьеву, он видит в его трудах поворотный момент в истории Руси, подготовку тех начал, которые лягут в основу объединительной работы московских князей. Но он значительно уточняет и расширяет это определение: «Эпоха Андрея является прототипом последующей формации Московского государства, этого громадного и своеобразного здания, созданного великорусским племенем. Развитие начала единовластия, борьба с боярством, политическое значение православия, единение церкви и государства и распространение великорусского племени на восток – вот те основные элементы общественного строя Ростово-Суздальской земли, которые являются впоследствии основными же элементами Московского царства». И далее борьбой за власть и первенство стольного Владимира Д. Корсаков объясняет и самую контрастность и противоречивость характера Андрея: «Раз мы знаем «самовластие» Андрея, – нам объясняется кажущееся противоречие в его характере, и «боголюбивый» князь выступает пе-

ред нами из сумрака веков вполне живым, цельным человеком. Кому неизвестен этот тип великорусса: благочестивый и богомольный, ласковый и добрый со своими подчиненными, «аки отец», но ласковый до той поры только, пока никто не перечит его нраву. Раз ему поперечили, не исполнили его волю, – конец! Его самовластие не признано, – и он распаляется гневом. Доброта сменяется злостью, благочестие тонет в высокоумии, страсть берет верх над рассудком...»³⁰

По-видимому, из оценки Корсакова исходил и остроумный Рамбо, который писал: «Можно сказать, что Андрей Боголюбский тремя веками раньше основал в России самодержавие. В XII столетии он намечает все то, что должны совершить в XV и XVI вв. московские великие князья, дабы достигнуть неограниченной власти: его деспотизм в отношении бояр, его усилия прекратить уделы, его высокомерие с другими русскими князьями, его попытки уничтожить независимость Новгорода, его союз с духовенством и намерение перенести в Окский бассейн религиозную митрополию всей России намечают политическую программу, исполнение которой оказывается под силу только десяти поколениям русских князей...»³¹

Итоги взглядам историков XIX в. на Боголюбского подвела небольшая компилятивная книжка известного исследователя владими́ро-суздальской старины В. Т. Георгиевского, в которой по условиям времени в облике Андрея была особенно подчеркнута «святость»³².

Личность и личный вклад Боголюбского в историю Руси не привлекали специального внимания новейших историков. Его оценка и характеристика давались лишь по ходу общих обзоров русского средневековья, в которых выработался столь же общий взгляд на Андрея лишь как на яркую фигуру начавшейся в XII в. борьбы за сильную великокняжескую власть. Так, для А. Е. Преснякова Андрей – наследник политических идей Мономаха; но они теперь приобретают существенно отличный характер: «Старейшинство, связанное с владением Киевом, должно было или погибнуть, или переродиться в отношения политического господства, с одной, и служилого подчинения – с другой стороны. И пути этой эволюции были намечены в рус-

ской жизни XII в., в эпоху, в начале которой стоит деятельность Мономаха, а в конце – Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. И важно запомнить, что эта вторая тенденция не родилась на севере вновь и лишь дальше развивала там зерна, не воспринятые киевской почвой»³³.

Для М. Н. Покровского, который не присматривался сколько-нибудь внимательно и систематично к конкретной истории Древней Руси, Андрей Боголюбский послужил лишь в качестве иллюстрации вульгарно-социологического тезиса о «медленном процессе перегнивания старой хищнически-городской культуры в деревенскую». Символом первой были гибель Киева и «запустение» Южной Руси; представителем второй была Владимирская Русь, вождь которой, Андрей, был «оригинален» якобы лишь в том, что впервые начал эксплуатировать народную массу по-новому: «не путем лихих наездов со стороны, а путем медленного, но верного истощения земли «вирами и продажами». В этом, по М. Н. Покровскому, и была сущность «самовластия» Андрея³⁴. Ни отношения к горожанам, ни церковно-политические мероприятия, ни борьба с аристократической знатю и никакие другие яркие стороны деятельности Андрея не нашли места в характеристике Покровского.

Возрастающий за последние годы пристальный интерес к судьбам Древней Руси и ее культуры вместе со стремлением увидеть наше прошлое в сопоставлении с историей западноевропейского средневековья привел к выводам о близости истории Владимирской земли эпохи Боголюбского к той поре в истории Запада, когда складывался союз королевской власти и горожан, враждебный стихии феодального распада (Ф. Энгельс). «Именно здесь, на северо-востоке, – говорит академик Б. Д. Греков, – особенно в новых городах заметно росли те элементы, которые, протестуя против бесконечных феодальных войн, против старой боярской знати, тяготели к сильной княжеской власти. Этот союз во Владимиро-Суздальском княжестве мы можем констатировать со времен Андрея Боголюбского». И далее Б. Д. Греков пишет: «Усиление великокняжеской власти несет удар хроническим феодальным войнам, так называемым “усобицам”, и делается фактором сплочения сил для защиты стра-

ны от внешнего врага. Но процесс этот длительный: понадобилось несколько столетий, чтобы его результаты вылились в форму осязаемых политических фактов»³⁵. Так от эпохи Боголюбского история шла к эпохе «собирателей Руси» и строителей Русского национального государства – великих московских князей.

ХІІІ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы подошли к концу книги о князе Андрее.

В ней мы пытались обрисовать его родину, деятельность его деда и отца, дела и дни самого Боголюбского, его гибель, судьбу созданного им Владимирского княжества и культуры, наконец, отношение к личности и деятельности Андрея его современников, близких и дальних потомков. Нам остается подвести некоторые общие итоги, которые должны ответить на вопрос: что же дал русскому народу и его культуре неустанный строительный и воинский труд Андрея?

Он жил и правил в ту эпоху, когда Киевская держава и ее порядки ушли в безвозвратное прошлое, уступив торжествующей феодальной раздробленности Руси. Кровавый хаос междоусобной борьбы доламывал старые политические устои «княжого права» делая насилие и войну законом государственной жизни. Усобицы истощали русский народ, угрожали подорвать его силу и затормозить поступательное развитие его культуры. Протест против распада Руси зрел в умах Мономаха, русских летописцев, самого народа. Но жизнь еще не открывала ясных перспектив и средств борьбы с этим распадом, и перед глазами преемников Мономаха вставал лишь образ державы Владимира Святославича и Ярослава Мудрого.

Мысль Андрея также была обращена в прошлое. Он представлял себе свою деятельность, как подражание и продолжение деятельности «христианнейшего предка», Владимира «Святого»: в его строительстве реально просвечивает интерес к архитектуре Ярославова Киева.

Но Андрей не питал иллюзий насчет путей борьбы с удельным сепаратизмом. Если идеалистическая концепция Монома-

ха, строившая надежды на единство Руси на самоотречении князей и отказе их от своей феодальной природы, отступила перед открытым правом сильного нарушать договоры и клятвы, то нужно было найти другую, так же открытую силу, опираясь на которую, можно подчинить «бунтующих князей» властной княжеской воле. Такая сила рождалась в городах в лице горожан, ремесленников и торговцев. Ее замечали наиболее проникательные князья. Андрей не только заметил эту новую общественную силу, но и решительно пошел ей навстречу.

Этот путь борьбы за объединение русских сил под эгидой единоличной и державной княжеской власти был тяжел и мучителен, так как он был начат рано и требовал крайнего напряжения сил народа и нечеловеческой настойчивости самого Андрея. Этот путь значительно опережал развитие экономических основ жизни. Силы города, несомненно, зрели и уже входили в конфликт с феодальными путями, но они были еще несравненно слабее сил деревенской стихии. Централизующие экономические и политические тенденции, порождающиеся городом, еще не могли равняться с мощью центробежных тенденций феодальной вотчины, феодальных княжеств. Поэтому путь «союза королевской власти и горожан» (Ф. Энгельс), по которому повел Андрей свое княжество, был путем тяжелой и кровавой борьбы, ломки еще не отживших отношений, которые неизбежно возрождались, осложняя тяжесть политической работы и делая условными и шаткими ее результаты.

Столкнувшись с жестоким сопротивлением русского феодального мира и его духовной владычицы – церкви, Андрей с исключительной широтой и смелостью развернул все средства борьбы. Его деятельность поражает нас прежде всего тем, что для усиления мощи своей Владимирской державы, претендовавшей на общерусскую гегемонию, он сумел планомерно и властно направить и меч войны, и духовный меч церкви, труд ремесленников и зодчих, художников и писателей. В этом с Боголюбским мог равняться только его великий прадед – Ярослав Мудрый.

Именно в этих мероприятиях Боголюбского ярче всего выражается целеустремленный смысл его борьбы и ее глубокая продуманность, позволяющая действительно говорить не только

об «усилении княжеской власти», но и о стремлении изменить ее социальную базу и поставить перед ней новые задачи централизующего порядка.

Андрей не только обеспечивает свое личное положение на владимирском столе изгнанием братьев, но всемерно упрочивает свои города, обстраивая их, умножая их население, содействуя расцвету ремесел, словом, усиливая тот пласт «мизинных людей» – горожан, который служил опорой в его борьбе. Повидимому, он начинает перестраивать старые отношения и внутри феодально-землевладельческого класса – старобоярской «порode» начинают противопоставляться новые приверженные князю феодальные слои – «дворяне» и «милостьники». В армии появляются ополчения горожан и поселян в виде «пешьцов» – пехоты.

Особенно существенна идеологическая работа Андрея, направленная на создание морально-политического авторитета его земли и власти. Яростная борьба Андрея за самостоятельную церковь как основу объединительной работы не имеет прецедентов. Ни история митрополита Илариона, ни история Клима Смолятича не идут в сравнение с историей Андрея и владыки Федора. Но последняя имеет явные черты сходства с союзом церкви и первых московских «собирателей Руси». Мы видели, какую огромную работу провели Андрей и Федор по организации своего, северо-восточного пантеона и созданию реликвий, как успешно шла церковно-литературная работа, формулировавшая идеи о богоустановленности власти Андрея и о «небесном покровительстве» молодому союзу «князь, город, люди». В том же направлении, как мы видели, действовала огромная организующая сила искусства.

Таким образом, усиливавшемуся хаосу феодального дробления, который, по иронии судьбы, еще прикрывался старыми нормами «старейшинства» и княжеско-родовой морали, Андрей противопоставлял не только «плотную силу» своих полков или властный окрик «подручников», – но целую *новую систему* политического устройства и идейных концепций, которые складывались в ходе работы Андрея. Это была планомерная государственная работа, которая никак не вяжется с представлением

об «инстинктивности» или «самодурстве» поступков Боголюбского.

Именно «плотная сила», военные предприятия Андрея были слабым местом его власти, стягивавшей огромные по тем временам рати из полков «подручных» князей, но еще не имевшей возможности побороть их сепаратизм и вдохновить их новыми политическими идеями.

Деятельность Андрея по целям, средствам и размаху напоминает нам о московских государях XV–XVI вв. – Иване III, Василии III, Иване Грозном. Разница в том, что они действовали в иное время, когда сама история уже работала против дробления Русской земли. Но и в этих условиях строительство Русского национального государства требовало гигантских усилий и крайних мер. Самым сложным в работе Андрея оказалось дело организации княжого управления в городе и деревне, оставшегося вне поля личных забот князя. Появление в роли княжеской администрации молодых, но жадных княжих чиновников повело к чудовищным злоупотреблениям и обидам, оттолкнувшим народ от князя и позволившим заговорщикам-боярам свалить самовластного владыку. Если бы Андрей стал вовремя «грозным», он предотвратил бы свой кровавый конец и смог бы значительно полнее осуществить свои замыслы и упрочить ростки нового.

Слабость военной организации и внутренней административной системы была причиной того, что Андрею удалось создать лишь основания и предпосылки для объединения русских феодальных княжеств под рукой владимирского великого князя.

Всеволод III, как мы видели, продолжил завещанную братом государственную работу: он неизмеримо поднял общерусский авторитет владимирских князей, упрочил внутренние основы их власти, усовершенствовал и сделал более тонкими средства «внешней политики», сочетавшей не только меч войны и меч духовный, но и изощренную дипломатическую игру. Труд Всеволода обеспечил относительное единство земли и гегемонию владимирского князя в трудных условиях предмонгольской поры. Объединительная борьба его сыновей – братьев Юрия и Ярослава приобрела почти общерусский характер; ее результатом

были мощные и успешные удары по врагам Руси на западе и востоке.

Эта политическая линия не прервалась с монгольским нашествием, но была продолжена сыном Ярослава Александром Невским, а затем и московскими собирателями Руси, которые имели все основания считать себя прямыми продолжателями дела Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Стольный Владимир был *реальным преемником* объединяющей роли Киева; Москва воспринимала эту традицию от Владимира. Эта линия исторического развития является крупнейшим фактом русской истории, а не отвлеченной концепцией московских книжников XV–XVI вв., как думал П. Н. Милюков.

Прекрасные памятники архитектуры во Владимире и Боголюбове свидетельствуют, насколько верен и плодотворен был избранный Андреем путь союза с «мизинными людьми» молодых городов. Это могучее искусство порывает с византийской традицией и соединяет русское киевское наследие с достижениями романского Запада. Зодчие Андрея и Всеволода вносят творения русского искусства в сокровищницу общечеловеческой культуры. Искусству вторит литература, в отрывках и следах которой мы слышим, как крепнет мысль о национальном единении русского народа, образуя звено между литературой эпохи Мономаха и «Словом о полку Игореве». Торжествующий и жизнеутверждающий дух проникает искусство владимирских мастеров. Но оно рождается в напряжении суровой борьбы.

Важнейшей заслугой Боголюбского было то, что он верно оценил грядущую роль и значение своего Владимирского княжества как великорусского центра Древней Руси и смело порвал со священной землей Поднепровья, историческая роль которой была сыграна. В этом Андрей следовал еще неясным мыслям Мономаха, упорно защищавшего в конце XI в. интересы своей северной волости и усиливавшего ее значение. «Уход Андрея на север», столь привлекавший внимание историков своими политическими следствиями, имел едва ли не более важное значение в истории формирования самой русской нации: будущий национальный центр Руси становился ее государственным центром – событие, умножившее силы народа в тяжелой

борьбе, которую вели Андрей и его преемники, а позже в борьбе с монгольским игом и в строительстве Русского национального государства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 30–40-х гг. Н. Н. Воронин был уже достаточно известным советским историком и археологом, выпустившим ряд научных и научно-популярных работ в основном по истории Северо-Восточной Руси, знатоком-профессионалом которой он и являлся¹. И обращение Николая Николаевича к одной из замечательнейших исторических личностей древнерусских северо-восточных земель – Андрею Боголюбскому выглядит вполне закономерным.

Еще в 1925 г., когда Н. Н. Воронин оканчивал Ленинградский университет (потом – в 1931 г. – он закончил аспирантуру при ГАИМК и остался там работать²), им было обследовано Боголюбово. «Это было начальным зерном, из которого выросла в дальнейшем настоящая работа», – напишет ученый намного позже о своей фундаментальной монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси». Эти же слова можно отнести и к его неопубликованной при его жизни книге «Андрей Боголюбский».

Впрочем, после археологических разведок еще были основательные археологические раскопки в Боголюбово в предвоенных 1934–1938 гг.³, велись они, но не с таким размахом, и позже – в начале 50-х гг.⁴

Сама же книга «Андрей Боголюбский» писалась по поручению Комиссии Научно-популярной литературы АН СССР для серии, «посвященной крупным историческим фигурам русского прошлого» (вслед за изданной уже книгой академика А. С. Орлова о Владимире Мономахе должны были выйти книги о Ярославе Мудром и Андрее Боголюбском).

Она была закончена в марте 1945 г., о чем свидетельствует одно из недавно опубликованных частных писем Н. Н. Воронина (И. П. Стуккей от 26 марта 1945 г.) с любопытным контек-

стом: «Вышла в Англии моя книжка “Восстановительное строительство в СССР” – это то же грехопадение, которое искуплено тем, что закончил книжку “Андрей Боголюбский”. Перо почти не высыхает, и хребет не разгибается»⁵.

Тогда ученый еще не знал, какая судьба будет у этого его произведения. В ближайшее время издание уже подготовленной к печати книги натолкнулось на неожиданные препятствия и, как оказалось, – непреодолимые.

Об этом мы узнаем из переписки Н. Н. Воронина с инстанциями и коллегами по поводу издания книги об Андрее Боголюбском, довольно хорошо сохранившейся в Государственном архиве Владимирской области (Ф. 422. Оп. 2. Д. 29)⁶.

Впрочем, вначале все шло хорошо. Книга была одобрена тогдашним главой советских историков академиком Б. Д. Грековым, который согласился стать ее редактором. В конце ноября 1946 г. она получила положительный отзыв от члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. А в 1947 г. рукопись передается в издательство АН СССР.

И вот тут-то начались затруднения. В частном письме Л. С. Богданову от 31 августа 1947 г. Н. Н. Воронин о создавшейся ситуации пишет следующее: «...Мой “Андрей” натолкнулся на редактора типа старых копецов и вызвал бурю возражений с его стороны. Предстоит борьба и правка. К тому же теперь Юрий Долгорукий “канонизирован” (“основатель Москвы”), а в моей книге он вовсе не выглядит положительным типом ни в каком смысле, да и Москву-то укреплял в 1156 г., конечно, Андрей»⁷.

Так начинается длительная тяжба Н. Н. Воронина с издательством с взаимными обвинениями и упреками. В начале ноября 1947 г. Н. Н. Воронин направляет официальное письмо заведующему редакционным отделом издательства АН СССР Д. Е. Михневичу. «Моя работа “Андрей Боголюбский”... была летом текущего года подвергнута дополнительной редакции со стороны назначенного Вами редактора издательства Н. В. Румянцева. Я ознакомился с его письменным отзывом о рукописи, а также с многочисленными пометками и исправлениями в самом ее тексте. Часть его замечаний я принял и ввел соответствующие изменения в рукопись. Большую же часть указаний и переделок

Н. В. Румянцева я должен решительно отклонить. На эту тему я имел с Вами ряд бесед, во многом уяснивших мне Ваши взгляды. Сейчас же, в связи со сдачей рукописи моей книги после исправлений, я считаю целесообразным сопроводить ее настоящим письмом».

Но исправления редактора-копоеда не шли ни в какие сравнения с рецензией на уже исправленную Н. Н. Ворониным рукопись следующего бойца тогдашнего исторического фронта – В. Т. Пашуто, по словам Н. Н. Воронина, «ознакомившегося с книгой по поручению Б. Д. Грекова». В. Т. Пашуто начинает свою пространную рецензию (от 1 ноября 1948 г.) такими словами, после которых можно было бы больше ничего и не писать: «Книге Н. Н. Воронина присущ ряд крупных пороков, которые делают ее издание в настоящем виде невозможным». Политико-идеологические обвинения следуют по всем основным проблемам, поднятым в книге. Так, «говоря об Андрее Боголюбском, автор ... вслед ... за княжеской владимирской летописью воспекает князя Андрея, отвлекаясь от критики источника, от классового анализа, от общественно-политических задач, преследуемых издательством Советской Академии Наук». А «в духе буржуазной методологии (игнорируя известные указания Энгельса) автор отрицает роль крестьянства в процессе укрепления великокняжеской власти (королевской) власти». Наконец, «оценка книги Н. Н. Воронина была бы неполной, если не затронуть одну ее важную особенность: если в изложении светской истории автор постоянно сбивается на апологетику княжеской власти, то в изложении церковных дел (которым отведено большое место), он сползает в поповщину, в фидеизм. Формально все обстоит благополучно: автор берет “чудеса” в кавычки, говорит о феодальной сущности церкви, но если этой стороне дела обычно посвящаются несколько сухих фраз, то восторженные описания литературы, живописи, зодчества, как проявлений передовой роли церкви, занимают десятки страниц».

Заканчивается же рецензия так: «Итак, книга Н. Н. Воронина неудовлетворительна как по приемам источниковедческого анализа, так и по методам политической интерпретации фактов».

После таких обвинений приговор книге фактически был вынесен. Н. Н. Воронин направил Б. Д. Грекову и в Редакционный отдел Издательства АН СССР письмо, где писал: «Я внимательно изучил рецензию т. Пашуто на мою книгу “Андрей Боголюбский”, переданную мне из издательства. Не скрою, что после Вашей положительной оценки, которая была для меня высшим одобрением и с которой книга дошла до подписания ее к печати, отзыв т. Пашуто и Ваше неожиданное согласие с ним меня крайне поразили.

Будучи благодарен моему рецензенту за ряд конкретных указаний на отдельные ошибки, погрешности или противоречия, которые необходимо учесть, я никак не могу согласиться с общими положениями и выводами рецензии. Для меня ясно, что она не принципиальна, так как автор как бы “не заметил” в книге ее главного лейтмотива, попытки по-новому показать историю Владимирской земли и деятельность одного из ее крупнейших строителей – Боголюбского, дать эту тему, основываясь на всей совокупности источников – письменности, искусства и культуры. Автор рецензии, видимо, отрицает и самую правомерность подобного сочетания источников, так как они вызывают лишь его раздражение. Он также забывает, что моя книга популярная и что в ней я не мог занимать читателя источниковедческими вопросами, но лишь излагал результаты своей работы над источниками.

Не могу согласиться с двумя основными положениями рецензии, к которым сводятся ее отдельные критические замечания: книга “неудовлетворительна 1) как по приемам источниковедческого анализа, так и 2) по методам политической интерпретации фактов”».

Н. Н. Воронин, проявляя принципиальность, отказался от переработки книги и дал согласие на рассыпку набора. Тем более что с В. Т. Пашуто вынужденно согласился и резко изменивший свою позицию академик Б. Д. Греков. В редакционный отдел издательства АН он написал следующее: «В связи с В/запросом о печатании книги Н. Н. Воронина “Андрей Боголюбский” сообщаю, что ее текст подлежит значительной переработке в части оценки кн[язя] Юрия Долгорукого, церковной полити-

ки Андрея и заключительной части. Прошу в связи с этим не сохранять существующий набор и перезаключить с Н. Н. Ворониным договор с тем, чтобы повторный набор не отразился на оплате авторского гонорара».

Переговоры и переписка 1952–1954 гг. Н. Н. Воронина с издательством и с В. Т. Пашуто (по инициативе последнего) привели лишь к кратковременному всплеску активности – в большей степени, судя по всему, со стороны не терявшего надежду издательства. Н. Н. Воронин был настроен довольно скептически, что видно из его письма от 12 декабря 1952 г. директору издательства АН А. И. Назарову: «Летом текущего года в связи с неоднократными напоминаниями т. Пашуто о необходимости переработки и издания моей книги, я специально советовался с ним по этому вопросу. В итоге нашего обсуждения т. Пашуто высказал мнение, что подобная книга биографического характера об Андрее Боголюбском в настоящее время не актуальна, что я должен не перерабатывать эту книгу научно-популярного характера, а создать фактически новую исследовательскую работу по истории Владимиро-Суздальской земли в целом. Нет сомнения, что такая книга нужнее, но это новая задача и новая работа.

К тому же я не представляю себе точки зрения на этот вопрос редакции научно-популярной серии – насколько она считает в настоящее время издание такой книжки своевременным. Ведь когда эта книга писалась, то она мыслилась как часть серии, посвященной крупным историческим фигурам русского прошлого... Сейчас, насколько я знаю, таких планов нет, а научно-популярная серия нацелена главным образом на вопросы точных наук и проблемы техники... Из этого я могу заключить, что переработка моей книги и об Андрее для популярной серии не представит интереса.

...Поэтому Ваше предложение переработать книгу, написанную семь лет назад, – для меня очень заманчивое, но и очень трудное и ответственное, я мог бы принять лишь при полной уверенности, что такая книга действительно нужна для научно-популярной серии и при условии значительного срока (не ранее конца 1954 г.), т. к. книгу придется в основном переписывать наново».

Были написаны и положительные рецензии С. О. Шмидта и В. Н. Лазарева. С. О. Шмидт, в частности, отмечал: «В значительной части работа является обобщением данных многих спец[иальных] исследований автора по истории В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[у́си], получивших положительную оценку советских ученых.

Работа написана в научно-популярной форме, которой автор – надо отметить особо – очень хорошо владеет. Это делает книгу доступной и интересной самому широкому читателю. В то же время новые ценные наблюдения и обобщения автора, обилие впервые привлеченного исторического м[атериала], научный аппарат примечаний в конце книги – сделают книгу необходимой и для ученых (историков, литературоведов, искусствоведов и др.), специально изучающих прошлое Руси».

На этом переписка по поводу издания книги об Андрее Боголюбском заканчивается. Ни в одном из вариантов – ни в «воронинском», ни в предлагаемых рецензентами – она так и не вышла в свет.

Однако, закончив в начале 60-х годов свой капитальный двухтомный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси», Н. Н. Воронин вновь обращается к историко-культурной, политической и церковной проблематике Северо-Восточной Руси в основном периода Андрея Боголюбского. К этому времени в научных и периодических изданиях уже появился ряд его статей, посвященных как раз этим вопросам⁸.

С середины 60-х годов Н. Н. Воронин приступает к созданию большой работы «Владими́ро-Суздальская Русь (Очерки по истории и культуре XI–XIII вв.)». Составной (а, точнее сказать, основной) частью очерков становится рукопись «Андрея Боголюбского». Однако новая рукопись значительно расширяется: появляются главы, раскрывающие не только социально- и культурно-политическую канву событий, но, к примеру, и такая как «Природа и люди»; большое место отводится археологическому исследованию северо-восточных городов и т. д. Но не суждено было появиться и этой книге⁹.

* * *

В конце 80-х гг. была предпринята попытка уже посмертного издания книги «Андрей Боголюбский» по сохранившейся рукописи, а точнее, верстке с правкой рукой самого Н. Н. Воронина. Одно из издательств готово было ее напечатать, естественно, после получения нового положительного отзыва.

Рукопись была направлена в Ленинград ведущему научному сотруднику Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР доктору исторических наук Ю. А. Лимонову, выпустившему незадолго перед этим небольшую монографию «Владими́ро-Суздальская Русь» (Л., 1987). Отзыв получился довольно пространственный – 11 страниц машинописного текста.

Он изобилует модными в то время разоблачениями «специалистов историков», «препарировавших» «саму историю, сам исторический процесс, отдельный событийный факт» «в духе указаний, понимания, трактовки “великого вождя”» (С. 1)¹⁰.

«Не избежала этого недостатка, – по мнению Ю. А. Лимонова, – и книга Н. Н. Воронина. Для нее характерна известная прямолинейность в понимании марксистской методологии, стремление к трафаретным “раскладкам” и определениям классовых сил общества, увлеченность социологическими схемами, столь свойственными нашей историографии 20–30-х гг. Подобные недостатки очень выпукло проявились в книге» (С. 1–2).

Другой текст уже прямо обвиняет Воронина в грехе «сталинизма». «...Мысль, проводимая Н. Н. Ворониным в книге “Андрей Боголюбский”, о соотношении героя и толпы – князя и его народа была очень популярна в тот момент. В самом деле, на протяжении всей книги князь представлен как прогрессивный деятель, герой, вождь своего народа. Он страшно одинок и ему сопутствует все время одиночество, у него нет соратников, политических союзников, вокруг одни предатели и враги. Единственно, кто его поддерживает, – это народ. Именно он понимает все действия князя, все политические акции, рассчитанные на подавление и уничтожение крамольных бояр, феодалов, врагов народа, на объединение всей власти в руках самодержца. Вообще, Андрей, как Иван III и Иван IV Грозный, за само-

державие, за единый абсолют власти. Фактически народ подерживает князя, так же как и продолжателей его дела. И так, в книге перед нами мудрый князь-вождь и его народ. Первый – демиург, творец, второй – объект, масса. Все решает вождь. Народ ждет его волевых решений. Оставляя в стороне фактическую объективность подобной схемы (на самом деле все много сложнее), отметим только, что подобная схема была актуальна и понятна для всех современников периода культа личности. Она буквально копировала все политические построения (“вождь и народ”) того времени» (С. 2–3).

И еще. «...Методика, стиль и даже лексика этого исторического сочинения целиком основывается и повторяет метод, манеру изложения и фразеологию работ (научно-популярных, массовых, впрочем, так же как и научных) времени расцвета сталинской эпохи 40-х гг. “Великий вождь” и послушный народ, герой и толпа, вокруг враги, как явные, так и тайные, предатели. Цель – лучезарное будущее и т.п. Они борются с врагами. Князь – вождь занимается на благо своего народа “политикой и строительством”. Полагаем, что комментировать это излишне», – заканчивает очередной пассаж своей рецензии Ю. А. Лимонов (С. 4).

Пытается автор рецензии выяснить и причину отказа Н. Н. Воронина от публикации книги. Объяснения эти таковы: «Схема “вождь и народ”, столь актуальная в 40-е – начале 50-х гг., после XX съезда партии естественно “устарела”, помимо всего прочего, что была она в достаточной степени фантастична и далека от науки... Но не в этом ли и кроется причина отказа автора – Н. Н. Воронина, лауреата Сталинской премии, от публикации настоящей книги? А ведь у него были все возможности ее печатания. И, другими словами, автор сам и очень давно решил судьбу своей книги, как несостоявшейся, устаревшей, заведомо неверной» (С. 4).

Примеры такого рода идеологических клише рецензии Ю. А. Лимонова можно продолжить. Но, пожалуй, самым замечательным является резюме: «Публикацией старой корректуры книги Н. Н. Воронина ... мы сослужим плохую службу научной памяти большого ученого и талантливого популяризатора. Надо ли это делать? Надо ли рекомендовать вниманию широ-

кой публики начала 90-х гг. популярную работу, предназначенную для читателя середины 40-х гг.? Надо ли вообще публиковать первый вариант книги, необходимый для самого ученого и совершенно необязательный для массового читателя? Надо ли, наконец, печатать книгу, от публикации которой отказался и сам автор, имевший к тому же полную возможность отредактировать и издать ее на протяжении последующих трех с половиной десятилетий после создания первого варианта? Как, наконец, соотнести ее публикацию – книги 40-х гг. с новейшей советской историографией по истории Владимиро-Суздальской Руси, по летописанию, археологии, исторической географии региона? А таких работ немало, и написаны они с позиций современной методологии, а не с положений – аксиом полувекковой давности¹¹.

На все эти вопросы, весьма важные и принципиальные, должно ответить издательство, прежде чем разрешить публикацию. Здесь надо избежать ошибки. Ибо она, эта ошибка, может иметь самый широкий резонанс, как в области морально-этических норм, так и в сфере гражданственно-научных критериев» (С. 10–11).

* * *

Сам же Ю. А. Лимонов, как уже замечалось, в 1987 г.¹² написал небольшую монографию о Владимиро-Суздальской Руси¹³. Главы, касающиеся биографии Андрея Боголюбского («Андрей Боголюбский на “суздальском” столе», «Андрей Боголюбский и создание нового идеологического центра Древней Руси», «Андрей Боголюбский и междукняжеские отношения на Руси в третьей четверти XII в.», «Заговор 1174 г.» и др.), в ней были зачастую переполнены риторическими и философскими обобщениями и напыщенной художественностью¹⁴.

Величественная фигура Андрея Боголюбского не была обойдена учеными и в последующее время. Причем, не только историками, но и, к примеру, литературоведами. Так, пишет ряд статей, а затем выпускает книгу, посвященную «Владимирской Руси в литературе XII в.», Г. Ю. Филипповский¹⁵. Большинство ее глав

относится к эпохе Андрея Боголюбского. Автор проводит тщательный историко-литературоведческий анализ таких известных произведений, возникших при князе, как «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей матери», «Сказание о Леонтии Ростовском», а также «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и др. Г. Ю. Филипповский увидел в этих древнерусских сочинениях то, что зачастую не учитывалось исследователями – «эпический и обрядовый фольклор в их самобытном становлении». «Н. Н. Воронин и другие исследователи литературы времени Андрея Боголюбского, – пишет он, – переоценивали ее христианскую ортодоксальность и книжность и, соответственно, недооценивали в ней светское начало, значение архаических, фольклорных, обрядово-языческих мотивов»¹⁶.

Что же касается роли Андрея Боголюбского, то для автора (вслед за Н. Н. Ворониным и другими историками) «представляется несомненным, что именно князь Андрей Юрьевич был главным заказчиком и критиком произведений Владимирской Руси. Он же был и редактором многих литературных памятников»¹⁷.

Деятельность северо-восточного князя рассматривается в фундаментальном труде И. Я. Фроянова о социальной и политической борьбе в Древней Руси¹⁸. По сути, большая часть главы «Идейная и социально-политическая борьба в Ростово-Суздальской земле второй половины XII – начала XIII в.» посвящена именно ему, и на фоне древнерусской действительности излагается весь жизненный путь Андрея Боголюбского: от его «отъезда» из Киева до трагедии в Боголюбском дворце. Причем свое понимание (как известно, И. Я. Фрояновым, начиная с 70-х годов, разрабатывалась концепция общественного строя Древней Руси, отличная от принятой («феодальной») в советской историографии) событийного ряда автор предлагает наряду с обширными историографическими экскурсами, активно полемизируя по тому или иному вопросу с историками, начиная с В. Н. Татищева и заканчивая современными автору работами. Неоднократно при этом ученый обращается и к опубликованным статьям и книгам Н. Н. Воронина, зачастую критически оценивая наблюдения и выводы последнего¹⁹.

«Драматическая развязка», считает И. Я. Фроянов, подытоживая свой анализ предыдущих событий времени княжения Андрея, это – «результат острых противоречий, возникших между владимирской общиной и княжеской властью. Конечно, – продолжает размышлять он, – различные социальные группы владимирского общества и отдельные лица имели собственные причины для недовольства князем. Но было и общее, что касалось всех: военные неудачи, уронившие престиж местной святыни – чудотворной иконы св. Богородицы, произвол и беззаконие княжеской администрации, жестокие преследования политических противников, выдвигание на влиятельные должности иповерцев. Однако главная, пожалуй, вина Андрея, с точки зрения владимирцев, состояла в том, что он не принес им вожеленную свободу от власти старейших городов – Ростова и Суздаля. Вот почему трагический финал андреева княжения должен рассматриваться как в значительной мере следствие межгородской борьбы, нараставшей с середины XII в. И нет никакой надобности выдавать Андрея Юрьевича за героя-одиночку, опередившего на много десятков, если не сотен, лет своих современников и потому поплатившегося жизнью. Андрей – сын своего времени. Будучи, правда, яркой индивидуальностью, он, однако, не лучшим образом зарекомендовал себя в качестве правителя и политика, почему общество и откачнулось от него»²⁰.

Совсем по-иному видится жизнь и деятельность Андрея Юрьевича Боголюбского И. Н. Данилевскому, о чем недвусмысленно говорит и заголовок одной из глав его «курса лекций» – «Андрей Боголюбский: у истоков деспотизма»²¹. Впрочем, сама постановка о «деспотическом» характере правления князя, его стремлении к «самовластию» и последствиях этого отнюдь не нова. Не говоря об историографии прежних времен, достаточно вспомнить знаковую статью В. Б. Кобринина и А. Л. Юрганова, также возводящих все беды последующего российского княжеского и царского правления от «монархизма» того же Боголюбского²². Продолжая их линию, И. Н. Данилевский приходит к следующим выводам: «во второй половине XII в. в Северо-Восточной Руси начинают складываться новые общественные отношения подданства, которые отличаются от западноевро-

пейских вассально-сюзеренных», вместе с тем, «этот тип отношений впоследствии становится господствующим и создает основу деспотической системы правления в русских землях»²³.

Обстоятельствам смерти выдающегося князя посвящена и уже упоминавшаяся наша книга «Гибель Андрея Боголюбского». Автор приводит различные версии событий, приведших к такой трагической развязке. В книге также опубликованы материалы, касающиеся исследований останков князя, проводившихся в XX в., и архивные документы о трудной судьбе воронинской работы²⁴.

Говоря о современном обращении к личности северо-восточного князя, нельзя не сказать об активной деятельности в этом отношении его земляков – и земляков Н. Н. Воронина – владимирцев. Почти в каждом владимирском вузовском, музейном или краеведческом сборнике можно найти материалы о различных сторонах деятельности Андрея Боголюбского, его эпохе и наследии²⁵.

Возвращаясь к творчеству Н. Н. Воронина, необходимо сказать, что, конечно, книга «Андрей Боголюбский» уже памятник ушедшей эпохи, памятник советской историографии, но написанная выдающимся русским историком XX в., право, своими мыслями и художественным стилем она достойна увидеть свет.

Доктор исторических наук, профессор
Ю. В. Кривошеев

Храм Покрова Богородицы на Нерли (1165).

Фото Н. Н. Воронина
(из архива С. О. Шмидта)

ПРИЛОЖЕНИЕ

КНИГА. К ИСТОРИИ НЕИЗДАНИЯ*

ОТЗЫВ НА РАБОТУ Н. Н. ВОРОНИНА «АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ»

Книга Н. Н. Воронина посвящена биографии крупнейшего деятеля Руси XII в. князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Автор дает ее на широком фоне истории Владимирской земли и Руси XI – XIII вв., показывая как источники политики Боголюбского, так и судьбу его политического наследства при его преемниках Всеволоде III и Юрии Всеволодовиче. Таким образом содержание книги значительно шире ее заглавия и дает по существу освещение всей культуры Владимирской Руси XII – XIII вв. Автор не замыкается в узком кругу исторических источников, он привлекает и интерпретирует памятники литературы, живописи, архитектуры, данные археологии. Все это помогает ему впервые в нашей литературе дать многогранную, свежую и исчерпывающую характеристику как самой личности Андрея, так и значения его политической и культурно-созидательной работы. Оценка Боголюбского автором далеко уходит от сложившихся еще в прошлом веке скупых и поверхностных характеристик. Князь Андрей выступает как двойник королей запад-

Материалы Приложения печатаются по изданию: *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. – СПб.: Издательский Дом С.– Петерб. гос. ун-га, 2003. – 240 с. – Орфография, пунктуация и стилистика документов сохранена. За оказание помощи при работе с архивом Н. Н. Воронина приношу искреннюю благодарность заведующей читальным залом ГАВО Наталье Дмитриевне Максимовой.

ной Европы и предшественник московских «собираателей Руси», борец с феодальным распадом Руси, далеко опережающий в своих планах современную ему действительность. Автор аргументирует эту основную мысль своего труда анализом социальной природы власти Андрея, определяя ее как «союз королевской власти с горожанами» (Энгельс), отмечает появление «служилого дворянства», рассматривает внешнюю политику Боголюбского, борьбу за самостоятельную русскую церковь, формирование начал политической теории самодержавия, расцвет и идейную высоту литературы и искусства. Последняя тема аргументирует борьбу Боголюбского с византийской гегемонией за самостоятельность русской духовной жизни. Казалось бы узкие церковные владимирские произведения XII в. приобретают в освещении автора неожиданную политическую остроту и историческую значимость.

Для историка искусства и литературоведа ценны и свежи соображения о руководящей роли Андрея Боголюбского в организации строительства и литературной работы. В частности убедительно предположение, что самому Андрею принадлежит покаянная молитва в Лавр[сентьевской] летописи, считавшаяся обычно сочинением Мономаха.

Большой заслугой Н. Н. Воронина является то, что он вскрыл «народные начала» в архитектуре Владимира XII – XIII вв. и показал, что романские элементы ее «легли на русскую архитектурную основу и так органично связались с ней, что приобрели вполне своеобразный русский характер и прошли отсюда через все русское зодчество вплоть до XVII в.» (стр. 159).

Написанная живо и убедительно книга Н. Н. Воронина передаст читателям горячий интерес автора к изучению общественно-политического и культурного развития северо-восточной Руси накануне татарского нашествия. Желательна скорейшая публикация книги Н. Н. Воронина.

[Подпись:] Чл.- кор. АН СССР В. Адрианова-Перетц

30 / XI. 46.

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л. 1 (машинопись)¹.

**ЗАВЕДУЮЩЕМУ РЕДАКЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ
ИЗДАТЕЛЬСТВА АН СССР
Д. Е. МИХНЕВИЧУ²**

Глубокоуважаемый Дмитрий Ефимович!

Моя работа «Андрей Боголюбский», написанная по поручению Комиссии Научно-популярной литературы АН СССР, одобренная и отредактированная академиком Б. Д. Грековым – была летом текущего года подвергнута дополнительной редакции со стороны назначенного Вами редактора издательства Н. В. Румянцева. Я ознакомился с его письменным отзывом о рукописи, а также с многочисленными пометками и исправлениями в самом ее тексте. Часть его замечаний я принял и ввел соответствующие изменения в рукопись. Большую же часть указаний и переделок Н. В. Румянцева я должен решительно отклонить. На эту тему я имел с Вами ряд бесед, во многом уяснивших мне Ваши взгляды. Сейчас же, в связи со сдачей рукописи моей книги после исправлений, я считаю целесообразным сопроводить ее настоящим письмом.

Моя книга посвящена эпохе XII – XIII вв., когда, как известно, религия была господствующей идеологией – политика была теснейшим образом связана с церковью, искусство и литература были церковными по преимуществу. Для характеристики героя книги – Андрея Боголюбского я должен был особенно подробно говорить об истории его борьбы за самостоятельность русской церкви, анализировать памятники созданной в его время церковной литературы, цитируя их, вскрывая их связь с политической борьбой. Подобного анализа в нашей литературе не было, моя книжка не только популярная, но в известной мере и свежая исследовательская работа – этим и вызвана детальность анализа и аргументации. Естественно также, что я даю и характеристику эпохи Андрея – создавшего выдающиеся памятники: храмы, иконы, росписи; я также описываю палладиум Владимирской земли – шедевр мирового искусства – Владимирскую икону богородицы и т. д. Говоря об этих памятниках литературы и искусства, я всемерно стремился показать их великое значение в истории культуры русского народа, в чем, кажется, нет

сомнений. Я также показываю церковь, как большую и прогрессивную силу в деятельности владимирских князей XII в. Вместе с тем я полагал, что, говоря обо всем этом, нет необходимости постоянно оговаривать, что «богородица» – персонаж христианской мифологии, что в «чудеса», которым верили в XII веке, не верим мы, читатели моей книги и я – ее автор. Я исходил также из представления, и думаю в этом прав, что книги научно-популярной серии АН СССР адресованы не к широчайшей аудитории, на которую рассчитана наша массовая литература, но к советской интеллигенции, студенчеству, педагогам и т. п. Я полагаю, что этот наш читатель вырос настолько, чтобы не подозревать его в склонности к мистике.

Мой уважаемый редактор придерживается, видимо, иных взглядов как на читателя, так и на существо излагаемых в книге сюжетов. Он подошел к книге, как пропагандист-религиозник, думающий, что эта книга обращена к каким-то «темным массам» (думаю, что это понятие в 1947 г. устарело) или нетвердым в отношении религии людям. С этих позиций и проведена редакция. Я не возражаю против того, чтобы фактически «собственное имя» Богоматерь, которое идет в ряд имен Афины, Деметры и др., писать с маленькой буквы, я допускаю, что можно взять в кавычки упоминания о «чудесах», внести всевозможные «якобы» и «будто бы» в передачу их содержания. Правда я думаю, что читатель книги в этом не нуждается. Но полным неуважением к нему является предложение редактора прибавлять при каждом упоминании «богоматери» эпитет «сказочная» или «мнимая», что и осуществлено им в виде образца на стр. 89–95. Редактор подозревает далее в симпатии к господу богу не только читателя, но и автора, что выразительно отмечено на стр. 138–140: «автор верит в чудеса?»

Естественно, что при этом мой уважаемый редактор увидел во многих страницах моей книги откровенную «поповщину». Это звучное определение появляется на полях рукописи и когда я пересказываю отрывки из памятника XII в. Сказания о чудесах иконы Владимирской богородицы (с. 93), и когда я цитирую Никоновскую летопись (с. 70), и когда я говорю об обосновании «божественной санкцией» некоторых важных политичес-

ких мероприятий (напр. постройки Остерского городца, с. 93). В главе о «Литературе» на стр. 133 я цитирую церковно-служебные произведения XII в., посвященные Покрову богородицы, чтобы показать их стиль и образы, но для моего редактора это «трафаретные поповские восхваления», «набор поповских эпитетов»! На стр. 190 я говорю о том почему Мономах и Андрей любили читать Псалмы, показываю на цитатах (ведь современный читатель не читал псалмов) как много волнующих образов борьбы властителя с хаосом восстаний и заговоров, образов созвучных русскому XII веку, дают псалмы. Редактор вычеркивает все цитаты и заодно определение «высоко-поэтические строфы псалмов»: библия не имеет, оказывается, право даже быть произведением литературы и притязать на поэтичность!.. Что же было бы, если бы т. Румянцев редактировал, скажем, I–II тома «Истории русской литературы», выпущенные [в] последние годы Издательством АН СССР, в которых он нашел бы обильную пищу для «редакции» этого рода?

Не думаю, что все это, столь пугающее моего редактора, сколько-нибудь опасно для советского читателя. Однако, идя навстречу редактору, я постарался умножить число кавычек над «опасными» эпитетами и понятиями, сократить цитаты и т. д. и т. п.

Опасность я вижу в другом, в том, что мой редактор преследуя «поповщину», подводит под это понятие многие памятники и явления русской культуры и настроен если не выбросить их вовсе, то по крайней мере притупить их значение и смысл. Так на стр. 92, где я даю краткую, но высокую художественную оценку Владимирской иконы богородицы, редактор возмущенно спрашивает – «что за восхваление?», а ниже, перечеркивая описание этой иконы, предлагает: «Так расписывать орудие поповского обмана недопустимо, обязательно исключить или кардинально переделать». На стр.95, против моей характеристики знаменитого храма на Нерли редактор замечает: «Уж очень много “гениальных творений” в поповском обиходе! Убавьте». (Также на стр. 154.) Далее на стр 151 против описания Успенского собора редактор пишет: «Нужно ли такое восхваление?» или на стр. 69 – «к чему такое любование собором?» Почти при всех сильных эпитетах, характеризующих положительно па-

мятники искусства, литературы или отдельных лиц, мой редактор отмечает: «сильно!», «сильно сказано!» (стр. 25– 26, 47, 68, 72, 99, 114 и др.). Удивительно, что в наши дни отмеченные огромным ростом интереса к истории русской культуры и искусства и ее памятникам, гордостью великими людьми прошлого и творениями русского гения мой редактор продолжает видеть напр[имср] в Покрове на Нерли только предмет «поповского обихода», а во Владимирской иконе «орудие поповского обмана»?! Что бы было, если бы т. Румянцев оказался редактором готовых ныне к изданию I и II томов «Истории русского искусства» под ред. акад. И. Э. Грабаря, где почти все посвящено этим «орудиям поповского обмана» и сказано о них посильнее и куда подробнее, чем осмелился я в моей книжке? Ему, видимо, вообще не нравится, что в древнерусской культуре есть сверкающие страницы, ему хочется видеть все сереньким, посредственным: ведь, по Румянцеву, не русский народ, а «попы» создали Покров на Нерли и Успенский собор! По инерции мой редактор на стр. 243 возмущен и тем, что я сказал о «военном гении» Александра Невского: «Опять гений!» – удивляется т. Румянцев. В каком же стиле надо излагать мою тему? А вот в каком – Там, где я раскрываю содержание и политический смысл праздника Покрова, у меня на стр. 97 написано: «В чем же заключалась главная суть “покровительства богородицы”?» Редактор делает вставку и фраза читается так: «В чем же заключалась главная суть рекламируемого князем Андресом и его церковниками мшимого “покровительства богородицы”?» Просто и хорошо: Андрей приобретает облик жулика и мерзавца, который сам не верит в то, что делает и надувает, вкуче со «своими церковниками», людей... Да стоит ли посвящать этому темному дельцу, создавшему столько вещей «поповского обихода», целую книгу?

Если пойти по пути т. Румянцева, то он явно приведет к Покровскому или к печально-знаменитым «Богатырям» Демьяна Бедного. Я полагаю, что этот путь «национального нигилизма» и социологизаторства достаточно давно и авторитетно разоблачен и осужден. Не следует забывать и документов Великой Отечественной войны – актов Гос[ударственной] Чрезвычайной Комиссии, в которых вновь с полной ясностью отражено

отношение Партии и Правительства и к памятникам русской древности, разрушенным фашистскими ордами. Так, напр[имер], в ноте т. Молотова от 6. I. 1943 г. так говорится о Ново-Иерусалимском монастыре: «Ново-Иерусалимский монастырь является выдающимся историческим и религиозным памятником русского народа, как одно из крупнейших и красивейших сооружений... немецко-фашистские погромщики... превратили неповторимый памятник русской церковной истории в груды развалин». Вероятно, с точки зрения моего редактора, приведенная характеристика тоже является недопустимым «восхвалением собора» или «поповского обихода»? Наконец, современная работа Советской власти по охране и реставрации памятников искусства, и в том числе огромного количества церковных памятников, работа исследовательских учреждений по их изучению исходят из того же сознания непреходящей ценности для народа этих созданных им на протяжении веков памятников.

Я полагаю поэтому, что о древнерусской культуре и передовых деятелях древней Руси писать можно и должно, и писать так, как написаны первые тома академических «Историй» русской литературы и русского искусства, как пытался написать и я свою книжку. Нужно прививать народу любовь к достижениям русской культуры от ее начальных шагов, воспитывать гордость трудами крупнейших исторических деятелей прошлого – в этом один из элементов воспитания любви к Родине. В том, что 9 столетий ее истории фактически принадлежат средневековью, что все эти века религия была господствующей идеологией, а искусство и литература развивались в церковной сфере нет решительно ничего позорного и заслуживающего умолчания или третиования. Примечательно, что и в этой сфере церковного искусства народ сумел выразить свои художественные идеалы и создать произведения мирового масштаба. Едва ли случайно в подписанном В. И. Лениным Постановлении СНК от 2. VIII. 1918 г. о постановке памятников великим деятелям социализма, революции и проч. В ряду семи русских художников первым стоит имя Андрея Рублева – великого русского художника-иконописца XIV–XV вв.

Такова основная линия моих возражений моему редактору.

В заключение несколько мелких замечаний: 1) я в трех местах цитирую «Историю Украины-Руси» Грушевского (стр. 35, 163 и 313): редактор был крайне возмущен и указал на полях, что Грушевский – реакционер, историк-националист и пр. и перечеркнул эти цитаты. Я не настаиваю на них, но возникает вопрос: мы отказываемся и от тех положительных научных обобщений, которые сделал Грушевский? Книга акад. Б. Д. Грекова «Киевская Русь» свидетельствует об обратном – он не раз цитирует Грушевского и ссылается на него. Полагаю, что и в этом мелком вопросе мой уважаемый редактор не прав. 2) На стр. 27, 28, 45 у меня идет речь об опекуне Юрия Долгорукого варяге Георгии. Видимо т. Румянцев в том факте, что Георгий – варяг увидел призрак норманизма или угрозу «северной расы» ибо «варяг» исчез, но появилось определение – «воспитатель», «дядька»! К чему эта явная «перестраховка»?

Направляя Вам исправленную мною рукопись книги «Андрей Боголюбский», я и считаю своим долгом сопроводить ее настоящим письмом.

С глубоким уважением к Вам –
Зав. Сектором древней Руси ИИМК АН СССР
доктор исторических наук

профессор [подпись] (Н. Ворониц)

4. XI. 47.

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Лл. 3–10 (машинотпись).

РЕЦЕНЗИЯ

Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский. Изд. АН СССР, 1948, с.с. 1–229.

Книге Н. Н. Воронина присущ ряд крупных пороков, которые делают ее издание в настоящем виде невозможным.

Наиболее существенный недостаток книги – постоянное сползание автора на апологетику фактов³. Н. Н. Воронин пишет: «князь Андрей предстает перед нами как центральная фигура более чем столетия исторической жизни великорусского северо-востока и Руси в целом... Эти общие соображения определяют рамки и самую конструкцию нашей книжки» (с. 3). Нужно признать, что автор последовательно исходит из этой порочной посылки⁴.

Некритически следуя в изложении исторических событий за южной летописью, автор безудержно восхваляет Владимира Мономаха (с. 20)⁵ и говорит, что его сыновья «опираясь на любовь киевлян к Мономаху и его роду» (с. 25), стремились прочно обосноваться в Киевщине.

Политическое положение Киевщины Н. Н. Воронин характеризует по А. Е. Преснякову (стр. 25, сн. 10); он не говорит читателю⁶, что в ту пору (в половине XII в.) Киев стал (как это ясно вскрыто Б. Д. Грековым) помехой развитию отдельных княжеств – «полугосударств», что местные князья начинали проводить собственную политику, тесно связывая свои интересы с местной властью, стремясь увеличить свои земельные владения, повысить их доходность.

Автор упускает из виду, что уже во время Юрия Долгорукого наличествовала и другая тенденция, тенденция к объединению русских земель вокруг крупнейших феодальных центров на новой экономической основе. Вслед за киевским летописцем Н. Н. Воронин дает неверную, искаженную оценку деятельности Юрия Долгорукого, забывая, что Юрий – первый из ростово-суздальских князей добился большого успеха – из нового феодального центра дотянулся до Киева и Новгорода («Долгорукий»!)⁷.

Эту политику князя Юрия автор именует «киевскими авантюрами» (стр. 40); хотя в этом утверждении Н. Н. Воронин не последователен: то он говорит, что Юрий Долгорукий пытался объединить Русь из Киева (с. 46), то сообщает, что для Юрия Киев был лишь источником обогащения (с. 38)⁸.

Сама феодальная война за Киевщину изложена без должного анализа, подана в виде трудного для чтения описания распри некоторых лиц из дома Мономаховичей («Мечта Юрия о киевском столе исполнилась» – стр. 36); автор не понимает феодальной сущности этих войн, ибо говорит, что Киев стал «причиной» «разъединения и вражды» князей (стр. 46)⁹.

Не дав правильного рассмотрения деятельности Юрия Долгорукого за пределами Ростово-Суздальского края, автор недооценил и внутреннюю его политику (с. 36)¹⁰ и в итоге солидаризовался в оценке этого князя сперва с В. Н. Татищевым (с. 37), а затем с С. М. Соловьевым (с. 39).

Напротив, говоря об Андрее Боголюбском, автор ударяется в другую крайность и вслед теперь уже за княжеской владимирской летописью воспеваает князя Андрея, отвлекаясь от критики источника. от классового анализа, от общественно-политических задач, преследуемых издательством Советской Академии Наук¹¹.

Н. Н. Воронин восторгается военными доблестями Андрея (с. 48)¹²; он повторяет слова К. П. Бестужева-Рюмина, что «хитрость была противна гордой натуре Андрея» (с. 44, ср. с. 48), хотя выше сам писал о его византийской хитрости (с. 40)¹³.

Автор подробно пишет о бабках и прабабках князя Андрея (с. 40), чтобы определить какая кровь текла в его жилах; ниже он, вновь возвращаясь к этой теме, замечает: «А в жилах Андрея текла русско-половецкая кровь! Однако это не остановило его политической мысли» (с. 84)¹⁴.

Если в составе крови князя Андрея автор по-видимому разобрался, то дать правильную оценку социальной политики Боголюбского ему не удалось. В этом вопросе Н. Н. Воронин вновь следует за С. М. Соловьевым (с. с. 57, ср. с. 60, сн. 45, ср. с. 201), считая опорой князя одних только горожан¹⁵.

В духе буржуазной методологии (игнорируя известные указания Энгельса) автор отрицает роль крестьянства в процессе укрепления великокняжеской власти (королевской) власти. Он пишет, что «крестьянство, составлявшее, конечно, большую часть военных сил князя Андрея, было решительно равнодушно к его планам» (с. 62, ср. с. 137)¹⁶.

Кроме того автор вообще недооценивает значения крестьянских движений на Руси: известные восстания крестьянства в середине XI в. он считает «субъективно-реакционными» (с. 12)¹⁷, полагая, что крестьяне проповедовали возврат в «золотой век» патриархальной старины»; при этом Н. Н. Воронин забывает о других требованиях крестьянства, нашедших свое отражение не только в летописях, но и в статье 33 «Краткой Правды»¹⁸.

Не вскрыв полностью роли крестьянства и лишив усиление великокняжеской власти должного обоснования¹⁹, автор, без критики воспринимая княжеское церковное летописание, допустил переоценку значения церкви: «В политической работе (терминология! – В. П.)²⁰ Боголюбского церковный вопрос занимал особенно значительное место» (с. 4)²¹.

Еще яснее это выражено в другом замечании автора: «в борьбе Юрия церковь и искусство стояли еще (так! – В. П.) на втором (!) плане, уступая поле боя силе меча» (с. 33). Видимо при князе Андрее церковь вышла на второй план²².

Автор говорит об этом вполне ясно: «союз церкви и князя делал несравненно более мощным союз князя и горожан» (с. 93), раскрытие этой формулы находим в словах: «их (горожан. – В. П.) слабые (так! – В. П.)²³ силы умножились слепой верой в “чудо”, в сверхъестественную “помощь” богородицы» (с. 99); вряд ли кавычки спасают здесь автора от фидеизма, от апологетики церкви.

Несколько ниже автор пишет, что «усилиями церкви и искусства» была создана «иллюзия» «единства интересов народа и князя» (с. 146)²⁴; притом ссылка здесь сделана на Н. М. Карамзина, из труда которого и приведена цитата. Таким образом, если оценку Юрия Долгорукого автор свел²⁵ к В. Н. Татищеву и С. М. Соловьеву, то характеристика Андрея Боголюбского дана в соответствии с Н. М. Карамзиным. Наконец, в определении

исторического значения преемников Андрея автор следует за А. Е. Пресняковым (с. 188, сн. 31)²⁶.

Н. Н. Воронин далее утверждает, что «хаосу феодального дробления» князь Андрей «противопоставлял не только “плотную силу” своих полков, но целую новую систему политического устройства и идейных концепций, которые складывались в ходе работы (!) Андрея» (с. 207). Чем характеризуется эта «новая система» автор не говорит²⁷, но одна фраза позволяет нам судить и о взглядах Н. Н. Воронина на сей предмет.

Говоря о социальной политике Андрея Боголюбского, автор, упомянув о классовых противоречиях, продолжает: «Росла жестокая эксплуатация деревни, очевидно и городские низы не ускользали от кабальной петли. Несомненно и сам Андрей был крут и самовластен и его руку народ не раз ощущал. Отвлеченный своими большими делами и планами он мог и не видеть того, что творила сго чиновная челядь в городах и селах, тех злоупотреблений, произвола и насилий, которые чинились сго именем в сго земле» (с. 146).

Прочитав такую фразу перестасшь удивляться, что основные выводы автора совпадают с выводами не только А. Е. Преснякова и С. М. Соловьева, но и Н. М. Карамзина и В. Н. Татищева. Методология автора ясна, и его объяснение причин гибели Андрея²⁸ тем, что князь «опоздал стать “грозным”» (с. 147), наряду с утверждением, что у князя Андрея было больше «врагов», чем «друзей» и что среди «врагов» находился «феодальный мир Руси» (с. 189) – лишь дополняют картину.

В этом плане, наконец, любопытна и заключительная глава («Суд потомков»), где автор с трогательной беспомощностью делит историков, судивших об Андрее, на «историков XIX века» и «новейших историков» (с. 203), причем среди последних встречаем имена М. Н. Покровского и Б. Д. Грекова²⁹.

Однако оценка книги Н. Н. Воронина была бы неполной, если не затронуть одну ее важную особенность: если в изложении светской истории автор постоянно сбивается на апологетику княжеской власти³⁰, то в изложении церковных дел (которым отведено большое место), он сползает в поповщину, в фидеизм.

Формально все обстоит благополучно: автор берет «чудеса» в кавычки, говорит о феодальной сущности церкви, но если этой стороне дела обычно посвящаются несколько сухих фраз, то восторженные описания литературы, живописи, зодчества³¹, как проявлений передовой роли церкви, занимают десятки страниц.

Автор не сокращая цитирует длиннейшие куски религиозных текстов о «чудесах», «псалмах» и т. п., причем слово «бог», «богородица», даже «божий» идут у него с заглавных букв (см. с. с. 24, 32, 47, 50–51, 63–93, 94–108, 142, 165, 190 и др.). Этим особенно грешат главы: «Меч духовный» и «Литература», да и вся книга носит на себе налет церковщины³².

Видимо желая быть «современным», автор отметил, что на Руси культ богородицы появился раньше, чем на Западе (с. 217, сн. 36)³³; зато, говоря об архитектуре, автор отмечает, что князь Андрей «отталкиваясь от Византии», «смотрел на Запад» (с. 81)³¹. Укажем, что вся глава об архитектуре, как «андреевском зодчестве» (с. 110), сводится к умиленному описанию «андреевских храмов» (с. 114), созданных «андреевскими мастерами» (с. 112).

Не удивительно, что и политическая деятельность князя Андрея обуславливается потребностями церкви³⁵. Фактически борьба владимирского князя за Киевщину объяснена религиозными причинами (с. с. 128–129), а победа над Киевом подана следующим образом: «Киев не только терял значение русской столицы. Город, являвшийся престолом ненавистного византийского митрополита, был лишен всего церковного благолепия и никакая “небесная помощь” не защитила Киева – так, в глазах летописца, был отягчен грехами этот город. Теперь над Русью должен был ярче и горделивее гореть золотой купол владимирского Успенского собора – храма богородицы, “покровительницы” дел Андрея и его людей...» (с. 129).

К этому собору автор возвращается неоднократно; по его мнению Ярополк Ростиславич, вступив во Владимир, «с особой яростью» «ударил по Успенскому собору – символу андреевского самовластия» (с. 148); зато другой князь Михалко Юрьевич, заняв Владимир, «прежде всего (так! – В. П.) вернул Успенскому собору его имени...» (с. 148)³⁶.

В сравнении с этим «церковным» решением важнейших политических вопросов феодальной действительности блекнут рассуждения автора о религиозно-психологических переживаниях князя Андрея³⁷ накануне «развязки» (с. 140)³⁸, хотя и здесь есть любопытные замечания, например: «Трагизм одиночества и колебаний, сознание своей правоты и растущих сил сопротивления – все эти переживания столь понятные в последние годы жизни Андрея, находили свой отклик в псалмах царя Давида» (с. 142).

Автор чужд марксистского источниковедения; он не идет дальше мысли, что «южные и новгородские летописи осветили сравнительно полно, но и очень взволнованно (!) и вероятно иногда пристрастно сго (князя Юрия. – В. П.) деятельность на юге и особенно кровавую эпопею войн за Киев» (с. 22). Политическая сущность летописной работы в отдельных феодальных центрах осталась вне поля зрения автора³⁹. Н. Н. Воронин обильно и некритически цитирует не только ранние летописи, но и Никоновскую (напр. с. 92) и известия В. Н. Татищева (с. с. 57–58, 116, 142 и др.)⁴⁰.

Н. Н. Воронин легко создает гипотезы, основанные больше на внутренней убежденности их автора, чем на фактах: об отравлении князя Юрия (с. 37), о поджоге ростовской церкви (с. 66), о датировке казни епископа Федора и т. п.⁴¹

Итак, книга Н. Н. Воронина неудовлетворительна как по приемам источниковедческого анализа, так и по методам политической интерпретации фактов.

Коренная переработка книги является необходимым условием ее опубликования.

Пашуто В.

1. X. 1948 г.

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Лл. 11–18 (машинпись).

[ЗАПИСКА Д. Е. МИХНЕВИЧА Н. Н. ВОРОНИНУ]

Дорогой Николай Николаевич,

Посылаю этот отзыв. Прошу рассматривать это как частный мой шаг, т. к. рецензия была написана не столько для автора, сколько для нас. Отсюда и некоторая резкость тона. Впрочем, это – пустяки. Вашего решения ожидаю возможно скорее, т. к. надо решить, что делать с набором.

Жму руку

[подпись]

23. X. 48.

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л. 19 (рукопись).

[ПИСЬМО Д. С. ЛИХАЧЕВА Н. Н. ВОРОНИНУ]

Дорогой Николай Николаевич!

Рецензия Пашуто явно имеет «целевую установку»: не пропустить книгу. При всей сдержанности выражений он крайне раздувает свои мягкие иногда возражения, облачая их в тогу принципиальной и марксистской критики. Это в особенности касается всех его спорных, мелких придирок источниковедческого характера. Он упрекает Вас в некритич[еском] использовании тех или иных источников, но можно ли заниматься анализом источников в популярной книге? О том, что книга популярная, Пашуто нарочно умалчивает (как и в случае с моей книгой у Тихомирова). Вы совершенно законно следуете за летописью: а за чем же еще следовать? Почему, например, нельзя пользоваться Никонов[ской] летописью! М. Д. Приселков постоянно указывал на ошибки и тенденц[иозность] в Никонов[ской] летописи, но, тем не менее, в Никонов[ской] летописи, как показал Комарович, используется древнейшая Ростовская летопись и поэтому обойтись без Никонов[ской] летописи в анализе княжения Боголюбского нельзя. Никонов[ской] лет[описью]

всегда пользовались (сам Б. Д. Греков) и будут пользоваться. Пашуто гиперболизирует выводы Приселкова. Я также думаю, что законно следовать за той летописью, которая наиболее подробно описывает то или иное княжение, конечно, относясь к данным летописи критически. Поэтому Вы правильно поступили, что в описании княжения Юрия следовали Ипатьев[ской] летописи, а в описании княжения Андрея – Лаврентьевской. Пашуто, по-видимому, считает, что отрицательное отношение южного (Ип.) летописца к Юрию и положительное отношение северного (Лавр.) летописца к Андрею отразилось в Вашем предпочтении второго первому. Но ведь безусловно так: Андрей фигура более значительная, чем Юрий. В своей приселковщине Пашуто вовсе не заметил такого историч[еского] источника как архитектура, такого – как литература, такого – как живопись. А эти источники говорят также в пользу Андрея.

Достоинства Вашей работы в том, что Вы использовали данные матер[нальной] культуры как источник. Для меня сейчас, напр[имер], совершенно ясно, что об Андреасе может написать только историк-искусствовед. В этом принципиальное значение этой книги.

Без текста Вашей книги я не в силах «оценить» другие указания Пашуто – о том, что Вы «следуете» за Татищевым, Карамзиным, Соловьевым, Пресняковым и пр. Здесь, очевидно, он прицепился к тому, что Вы цитируете этих авторов. Очевидно их цитировать нельзя, нельзя и соглашаться с ними!

Гнусное впечатление на меня произвели попытки Пашуто рассорить Вас с Грековым (дважды). Здесь виден подхалим.

Основное в рецензии Пашуто приберет к концу: это «поповщина» и «фидеизм». Именно этого-то, очевидно, и боится Греков, и именно из-за возможно этих упреков и заказал Пашуте (так в тексте. – Ю. К.) его рецензию. Очевидно, что сейчас нужно выбросить утверждение Энгельса о господстве богословия в средние века! Как же можно забывать для средних веков такой фактор как религия. Андрей использовал церковь в интересах своей политики – это же несомненно! Неужели утверждать значение церковных вопросов для средних веков означает «поповщину». Не верю, чтобы так думал и Пашуто, но, очевидно, и

Греков и Пашуто боятся в соврем[енной] ситуации напомнить об этом значении. Вот почему Греков и хочет задержать Вашу книгу по принципу: «как бы чего не вышло».

Относительно крестьян по-моему написаны глупости. Указание Энгельса относятся к другому периоду, восстания смердов здесь ни причем, а причем – оглядка на грековских «крестьян».

Я думаю, что положение с Вашей книгой ясное: от Вас просят, чтобы Вы забрали ее назад. Я думаю, что и следует сделать, так как не можете же Вы изменить свое отношение к памятникам искусства эпохи Андрея. А ведь именно Ваше любовное отношение к русской старине и вызывает судороги в поджилках. Я уверен, что пройдет 2–3 года и Вы сможете напечатать своего Андрея, а сейчас лучше подождать, т. к., в конце концов, – не Пашуто, так С. Покровский станет по выходе Вашей книги в «благородную» и принципиальную позу (так свойственную шулерам) и играя «благородными» интонациями голоса (я всегда воображаю этот рокот благородства, исходящий прямо из живота, когда читаю подобные статьи) «вдарит» Вас оглоблей по черепу.

Стоило ли Пашуте подписываться «В», когда приселковщина так и торчит из него (не Приселков, а именно «приселковщина» – (слово неразборчиво. – Ю. К.) Приселкова). Ответьте кратко Грекову: скажите, что с рецензией Вы не согласны, что она тенденциозна, что Вы не можете согласиться с требованиями, запрещающими пользование Никонов[ской] лет[описью], также (? – Ю. К.) с запрещениями указывать на роль церкви в средние века, что книгу Вы отказываетесь переработать. Не пишите много, а кратко, т. к. никого Вы своим ответом не убедите (нельзя опровергнуть доводов, имеющих невысказанную, тайную подоплеку). Ответить же кратко все же нужно, чтобы дать понять Грекову и Пашуте, что Вы не считаете себя разбитым. Нельзя же, в самом деле, согласиться иначе (? – Ю. К.) с обвинениями в «фидеизме», «поповщине», игнорировании марксистского источниковедения и пр.

Ох, как все это гнусно. Можно сделать только один вывод: сейчас не время для попул[ярных] книг. Надо писать узкие

исследования, отчеты об экспедициях и т. д. При недоброжелательности и недобросовестности критиков легко «разнести» любую популярную работу (критик объявляет точку зрения автора не доказанной, не обоснованной, не марксистской и все).

Сегодня второй день, как я встаю с кровати. Почерк отвратительный. Боюсь, что Вы его не разберете. Да и пишется как-то скверно: фраза получается корявой. Мы с Романовым собираемся издавать «Пов[есть] вр[еменных] лет». Но я очень боюсь за примечания: там будет много Шахматова (а он в Л[енингра]де объявлен прямо-таки врагом, членом ЦК кадетской партии, – что, кажется, неправда), будет много старых исследователей, а новых-то маловато. Романов ожидает с крайним нервным раздражением (не спит ночами) обсуждения своих «Нравов».

В Ин[ститут]е у нас второй день идет самокритическое собрание. Какие именно мои работы предлагал обсудить С. Покровский? На что еще у него чешутся кулаки – на Шахматова или на культуру др[евней] Руси?

Наше собрание в Ин[ститут]е по словам Варв[ары] Павл[овны]¹² носит спокойный и деловой характер. Плоткин (? – Ю. К.) нашел как будто бы подходящий тон для доклада и тем задал тональность для ответных (? – Ю. К.) выступлений.

Не знаю какой тон даст обсуждениям в ЛОИИ Аввакумов.

Читали ли Вы мою статью в № 9 «Вопросов истории»?

Привет Екатерине Ивановне. Не огорчайтесь, дорогой Ник[олай] Ник[олаевич]! Все будет хорошо. Главное не терять работоспособность. «Андрея» своего Вы еще увидите изданным и получившим признание. Оттого, что он полежит у Вас в столе он не станет хуже, а, может быть, Вы сможете его еще дополнить.

От Варв[ары] Павл[овны] Вы уже наверняка получили предложение принять участие в сборнике, посвященном «Слову о п[олку] Иг[оревом]».

Ну, пойду лягу: чувствую еще себя слабым.

С Грековым все-таки не ссорьтесь (его можно понять по человечески), ответ свой сделайте кратким, мягким, но с чувством

достоинства. Я думаю Вы и сами, без моих советов, сумеете пай-ти форму для выхода из положения.

Что такое все-таки Пашуто?

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Лл. 20-21 (рукопись).

АКАДЕМИКУ Б. Д. ГРЕКОВУ

Копия в Ред[акционный] отдел Издательства
АН СССР, Д. Е. Михневичу.

Глубокоуважаемый Борис Дмитриевич!

Я внимательно изучил рецензию т. Пашуто на мою книгу «Андрей Боголюбский», преданную мне из издательства. Не скрою, что после Вашей положительной оценки, которая была для меня высшим одобрением и с которой книга дошла до подписания ее к печати, отзыв т. Пашуто и Ваше неожиданное согласие с ним меня крайне поразили.

Будучи благодарен мосму рецензенту за ряд конкретных указаний на отдельные ошибки, погрешности, или противоречия, которые необходимо учесть, я никак не могу согласиться с общими положениями и выводами рецензии. Для меня ясно, что она не принципиальна, так как автор как бы «не заметил» в книге ее главного лейтмотива, попытки по новому показать историю Владимирской земли и деятельность одного из ее крупнейших строителей – Боголюбского, дать эту тему, основываясь на всей совокупности источников – письменности, искусства и культуры. Автор рецензии видимо отрицает и самую правомерность подобного сочетания источников, так как они вызывают лишь его раздражение. Он также забывает, что моя книга популярная и что в ней я не мог занимать читателя источниковедческими вопросами, но лишь излагал результаты своей работы над источниками.

Не могу согласиться с двумя основными положениями рецензии, к которым сводятся ее отдельные критические замечания: книга «неудовлетворительна 1) как по приемам источниковедческого анализа, так и 2) по методам политической интерпретации фактов» (стр. 8).

1) т. Пашуто полагает, что я «чужд марксистского источниковедения», каковым он видимо считает метод Шахматова–Приселкова и последователем которого сам рецензент является. Мною учтены все результаты работ Приселкова по моей теме, в чем можно убедиться из текста и примечаний книги. Пашуто полагает, что моя оценка Юрия и Андрея – плод некритического использования враждебного Юрию киевского летописания и княжеской владимирской летописи для «преувеличенной» оценки Андрея! Как известно, данными местного летописания для времени Юрия мы не располагаем, а что касается Андрея, то в книге достаточно ясно показана его отрицательная оценка в южном и повгородском летописании. Я же, опираясь, кроме того, на показания памятников искусства, литературы, считаю более заслуживающими доверия сведения об Андрее владимирского летописания. Я пользуюсь и Никоновской летописью так как в ней, по мнению ее исследователей, ныне покойных Н. Ф. Лаврова и В. Л. Комаровича, с которыми я неизменно консультировался еще при работе над диссертацией, есть следы древнейшей Ростовской летописи.

2) Порочные «методы политической интерпретации фактов» выражаются в моей книге: а) в искажении деятельности Юрия б) в «воспевании» деятельности Андрея и «апологетике княжеской власти» и в) в преувеличении прогрессивной роли церкви, «фидеизме» и «поповщине».

а) В отношении Юрия рецензент не привел ничего, опровергающего мою отрицательную оценку. Деятельность Юрия не вела вперед, хотя бы он и «дотянулся» до Кисва и Новгорода. Я бы мог лишь несколько смягчить тон изложения, но полагаю, что суть дела не в этом.

б) Боголюбский – глубоко прогрессивная, по сравнению с Юрием, фигура. Неверно, что в этом своем утверждении я «отвлекаюсь от классового анализа». Я, как кажется, впервые со-

брал большой материал для освещения союза «князь, город, люди», лежащего в основе политической работы (этот термин почему-то не нравится рецензенту!?) Андрея. Да, горожане были опорой княжеской власти ставившей объединительные задачи. В этом я никак не расхожусь с Энгельсом, ибо его указание о роли крестьянства в усилении королевской власти относится к более позднему этапу этого процесса. Что же касается отношения крестьянства Суздальщины XII в. к деятельности Боголюбского, то оно в это время, как можно полагать, пока ощущало лишь усиление эксплуатации от «новых» андреевых «дворян», «милостыльников», являвшихся наряду с горожанами, опорой политики Андрея. Здесь было бы более правильно сопоставить положение Андрея с теми позднейшими грузинскими царями, объединительные попытки которых разбивались «о капризы князей и равнодушие крестьян» (И. В. Сталин). Я не раз говорю о «преждевременности» и «обреченности» объединительных планов Андрея показывая, что силы горожан были слабы, что экономические основы для централизации власти не созрели. Вряд ли с этим можно спорить. Странно, что рецензент, прочитав книгу, и дойдя до стр. 207, где я говорю о «новой системе политического устройства и идейных концепций» времени Андрея отметил, что «чем характеризуется эта “новая система” автор не говорит» (стр. 4)! Освещению же этой темы и посвящена вся книга. Отмечу, что Андрей меня интересует не только как бесплотная социологическая схема, но и как живой, реальный человек, поэтому считаю, что мое стремление понять его переживания и вскрыть его личный характер правомерно, хотя оно и вызывает раздражение рецензента (стр. 7). В общем его внимание оказалось сосредоточенным не на существе книги, а на «вылавливании» тех сюжетов, где мои выводы совпадают с теми или иными выводами историков XVIII–XIX вв.

в) Наконец о «поповщине» и «фидеизме». И в предисловии и в тексте я кажется достаточно ясно выразил свое отношение к церкви, ее феодальной сущности и т. п. Но я не мог и не могу «ухудшить историю». Мой рецензент и здесь читал книгу как бы закрыв глаза. В главах «Искусство», «Литература», «Меч духовный» он увидел лишь «восторженные описания (?) литера-

туры, живописи, зодчества, как проявлений передовой роли церкви» (стр. 6, подчеркнуто мною). Смысл же этих глав – в анализе этих источников, в показе того, что церковная борьба времени Андрея имела антивизантийский, национальный характер, что это была форма борьбы за независимость русской культуры. Для этого нужно и цитировать «длиннейшие куски» церковных произведений, и описывать памятники церковного искусства, вскрывать их идейно-политический смысл. Памятниками архитектуры времени Андрея мы должны гордиться, прививать любовь к этим великим творениям русского гения, в которых едва ли не ярче, чем в письменности, запечатлен прогрессивный смысл исторической работы Андрея. Это не «умилнение», а чувство национальной гордости. Едва ли советский историк и его читатель, зная что религия является господствующей идеологией средневековья (Энгельс) должен пугаться церковных источников и церковного искусства в частности Владимирской земли XII в. Если мы пользуемся летописями, в огромном большинстве созданными церковниками, то почему нельзя пользоваться как историческим источником собственно церковной литературой, памятниками церковного искусства? Вы сами, Борис Дмитриевич, дали превосходный образец такого комплексного освещения культуры Киевской Руси и едва ли придет кому-либо в голову Ваш приподнятый тон в характеристике напр[имер] Софии Киевской назвать «поповщиной», «фидеизмом» или «умилением»... Если бы я отказался от этой, по определению рецензента, – «церковщины», я бы не смог нарисовать той картины идейно-политической борьбы, которая дана в книге, не смог бы показать того большого сдвига в развитии культуры Владимирской земли, который связан с Андреем. «Налет церковщины» на моей книге не может быть удален ибо сама эпоха, о которой идет речь, пронизана этой самой «церковщиной». Полагаю, однако, что моя интерпретация этой «церковной» темы не расходится ни с фактами, ни с марксизмом.

Нельзя в заключение не отметить одного примечательного пассажа моего рецензента. Не заметив, что вся книга направлена на то, чтобы показать высокий уровень политического и куль-

турного развития Владимирской земли в XII–XIII вв., т. Пашуто пишет: «Видимо желая быть “современным”, автор отметил что на Руси культ богородицы появился раньше чем на Западе...» (стр. 6). Если «современность» моей книги автор усмотрел лишь в этой третьестепенной и попутно брошенной справке о богородичном культе, то мне с ним спорить трудно, так как с моей точки зрения вся моя книга, конечно, не свободная от недостатков и ошибок и может быть спорная, современна целиком.

Сообщая Вам, Борис Дмитриевич, о своих возражениях моему рецензенту и отказываясь поэтому перерабатывать мою книгу, что является условием ее публикации, я дал Издательству согласие на рассыпку набора.

Х. 48.

[подпись] Н. Воронин

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Лл. 23–25 (машинотпись).

В РЕДАКЦИОННЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА АН СССР

В связи с В/запросом о печатании книги Н. Н. Воронина «Андрей Боголюбский» сообщаю, что ее текст подлежит значительной переработке в части оценки кн[язя] Юрия Долгорукого, церковной политики Андрея и заключительной части. Прошу в связи с этим не сохранять существующий набор и перезаключить с Н. Н. Ворониным договор с тем, чтобы повторный набор не отразился на оплате авторского гонорара.

(академик Б. Д. Греков)

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л. 22 (машинотпись).

**ДИРЕКТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА АН СССР
А. И. НАЗАРОВУ**

Глубокоуважаемый Алексей Иванович.

По Вашему предложению излагаю свои соображения по вопросу о переработке и издании моей рукописи «Андрей Боголюбский».

Названная работа была написана мною по предложению Редакции научно-популярной серии в 1945–1946 гг. и сдана мною по договору № 977 от 19. VIII. 1947 г. в том же 1947 г. Одобренная редактором акад. Б. Д. Грековым, тщательно отредактированная мною по указаниям Ред. отдела и доведенная производством до подписи к печати, книга была рассыпана в связи с отрицательным отзывом В. Т. Пашуто, ознакомившимся с книгой по поручению Б. Д. Грекова. Мое отношение к рецензии я подробно изложил в письме по этому поводу Б. Д. Грекову и в Ред. отдел Издательства.

Летом текущего года в связи с неоднократными напоминаниями т. Пашуто о необходимости переработки и издания моей книги, я специально советовался с ним по этому вопросу. В итоге нашего обсуждения т. Пашуто высказал мнение, что подобная книга биографического характера об Андрее Боголюбском в настоящее время не актуальна, что я должен не перерабатывать эту книгу научно-популярного характера, а создать фактически новую исследовательскую работу по истории Владимиро-Суздальской земли в целом. Нет сомнения, что такая книга нужнее, но это новая задача и новая работа.

К тому же я не представляю себе точки зрения на этот вопрос редакции научно-популярной серии – насколько она считает в настоящее время издание такой книжки своевременным. Ведь когда эта книга писалась, то она мыслилась как часть серии, посвященной крупным историческим фигурам русского прошлого, в ней вслед за книгой акад. А. С. Орлова о Мономахе предполагалась книга о Ярославе Мудром и других, в том числе и об Андрее. Сейчас, насколько я знаю, таких планов нет, а научно-популярная серия нацелена главным образом на вопросы точных наук и проблемы техники. Если не ошибаюсь в 1949 или

в 1950 г. редакция научно-популярной серии отклонила мое предложение переиздать мою расширенную и переработанную книгу «Древнерусские города» (изданную в 1945 г.), как не актуальной. Из этого я могу заключить, что переработка моей книги и об Андрее для популярной серии не представит интереса.

В настоящее время я полностью загружен работой по ИИМК, где, кроме своей научной темы, веду большую редакционную работу, а по состоянию здоровья подорвавшегося за два последние года я не могу перегружаться срочной сверхплановой работой. Поэтому Ваше предложение переработать книгу, написанную семь лет назад, – для меня очень заманчивое, но и очень трудное и ответственное я мог бы принять лишь при полной уверенности, что такая книга действительно нужна для научно-популярной серии и при условии значительного срока (не ранее конца 1954 г.), т. к. книгу придется в основном переписывать наново.

Уважающий Вас

12 – XII – 1952 г.

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л. 26–27 (машинопись).

В РИСО АН СССР

Отзыв о работе Н. Н. Воронина «Андрей Боголюбский»

История В[ладими́ро-]С[уздальской] Руси до последнего времени оставалась мало изученной. Между тем, история представляет особый интерес, т. к. В[ладими́ро-]С[уздальское] княжество было крупнейшим из европейских гос[ударств] в XII-пер[вой] пол[овине] XIII вв., развитие гос[ударственнос]ти во В[ладими́ро-] С[уздальской] Руси непосредственно предшествовало развитию Рус[ского] центр[ализованного] гос[ударств]а, культурное наследие В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[уси] – славная страница в истории мировой культуры.

Поэтому появление работы обобщающего характера, посвященной истории В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[уси] можно только приветствовать.

Содержание работы проф. Н[иколая] Н[иколаевича] В[оронина] «А[ндрей] Б[оголюбский]» значительно шире ее названия. По существу – это очерки по истории В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[уси], причем основное внимание автор уделяет политической истории и истории культуры.

В значительной части работа является обобщением данных многих спец[иальны]х исследований автора по истории В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[уси], получивших положительную оценку советских ученых.

Работа написана в научно-популярной форме, которой автор – надо отметить особо – очень хорошо владеет. Это сделает книгу доступной и интересной самому широкому читателю. В то же время новые ценные наблюдения и обобщения автора, обилие впервые привлеченного исторического м[атериа]ла, научный аппарат примечаний в конце книги – сделают книгу необходимой и для ученых (историков, литературоведов, искусствоведов и др.), специально изучающих прошлое Руси.

Работа Н[иколая] Н[иколаевича] В[оронина] существенно обогащает наши представления о В[ладими́ро-]С[уздальской] Р[уси], о культуре Древней Руси.

В целом работа Н[иколая] Н[иколаевича] В[оронина] «А[ндрей] Б[оголюбский]» вполне заслуживает напечатания.

Вместе с тем, рекомендуя работу Н[иколая] Н[иколаевича] В[оронина] к печати, полагаю необходимым внести в нее изменения и дополнения:

а) Изменить название работы, озаглавив ее «Очерки из истории В[ладими́ро-] С[уздальской] Руси», т. к. содержание р[або]ты значительно шире собственно биографии А[ндрея] Б[оголюбского], а отдельные главы (I, II, X, XI) даже хронологически выходят за рамки жизни и деят[ельнос]ти А[ндрея] Б[оголюбского]. Для этого необходимо перераспределить м[атериа]л и изменить заглавия в отдельных главах (II, III), дополнить данные об экономике и социальных отношениях В[лади́ро-] С[уздальской] Руси.

б) Уточнить отдельные формулировки и яснее определить отношение автора к некоторым историкам, учитывая, в частности, замечания В. Т. Пашуто.

в) Дополнить работу и переотредактировать заново отдельные ее разделы в связи с изданием после 1948 г. новых исследований, посвященных истории Руси в этот период (переработанное издание книг Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда», «Очерки истории СССР», История культуры Руси, История русского искусства, статьи и публикации Д. С. Лихачева, В. И. Малышева, М. Н. Тихомирова и др.).

Замечания постраничные (большая часть замечаний сделана на полях работы):

стр. 12. Нечетко дана классовая характеристика восстания волхвов, преувеличено прогрессивное значение «сплочения в единый господствующий класс княжой дружины и местной старой чады».

стр. 20. Владимир Мономах занял Киевский престол в 1113 г. не «по приглашению киевлян», а лишь верхушки их. Об этом см. в книге М. Н. Тихомирова «Древнерусские города».

стр. 21. Надо яснее указать причины феодальной раздробленности и дать историческую оценку этого явления.

стр. 38. Нельзя согласиться с характеристикой политики Юрия Долгорукого. См. «Очерки по истории СССР», и статью М. Н. Тихомирова об Юрии Долгоруком, а также II издание книги Грекова и Якубовского.

стр. 38–40. Слишком много психологических догадок в объяснении причин «разгрома Юрьевых приспешников» в Киеве и «генеалогии» Андреев Боголюбского.

стр. 47. Вполне допустимые предположения о том, что именно Андрей руководил уже при жизни отца строительством крепостей и храмов во Владимиро-Суздальской земле недостаточно аргументированы. О внутренней хозяйственной жизни Владимиро-Суздальского княжества, в частности о земельных владениях феодалов (стр. 57) следовало написать не кратко и в середине IV главы, а в начале главы и значительно подробнее. Ибо ведь это и обусловило всю политику Андрея

Б[оголюбско]го. Мысль о «князе, городе и людях» следовало развить подробнее.

стр. 77. Лучше здесь, как и на других сс., заменить слово «национальные» (идеи и пр.) – «общерусские».

К гл[аве] VI во вступлении указать на гибель большинства пам[ятни]ков древнерусской письменности, используя, в частности, книгу Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы».

стр. 94. Вряд ли имеются серьезные основания для утверждения, что литер[атурн]ые интересы времени А[ндрея] были сосредоточены именно на разработке тем, связанных с его церковно-политическими мероприятиями. Ведь большинство памятников светской литературы не дошло до нашего времени, и автор «Слова о полку Игореве», а возможно, что даже и автор «Моления Д[аниила] З[аточника]» были современниками А[ндрея]. Следует также добавить, что даже светское мировоззрение в средние века – как отмечал Ф. Энгельс – было проникнуто религиозными представлениями.

стр. 104. Положение о том, что летописание получило «церковный хар[акте]р» нуждается в дополнительных доказательствах.

стр. 136. Неправильно написано об «авантюристности» политики Ю[рия] Д[олгорукого].

стр. 140. Слишком «психологично» объяснение причин ухода от А[ндрея] Б[оголюбского] «его ближайших соратников незадолго до его гибели». Стоит подробнее написать о рентгене скелета А[ндрея] Б[оголюбского], используя статьи М. М. Герасимова и Рохлина.

стр. 146– 147. Слишком мало написано о народном восстании, поэтому вывод о том, что «показало» восстание (стр. 147) фактически не обоснован.

стр. 176– 177. Не преувеличены ли сознательность и высота гос[ударствен]ных идей князей-участников битвы на р. Липице? Не была ли эта битва антинародной, кровавой?

стр. 180 и след. Автор обходит молчанием недальновидную политику Юрия Всеволодовича, отказавшегося помочь жителям юга в борьбе с татарами, не подчеркивает разницу в поли-

тике А[ндрея] Б[оголюбского] и Всеволода III, общерусской по своему хар[акте]ру, и Юрия Всев[олодови]ча, приукрашивает деятельность Ю[рия] В[севолодови]ча.

Необходимо больше подчеркнуть характерные черты древнерусской народности и к[ульту]ры Др[евней] Руси, используя Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией, одобренные ЦК КПСС.

Надо больше выявить роль народа в борьбе с татарами и неудачное руководство сопротивлением татарам со стороны князей, которые даже в период нашествия врагов не оставили своих тяжб.

В книге следует напечатать карту В[ладимиро-] С[уздальской] Руси, а также привести родословную таблицу В[ладимиро-] С[уздальских] князей.

Считаю целесообразным пригласить в качестве ответ[ственного] ред[акто]ра книги члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева.

10-V-54.

Канд. истор. наук, доцент (С. О. Шмидт)

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Лл. 28-31 (машинотпись).

ОТЗЫВ О КНИГЕ Н. Н. ВОРОНИНА «АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ»

Личность князя Андрея Боголюбского, одного из крупнейших государственных деятелей древней Руси издавна привлекала к себе внимание историков, но скудность дошедших до нас письменных источников не позволяла дать сколько-нибудь полной биографии этого владимирского князя. Взвзявшись за эту трудную тему, Н. Н. Воронин придал ей более широкие рамки: личность Андрея изображается им в рамках по существу всей истории Владимирской земли. Это позволяет автору проследить источники политической теории и практики «владимирского самовластца» и ее судьбы в руках его наследников. Для своей темы автор использует не только данные летописей, но и па-

мятники литературы, церковные произведения, материал изобразительного искусства, архитектуры и археологии. Эта широкая совокупность источников, впервые привлеченных автором для характеристики Боголюбского, обеспечивает ей полноту, хотя и не освобождает книгу от гипотетических или спорных положений. Основные положения книги были конспективно изложены автором в его докторской диссертации «Владимиро-Суздальское зодчество», с которой я хорошо ознакомился, выступая оппонентом на защите диссертации. Теперь эти положения развернуты и развиты в самостоятельную книгу. В ряду биографических книг научно-популярной серии, посвященных выдающимся историческим деятелям древней Руси (Иоанн Грозный – акад. Р. Ю. Виппера, Владимир Мономах – акад. А. С. Орлова), публикация книжки об Андрее Боголюбском представит значительный интерес.

[без подписи]⁴³

Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л.32 (машинотпись).

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- 1 *Вагнер Г. К.* Николай Николаевич Воронин // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 11.
- 2 *Вагнер Г. К.* Николай Николаевич Воронин // Средневековая Русь. М., 1976. С. 5.
- 3 *Черепнин Л. В.* К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 223. Перепечатана в кн.: Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984.
- 4 ВИ 1967. № 2. С. 45.
- 5 *Воронин Н. Н.* Слова в память Михаила Николаевича Тихомирова // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 318.
- 6 ИСССР. 1961. № 3. С. 3.
- 7 Там же. С. 6.
- 8 См. также: *Ковалев И. В.* Материалы по музейному делу и краеведению в фонде Н. Н. Воронина // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 362–364.

І. Родина

- 1 *Марков А.* Топография кладов восточных монет. СПб. 1910, стр. 5.
- 2 Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1897, стр. 10 (далее сокр.: Лавр. лет.).
- 3 *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА СССР, № 5. Л. 1941, стр. 90–91.

- 4 Ср.: *Мартынов М. Н.* Разложение родового строя на территории Верхнего Поволжья. ИООН, 1938, № 1–2, стр. 176, прим. 2.
- 5 *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории, т. I. М. 1938, стр. 94 (далее сокр.: *Пресняков. Лекции*).
- 6 *Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX–X вв. «Исторические записки», вып. 14. М. 1945, стр. 12–13.
- 7 *Лейбович Л. И.* Сводная летопись. СПб. 1876, стр. 121.
- 8 Памятники старинной русской литературы (далее сокр.: ПСРЛит.), вып. 1. СПб. 1860, стр. 229.
- 9 *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», IV, Л. 1937, стр. 44; Его же. К истории племен..., стр. 96.
- 10 *Мартынов.* Ук. соч., стр. 164; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М. 1947, стр. 157 (далее сокр.: *Веселовский*).
- 11 *Титов А. А.* Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М. 1893. стр. 11.
- 12 *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I Археологического съезда в Москве, т. II. М. 1871, стр. 655–656.
- 13 *Ворошиц Н. Н.* Восстания смердов в XI в. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 54–57; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. М. 1946, стр. 512–513.
- 14 *Ворошиц Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА СССР, № 6, Л. 1941.
- 15 *Ворошиц Н. Н.* Восстания смердов; Его же. Медвежий культ.
- 16 *Третьяков П. Н.* К истории племен... стр. 91 и след.
- 17 *Варганов А. Д.* Из ранней истории Суздаля. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XII.
- 18 *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872, стр. 63. О первоначальном «возвышении» Суздаля над Ростовом см.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Птр. 1918, стр. 31–32 (далее сокр.: *Пресняков. Образование*).
- 19 *Третьяков П. Н.* Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья, Ярославль. 1939, стр. 68.

- 20 Тверской летописный сборник. Полное собрание Русских летописей (далее сокр.: ПСРЛ), т. XV. СПб. 1863, стр. 338. О древности боярства на северо-востоке см.: Пресняков. Образование, стр. 31 – 32.
- 21 *Дмитриевский И.* О начале Владимира, что на Клязьме. СПб. 1802, стр. 22–23.
- 22 *Уваров.* Ук. соч., стр. 674.
- 23 *Лавр.* лет. , стр. 355.
- 24 *Корсаков.* Ук. соч., стр. 70.
- 25 Ср.: *Голубинский Е.* История русской церкви, т. 1 – I. М. 1901, стр. 199 и след. (далее сокр.: *Голубинский*).
- 26 Есть предположение, что Леонтий до посылки в Ростов был игуменом пещерного Зверинецкого монастыря в Киеве. *Каманин И.* Зверинецкие пещеры. Киев, 1914, стр. 39 – 42.
- 27 *Титов.* Житие Леонтия.; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, стр. 15 и след. (далее сокр.: *Ключевский.* Жития).
- 28 *Ключевский,* Жития, стр. 35 – 36, ПСРЛит. вып. 1, стр. 222 и след.
- 29 *Голубинский,* т. 1-1, стр. 204, прим. 1.

II. Дед

- 1 *Лавр.* лет., стр. 238; *Шляков Н. В.* О Поучении Владимира Мономаха. СПб. 1900, стр. 7, 19, 42.
- 2 Патерик киевского Печерского монастыря. СПб. 1910, стр. 5 (далее сокр.: Патерик).
- 3 *Алексеев М. П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. «Труды отдела древнерусской литературы». II. Л. 1935, стр. 50 – 53; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. М. 1901, стр. 210–257.
- 4 *Лавр.* лет., стр. 218–220.
- 5 Там же, стр. 243 и след.
- 6 Там же, стр. 229–232.
- 7 Там же, стр. 247.

- 8 ПСРЛит. вып. 1, стр. 32 и 52. Муромская легенда, написанная в XVI в., усилила изображение боярской оппозиции чертами местничества.
- 9 Там же, стр. 229; Лавр. лет., стр. 269.
- 10 *Ворогин Н. Н.* Владимир. М. 1945, стр. 5.
- 11 ПСРЛ, XV, стр. 114 и 230. *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей. СПб. 1868, стр. 66 (далее сокр.: *Бестужев-Рюмин. О составе летописей*).
- 12 *Варганов А. Д.* К архитектурной истории Суздальского собора. «Краткие сообщения ИИМК», в. XI. М. 1945.
- 13 *Варганов А. Д.* Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.). «Краткие сообщения ИИМК», в. XII. М. 1946, стр. 127.

III. Отец

- 1 Лавр. лет., стр. 232; догадка И. Шлякова.
- 2 Патерик, стр. 62 и след.
- 3 Ипатьевская летопись, ПСРЛ, II. СПб. 1908, стр. 259 (далее сокр.: Ипат. лет).
- 4 ПСРЛ, XXIV. СПб. 1921, стр. 72–73. О позднейшем (середина XII в.) оформлении этого рассказа как «чуда» см. ниже, гл. V и VI.
- 5 Ипат. лет., стр. 285.
- 6 Ипат. лет., стр. 285–286.
- 7 ПСРЛ, XV, стр. 193.
- 8 Ипат. лет., стр. 268–269, 715.
- 9 Лавр. лет., стр. 294; Ипат. лет., стр. 309; *Макаренко Н. Е.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. «Сборник в честь П. С. Уваровой». М. 1916, стр. 374–378, 403.
- 10 *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси, СПб. 1909, стр. 62–63, 71, 76–77.
- 11 Прозвище «Долгорукий» не встречается в ранних летописях, оно есть в Тверском летописном сборнике, летописи Авраамки, Никоновской летописи и Степенной книге. См. также: *Татищев В. Н.* История Российская, т. III. М. 1774, прим. 457 (далее сокр.: *Татищев*); *Карамзин Н. М.* История государ-

- ства Российского (изд. 1851–1853 г.), т. II, прим. 375 (далее сокр.: *Кафамзин*); *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. II-1. Киев. 1908, стр. 857, прим. 5; Прозвище «Долго-рукий» (Мхаргрдзели) получил Саргис Великий, крупный армянский феодал, назначенный царицей Тамарой на пост амирмпасалара (военного министра). *Еремян С. Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. «Научные труды Ереванского гос. университета», т. XXIII. Ереван, 1946, стр. 397 (далее сокр.: *Еремян*).
- 12 *Пресняков.* Княжое право..., стр. 80-81; Ипат. лет., стр. 294–295; Новгородская I летопись по Синодальному списку. СПб. 1888, стр. 126 (далее сокр.: *Новг. I лет.*).
- 13 Лавр. лет., стр. 287; *Соловьев С. М.* История России, изд. «Общ. польза», т. I, стр. 368-369 (далее сокр.: *Соловьев*); О сбивчивости хронологии этих событий см. замечание А. Е. Преснякова. Княжое право, стр. 82, прим. 3.
- 14 Новг. I лет., стр. 126–127.
- 15 *Соколов П.* Русский архиерей из Византии. Киев. 1913, стр. 55 и прим. 1 (далее сокр.: *Соколов*).
- 16 Новг. I лет., стр. 127 и след.; Ипат. лет., стр. 300; ПСРЛ, XX, стр. 106.
- 17 Ипат. лет., стр. 304.
- 18 Соловьев, I, стр. 382; Новг. I лет., стр. 131–132.
- 19 Новг. I лет., стр. 133-134; Ипат. лет., стр. 306–309.
- 20 *Пресняков.* Лекции, стр. 333.
- 21 См. характеристику М. Грушевского: История Украины – Руси, т. II. Львов, 1905, стр. 153–154 (далее сокр.: *Грушевский*).
- 22 Ипат. лет., стр. 320–329.
- 23 Там же, стр. 313, 332, 339–342; *Соловьев, I*, стр. 407.
- 24 Ипат. лет., стр. 344, 355–356, 359; *Соловьев, I*, стр. 403, 415, 417, 433.
- 25 Новг. I лет., стр. 136–137; Ипат. лет., стр. 360, 366–367; *Грушевский М.* стр. 158–159.
- 26 Новг. I лет., стр. 137; Ипат. лет., стр. 367–372.
- 27 Новг. I лет., стр. 138; Ипат. лет., стр. 372–373.
- 28 Ипат. лет., стр. 374–378, 382–384.
- 29 Там же, стр. 384–393.

- 30 Там же, стр. 394–416.
- 31 Там же, стр. 422–445.
- 32 Там же, стр. 446, 455–460; ПСРЛ, XV, стр. 219.
- 33 *Соколов*, стр. 58, прим. 1.
- 34 *Соколов*, стр. 60; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб. 1913, стр. 73, 84, 92–93 (далее сокр.: *Приселков. Очерки*).
- 35 *Приселков. Очерки*, стр. 376–390.
- 36 Там же, стр. 291–292.
- 37 *Соколов*, стр. 97.
- 38 *Морозов Ф. М.* Антиминс 1149 г. «Записки отд. русск. и слав. археологии», т. XI. Птг. 1915.
- 39 *Приселков. Очерки*, стр. 71 – 75; *Грушевский М.* стр. 152–153.
- 40 ПСРЛ, XXIV, стр. 77.
- 41 Там же; Ипат. лет., стр. 339–340; ПСРЛ, XV, стр. 221; ПСРЛ, XV (Рогож. лет.), стр. 21; *Шпилевский С. М.* Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892, стр. 25–28.
- 42 *Воронин Н. Н.* Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI – XIII вв. М. 1945, стр. 16–20 (далее сокр.: *Воронин. Памятники*).
- 43 *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы. «Труды отдела древнерусской литературы», III. Л. 1936, стр. 59–98. Попытки видеть «владения Кучки» не только на месте Москвы: *Стромиллов Н.* Село Кучки. «Владимирские губернские ведомости» (далее сокр.: ВГВ), 1880, № 29; Я. П. Краткие исторические сведения о Юрьевс-Польском, ВГВ, 1841, № 44–45; Собрание госуд. грамот и договоров, I, стр. 192, 203, 231; Топографическое описание Владимирской губ. Владимир. 1906, стр. 115–116.
- 44 Предполагают, что вражда Юрия с Кучкой была вызвана отказом последнего участвовать в походе 1147 г. на Новый Торг. *Георгиевский В. Т.* Андрей Боголюбский. СПб. 1900, стр. 19.
- 45 *Татищев*, III, стр. 76; *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле. сборник «Века», Птг. 1924, стр. 4, прим. (далее сокр.: *Насонов*).

- 46 Милонов Н. П. Дмитровское городище. «Советская археология», IV; Воронин Н. Н. Отчет о раскопках 1933 г. в Суздале. «Археологические исследования в РСФСР». Л. 1941, стр. 92–96.
- 47 Раскопки автора 1936/37 г.
- 48 Ипат. лет., стр. 468; Новг. I лет., стр. 140.
- 49 Ипат. лет., стр. 469–478. По словам Печерского патерика, Юрий, сев в Киеве, «тысяцкому ж своему Георгиеви, яко отцу, предаеть землю Суздальскую». Патерик, стр. 5. Едва ли это вероятно. Георгий был уже в конце XI в. пожилым человеком.
- 50 Ипат. лет., стр. 485.
- 51 ПСРЛ XVI. стр. 45.
- 52 Новг. I лет., стр. 140; ПСРЛ, XV, стр. 223.
- 53 Ипат. лет., стр. 489.
- 54 Ипат. лет., стр. 472–473, ПСРЛ, XV, стр. 222; ПСРЛ, XX, стр. 117.
- 55 Ср. мысль И. Е. Забелина: «Отец его [Андрея] оттого и помер, что повеселился, быть может, без меры на пиру у одного дружинника. Он, вероятно, знал так же, что в пьяных чашах подносилась иногда и отрава». «Живописная Россия», т. VI–1, стр. 21.
- 56 Ср. отравление союзника Юрия – германского императора Конрада. Васильевский В. Г. Союз двух империй. «Труды», т. IV. Л. 1930, стр. 63.
- 57 Ипат. лет., стр. 337, 354, 569.
- 58 Татищев, III, стр. 103.
- 59 Соловьев, I, стр. 394–395.
- 60 Пресняков. Лекции, стр. 228–229; Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Л. 1947, стр. 114 – 115 (далее сокр.: Романов).
- 61 Ипат. лет., стр. 465.
- 62 Там же, стр. 376.
- 63 Там же, стр. 448.
- 64 Там же, стр. 393–394.
- 65 Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847, стр. 149, 201 (далее сокр.: Соловьев. История отношений). Ср. также характеристику Юрия

в работе: Я. А. Голяшкин. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. «Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты 1896–1897 гг.», т. II. М. 1898, стр. 274 (далее сокр.: *Голяшкин*).

IV. Владимирский самовластец

- 1 *Соловьев*. История отношений, стр. 215, прим.
- 2 Ипат. лет., стр. 389 и след.
- 3 *Бестужев-Рюмин*. О составе летописей, стр. 92; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. 1947, стр. 276 – 277 (далее сокр.: *Лихачев*. Русские летописи).
- 4 Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб. 1902, лист 184–185; *Воропин Н. Н.* Рецензия на книгу А. В. Арциховского, «Древнерусские миниатюры». «Вестник АН СССР», 1945, № 5.
- 5 Ипат. лет., стр. 391–392.
- 6 Там же, стр. 431.
- 7 Любопытно, что описание воинских подвигов Андрея стало известным образцом для освещения подобных сюжетов. В особом рассказе Ипат. лет. под 1172 г. (стр. 554) о победе князя Михалки Юрьевича над половцами использованы даже почти те же словесные обороты. Ср.: «Берендееве же яша коня княжа за повод и не даша им ехати, рекуше – неездите вы напередь...», «потяша Михалка князя ратнии двеима копыи в стегно, а третьим в руку, но Бог, молитвою отца его, избави от смерти...», стр. 558, ср. стр. 437–438, 431, 390.
- 8 Ипат. лет., стр. 443–445, ср.: Лавр. лет., стр. 318; ПСРЛ, XV, стр. 218; XX, стр. 115.
- 9 Русский биографический словарь, II, стр. 134–138.
- 10 Ипат. лет., стр. 509.
- 11 Там же, стр. 404, 437.
- 12 Там же, стр. 456–57.
- 13 Там же, стр. 404–405.
- 14 Там же, стр. 416–417.

- 15 ПСРЛ, XXIV, стр. 77.
- 16 ПСРЛ, XX, стр. 117.
- 17 Ипат. лет., стр. 482; ПСРЛ, XV, стр. 223.
- 18 *Вершинский А. Н.* К истории путей сообщения Киевской Руси с северо-востоком. «Тверская старина». 1911, № 6, ср.: *Тихонравов К. Н.* Путь Андрея Боголюбского из Вышгорода во Владимир. ВГВ, 1853, стр. 294–295.
- 19 *Карамзин*, II, прим. 383.
- 20 Ипат. лет., стр. 478–479; Лавр. лет., стр. 353: «а хрестнаго целованья забывше целовавше к Юрию князю на меньших детех на Михалце и на брате его и преступивше хрестное целованье посадиша Андреа, меньшая выгнаша».
- 21 Ипат. лет. сообщает, что в избрании Андрея участвовали «и Володимирци вси», и он был посажен «на отни столе Ростове и Суждали и Володимири...». Однако это, надо думать, позднейшая запись, сделанная уже тогда, когда Владимир стал столицей. Любопытно, что этот же текст в описании постройки Успенского собора Андреем относит за его счет пятиглавие собора, возникшее лишь после пожара 1185 г. в итоге ремонта храма Всеволодом. Ипат. лет., стр. 490–491.
- 22 *Карамзин*, II, прим. 383. Едва ли нужен домысел, что Андрей избрал Владимир, а не Суздаль, так как не хотел навлечь подозрений отца в узурпации его власти, которые могли возникнуть, если бы он занял Суздаль, где был стол Юрия. *Маркевич Н.* Большой исторический словарь Российского государства. М. 1836, стр. 19.
- 23 Ипат. лет., стр. 390; Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей матери. СПб. 1878, стр. 34 (далее сокр.: Сказание о чудесах); ПСРЛ, XV, стр. 226.
- 24 Лавр. лет., стр. 330.
- 25 *Воронин*. Памятники, стр. 21 и след.
- 26 ПСРЛ, IX. СПб. 1862, стр. 222.
- 27 *Воронин*. Памятники, стр. 33 и след.
- 28 ПСРЛ, XV, стр. 251. По мнению А. А. Шахматова, детали этого рассказа взяты из «первоначальной, более полной редакции» краткой летописи Ростовского свода 1419 г. *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летопис-

- ных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом при-
суждении наград гр. Уварова. СПб. 1889, стр. 99–101.
- 29 Ипат. лет., стр. 520; ПСРЛ, VII. СПб. 1856, стр. 76.
- 30 Сказание о чудесах, стр. 17, прим. 1.
- 31 Ипат. лет., стр. 521.
- 32 Соловьев, II, стр. 500; Шпилевский. Ук. соч., стр. 48 и сл.
- 33 Насонов, стр. 9 и сл., 17; Татищев, III, стр. 197.
- 34 Лавр. лет., стр. 330.
- 35 Там же, стр. 446; Веселовский, стр. 365 и 368. Митрополичьи
села под Владимиром: Старый двор, Яновец, Житково, Вол-
куша, Теремец, Подберезье, Ярославль, Павловское, Буха-
лово, Богослово, Спасское, Брянцево, Волосово, Всеславс-
кое, Суромна, Сновицы, Толмячево. Юшков С. В. История
государства и права СССР, ч. I. М. 1947, стр. 169.
- 36 Татищев, III, стр. 129.
- 37 Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника. Л. 1932, стр. 21.
- 38 Ключевский В. О. Курс русской истории, т. I, 1914, стр. 284–
285; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Л. 1941,
стр. 179–180; Смирнов И. И. О путях исследования русского
централизованного государства «Вопросы истории», 1946,
№ 4, стр. 38.
- 39 Срезневский И. И. О Малуше милостынице великой княгини
Ольги. «Записки Академии наук», т. V. СПб. 1864.
- 40 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского
языка, II, стр. 138.
- 41 Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, стр. 166–
167.
- 42 Новгородский летописец в рассказе о 1174 году произволь-
но называет «милостыниками» и старых бояр-заговорщиков.
Новг. I лет., стр. 152; также Никон и Воскр. лет. Тот же тер-
мин «милостыник» обозначал и одну из категорий «работно-
го люда» в составе феодального хозяйства XII в. Романов,
стр. 295–305.
- 43 Ср. оценку «милостыников» в Летописце Переяславля-Суз-
дальского. М. 1851, стр. 16.
- 44 Бестужев-Рюмин К. О значении слова «дворянин». «Труды
II археологического съезда», т. I; Зарубин. Слово, стр. 68;

- Тихомиров*. Древнерусские города, стр. 166-167; *Романов*, стр. 282-283.
- 45 *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. 1939, стр. 152. «Здесь [на севере] окруженный преданностью и покорностью нового народонаселения, Андрей принимает характер самодержца. Быв на юге самым бесстрашным из бойцов даже в геройской семье Мономаховичей, на севере Андрей сложил с себя характер полководца, доселе господствовавший в князьях, и принял характер правителя: он уже не ходил более сам на войну, но посылал сыновей и воевод, вследствие чего и дружина, сонм храбрецов, безотлучных товарищей, друзей храброго князя, изменила свой воинский характер и стала *Двором*». *Соловьев С. М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М. 1846, стр. 18-19.
- 46 *Туторский В.* Исторические заметки и предания о г. Коврове. ВГВ, 1857, № 47.
- 47 *Иванов А. И.* Клязьменский городок. «Труды Владимирского областного музея», II. Владимир, 1926; *Стромиллов Н.* Село Любец в Ковровском уезде. ВГВ, 1899, № 50.
- 48 *Зарубин*. Слово, стр. 8; *Романов*, стр. 34 - 35.
- 49 ПСРЛ, XV, стр. 215, ср.: «двор» Александра Невского. Новг. I лет., стр. 271; *Будовниц И. У.*, Владимир Мономах и его военная доктрина. «Исторические записки», т. 22. М. 1947, стр. 65 и след.
- 50 Лавр. лет., стр. 334-335; ПСРЛ, XV, стр. 236; Сказание о чудесах, стр. 23.

V. Меч духовный

- 1 Ипат. лет., стр. 392, 462, 536, 547, 530.
- 2 *Приселков М. Д.* История русского летописания XI - XV вв. Л. 1940, стр. 77 (далее сокр.: *Приселков*. Летописание).
- 3 *Соколов*, стр. 117.
- 4 Ср.: *Соколов*; *Приселков*. Очерки, стр. 396; *Голубинский*, I-1, стр. 330-332, 439-443; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Птг. 1916, стр. 118-122. В последу-

ющем изложении мы придерживаемся, в основном, последовательности событий, данной в цитированной книге П. Соколова.

- 5 Ипат. лет., стр. 493; Лавр. лет., стр. 334.
- 6 Лавр. лет., стр. 333; Ипат. лет., стр. 511–512; *Титов*. Житие Леонтия, стр. 7.
- 7 ПСРЛ, IX, стр. 209.
- 8 Возможно, что конфликт с мачехой, братьями и старыми дружинниками имел причиной перенос Андреем столицы из Ростова во Владимир, что могло вызвать протест епископа-грека, мачехи-гречанки и ростово-суздальской знати. Георгиевский. Ук. соч., стр. 38. См. также: *Пресняков*. Образование, стр. 33, прим. 2.
- 9 *Приселков*. Очерки, стр. 404–405.
- 10 Вопрос о посвящении Федора вызывает разные толкования. Вопреки П. Соколову, который считал, что Федору было отказано в рукоположении, М. Д. Приселков полагает, что Федор вернулся на Русь уже епископом. Очерки, стр. 399.
- 11 ПСРЛ, XXIV, стр. 80.
- 12 См.: Ипат. лет., стр. 591–593. На третий день после убийства пришел Арсений – игумен Козьмы и Демьяна, который сказал: «долго ли нам смотреть на *старших игуменов*, долго ли лежать этому князю?» Видимо, высшее владимирское духовенство знало настроение опального епископа и ждало его указаний; однако он не принял никакого участия в похоронах, которые организовали владимирские горожане, приказавшие клирошанам Успенского собора взять тело князя.
- 13 *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери, т. 1. СПб., 1914, стр. 347–348, 352; т. II, стр. 33, 92–102; *Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о деве Марии. «Христианское чтение», 1888, III–IV, стр. 320–323; Лавр. лет., стр. 20–21; *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л. 1945, стр. 214–215; Патерик, стр. 5–6.
- 14 Сказание о чудесах, стр. 31–33.
- 15 Новг. I лет., стр. 435; Ипат. лет., стр. 268. Ср. подобный же случай, когда Владимир Василькович волынский решил поставить Каменец на Леске, то он «погадал» на книге Исаии,

- и ему «вынулось» место, где говорится о воздвижении городов, и он «от сего пророчества уразуме милость божию до себе и нача искати место подобна, абы кде поставити город». См. также: *Буслаев Ф. И.* Сказания московские, владимирские и новгородские. «Летописи русской литературы», т. IV, стр. 7, прим. 7.
- 16 *Воронин Н. Н.* Новые памятники русской эпиграфики XII в. «Советская археология», VI. Л. 1940, стр. 309 и след.
- 17 ПСРЛ, XXI, стр. 232.
- 18 Сказание о чудесах, стр. 36; Лавр. лет., стр. 372.
- 19 *Сергий.* Андрей Юродивый и праздник Покрова. М. 1896 (далее сокр.: *Сергий*).
- 20 *Остроумов М. А.* Происхождение праздника Покрова. «Приходское чтение», 1911, № 19; *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб. 1911, стр. 103–104.
- 21 Диссертация покойной Е. С. Медведевой: «Суздальские врата».
- 22 «Проложное сказание» – в Великих Минях Четъих (изд. Археогр. ком.), X, 4–5 и у Сергия, стр. 60; «Служба» – в пергаментной псалтыри XIV в. собрания Синодальной библиотеки, отд. III, № 431 (ныне в Гос. Ист. музее), лл. 126–128; «Слово» в древней редакции – ВМЧ, X, стб. 6 и след; в редакции Пахомия – там же, стб. 17 и след. Основным памятником является «Служба», сохранившаяся в наиболее древнем списке XIV в. «Проложное сказание» и «Слово» ранней редакции, имея, несомненно древнюю основу, могли подвергнуться позднейшей обработке. В этом мы расходимся с мнением Сергия, соглашаясь с ним в отнесении к XII в. самого текста «Службы».
- 23 *Сергий*, стр. 60; Служба, л. 127.
- 24 Слово, стб. 11.
- 25 Служба, л. 126 об.
- 26 Там же, л. 127 и 128 об.
- 27 Там же, л. 127 и 127 об.
- 28 Там же, л. 128 об.
- 29 Слово, стб. 11, 13, 16.
- 30 Лавр. лет., стр. 358.

- 31 Сказание о чудесах, стр. 38, 41.
- 32 Служба, л. 126 об., 128 об.; *Сергий*, стр. 62.
- 33 Ипат. лет., стр. 554–559; *Хрущов И.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях. «Киевские университетские известия», 1873, III, стр. 231–237 (далее сокр: *Хрущов*); Буслаев. Сказания..., стр. 22. Повествование о походе Михалки на половцев по своим литературным приемам, как мы отмечали, очень близко рассказам о воинских подвигах Андрея Боголюбского. Ср. мотив горячности в бою и услуги какого-то берендея, удержавшего княжеского коня и не пустившего Михалку вперед, описания ранения Михалки «двенма копы в стегно, а третьим в руку» и пр. Ипат. лет., стр. 554–559.
- 34 Сказание о чудесах, стр. 29.
- 35 Там же, стр. 27.
- 36 Указано В. Н. Лазаревым. Любопытно, что в Западной Европе культ Богоматери развивается вообще позже, чем на Руси; в Киеве он уже подчеркнут построением Десятинной церкви в конце X в.; на Западе он особенно усиливается с конца XI в. и получает расцвет в XII–XIII вв.
- 37 *Забелин И. Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского. «Археологические известия и заметки», 1895, № 2–3; Сказание о чудесах, стр. 24. Память Андрея Боголюбского позже вносится в святцы по связи с праздником Покрова (2 октября) или Спаса (2–3 августа).
- 38 Сказание о чудесах, стр. 23.
- 39 ПСРЛ, XX, стр. 103.
- 40 Лавр. лет., стр. 330.
- 41 Мысль о «равноапостольности» Владимира звучит уже у митрополита Илариона («радуйся во владыках апостоле»). О канонизации Владимира см.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, стр. 63 (далее сокр.: *Голубинский*. Канонизация) и История русской церкви, I–1, стр. 185.
- 42 По словам покойного исследователя русского летописания В. Л. Комаровича, сейчас можно твердо говорить, что составитель Никоновского свода имел под руками старые ле-

тописные источники, не вошедшие в другие своды, в частности, Ростовскую летопись особого состава. К этому же признанию склонялся работавший специально над Никоновской летописью Н. Ф. Лавров. О ретроспективности политических идеалов XII в. см.: *Пресняков*. Лекция, 1, стр. 234.

- 43 *Титов*. Житие Леонтия, стр. 7–9.
- 44 Там же, стр. 3.
- 45 *Богуславский А. А.* Ростовские жития. «История русской литературы», II-1, стр. 65. М.–Л. 1945: *Приселков*. Очерки, стр. 135 и след.: *Ключевский*. Жития, стр. 18–19.
- 46 *Доброхотов В.* Древний Боголюбов-город и монастырь. М., 1852, стр. 43.
- 47 Существующая роспись башни относится к XVIII в. Предположение об аналогичной древней фреске, написанной на этом месте, было поддержано Ю. А. Олсуфьевым.
- 48 *Седельников А.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. «Slavia», 1924 (III, 2-3), стр. 325–332; *Карташев А.* Был ли апостол Андрей на Руси. «Христианское чтение», 1907, VII, стр. 82–83; *Соколов*, стр. 126–127. Ср.: *Приселков*. Очерки, стр. 160–162, 234; *Васильевский В. Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. «Труды В. Г. Васильевского», т. II-1. СПб. 1909, стр. 49 и сл.
- 49 *Голубинский*, I-1, стр. 597.
- 50 Сборник статей в честь Ламанского, т. II, стр. 1380.
- 51 *Анания Федоров*. Историческое собрание о граде Суждале. «Времсник Общества истории и древностей российских», кн. 22, стр. 91 и 93. Правдоподобна догадка И. Дмитриевского, что погребение Бориса в Кидекше, а не в соборе Суздаля или Ростова, было также жестом пренебрежения Андрея к старым городам. О начале Владимира..., стр. 77.
- 52 *Хрущов*, стр. 232–233.
- 53 *Соловьев*, I, стр. 671–672; Ипат. лет., стр. 617, 713, 719 и др.
- 54 Служба, лл. 126 и 128.
- 55 *Соколов*, стр. 140.
- 56 Там же, стр. 10.
- 57 Там же, стр. 43–44.

- 58 *Титлипов Б. В.* Православие на службе самодержавия. Л. 1924, стр. 15–17.
- 59 *Соколов*, стр. 140–141; *Лопарев Х.* Слово о гибели русская земли. СПб. 1892, стр. 24.
- 60 *Васильевский В. Г.* Союз двух империй. «Труды В. Г. Васильевского», т. IV. Л. 1930, стр. 34.
- 61 *Голубинский*, I–1, стр. 805, прим. 1.
- 62 Там же, стр. 442, прим. 1.
- 63 *Еремин И.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. «Известия Отделения русского языка и словесности», XXX, 1925, стр. 323–325. Цитируем «Притчу» по списку сборника Чудова монастыря № 40, 288 об. (Рукоп. отдел ГИМ).
- 64 Ипат. лет., стр. 551–554.
- 65 *Соколов*, стр. 145–147; Притча, л. 290 об.; *Романов*, стр. 199.
- 66 *Приселков М. Д.* Лаврентьевская летопись. «Ученые записки ЛГУ», № 32. Л. 1939, стр. 107.
- 67 *Соколов*, стр. 148 и след.
- 68 ПСРЛ, IX, стр. 239; ср.: *Татищев*, III, стр. 167; *Лихачев.* Русские летописи, стр. 238–239.
- 69 Ср. мотив обвинения в волховании в легенде об Авраамии ростовском. Может быть, образу Митяя, нарисованному в «Повести о Митяе» в той же Никоновской летописи (ПСРЛ XI, стр. 36), были сознательно приданы черты сходства с Федором, который был также «лживым владыкой»; возможно и обратное, что некоторые реальные черты Митяя были перенесены на образ Федора.
- 70 *Соколов*, стр. 52, прим. 1.
- 71 Там же, стр. 89–92.
- 72 Там же.

VI. Литература

- 1 *Богуславский.* Ук. соч., стр. 65; *Лихачев.* Русские летописи, стр. 269.
- 2 ПСРЛ, XXIV, стр. 72–73.

- 3 Новг. I лет., стр. 435. Этот сюжет наряду с другими «чудесами» помещен в рассказе Степенной книги «О принесении чудотворного образа Богоматере, зовомын же Владимирская и отчасти чудес ея», ПСРЛ, XXI, стр. 233.
- 4 Сказание о чудесах, стр. 42; ПСРЛ, IX, стр. 222.
- 5 Лавр. лет., стр. 358 и 361; ПСРЛ, XXI, стр. 428–429.
- 6 *Хрущов*, стр. 232–233.
- 7 Сказание о чудесах, предисл., стр. 9–16.
- 8 Там же, стр. 36–38.
- 9 Под «Рогожскими полями» И. Е. Забелин понимает район Богородска. «Живописная Россия», VI–1, стр. 2.
- 10 Сказание о чудесах, стр. 32–33.
- 11 Ипат. лет., стр. 482.
- 12 Сказание о чудесах, стр. 41.
- 13 *Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. СПб. 1910, стр. 77–80.
- 14 Сказание о чудесах, стр. 27.
- 15 *Сергий*, стр. 87.
- 16 *Калинский И.* Церковно-народный календарь. СПб. 1877, стр. 299–301.
- 17 Чудеса: 2, 4, 6, 7, 8, 9.
- 18 Сказание о чудесах, стр. 39–41.
- 19 *Забелин И. Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского, стр. 46–47.
- 20 Там же.
- 21 Сказание о чудесах, стр. 26.
- 22 Там же, стр. 31 и 42.
- 23 Служба, л. 128.
- 24 Там же, л. 127 об.
- 25 Великие Минеи Четьи. Октябрь, стр. 4.
- 26 Там же, стр. 11.
- 27 Сказание о чудесах, стр. 23.
- 28 В последующем изложении мы придерживаемся в основном выводов М. Д. Приселкова, изложенных в его указанных выше работах «История русского летописания XI–XV вв.» и «Лаврентьевская летопись», а также пользуемся отдельными наблюдениями А. А. Шахматова в «Обзрении русских лето-

- писных сводов XIV–XVI вв.», Л., 1938, и работой Д. С. Лихачева Русские летописи..., стр. 268 и след.
- 29 Лавр. лет., стр. 358 и след.; *Бестужев-Рюмин*. О составе летописей, стр. 107–110; *Шпилевский С. М.* Старые и новые города... Ярославль. 1892, стр. 112.
- 30 *Приселков*. Летописание, стр. 71.
- 31 Там же, стр. 77–78.
- 32 *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг. 1916, стр. XXXVII–XLI (далее сокр.: Повесть).
- 33 *Шляков*. Ук. соч., стр. 29–36.
- 34 *Комарович В. Л.* Поучение Владимира Мономаха. «История русской литературы», т. 1. М.–Л. 1941, стр. 280, 296–297. По А. А. Шахматову, письмо к Олегу вошло в состав третьей редакции 1118 г. Повести временных лет. Повесть, стр. XXXIX–XL.
- 35 *Алексеев*. Англо-саксонская параллель, стр. 70–72; *Приселков*. История летописания, стр. 53 и 72; *Ивакин*. Ук. соч., стр. 1, 8, 309–310; *Шляков*. Ук. соч., стр. 35, 65–71; *Соболевский А.* Одно место в поучении Мономаха. «Филологические записки». 1900, III, стр. 1.
- 36 *Ивакин*. Ук. соч., стр. 1.
- 37 *Шляков*. Ук. соч., стр. 65–67.

VII. Искусство и культура

- 1 Ипат. лет., стр. 591.
- 2 *Воронин*. Памятники, стр. 21–50.
- 3 Ипат. лет., стр. 582.
- 4 Великие Минеи Четьи. Октябрь, стр. 9.
- 5 Там же, стр. 173; Служба на Покров, л. 127.
- 6 *Воронин Н. Н.* Замок Андрея Боголюбского. «Архитектура СССР, 1939, № 11; Его же. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XI. М. 1945.
- 7 *Воронин Н. Н.* Боголюбовский киворий. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XIII. М. 1946.

- 8 *Пастернак Я. И.* Старый Галич. Краков. 1944, стр. 127–131.
- 9 Сказание о чудесах, стр. 30. Ср. текст Степенной книги, по которому Андрей «узре образ Пречистыя Богородицы, святащися зраком божественнаго подобия паче инех икон во церкви той», ПСРЛ, XXI, стр. 232.
- 10 А. И. Гаркави считал Анбала и Бориса Жидиславича евреями, как и Ефрема Моизича, и предполагал, что это были киевские выходцы, эмигрировавшие на север из Киева после пожара Подола 1124 г. Данные и исследования из истории евреев в России. «Гакармель», Вильно, 1865, стр. 75 и 83. См. также: *Берхин И.* Андрей Боголюбский и евреи. «Восход», 1883, кн. VII–VIII. Любимый милостьник Андрея Прокопий был, видимо, крещеным половчином; его имя некоторые источники сопровождают половецким термином «кощей». «Анбал», может быть, не имя собственное, но сохраненное как прозвище осетинское слово «товарищ», т. е. «анбал-ясин» значит «приближенный ясин», этим указанием я обязан проф. В. И. Абаеву.
- 11 *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. 1944, стр. 34.
- 12 *Некрасов А. И.* О гербе суздальских князей. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л. 1928, стр. 406–409.
- 13 *Эмин.* Российская история, т. III, стр. 339.
- 14 *Грушевский,* стр. 129–130.
- 15 *Пресняков.* Лекции, стр. 230.

VIII. Русская земля

- 1 Ипат. лет., стр. 508–509.
- 2 Новг. I лет., стр. 142; Ипат. лет., стр. 509.
- 3 Ипат. лет., стр. 509.
- 4 Новг. I лет., стр. 147.
- 5 Ипат. лет., 543 и 537; *Соловьев*, I, стр. 474.
- 6 Ипат. лет., стр. 544. Напомним помещенное в Ипатьевской летописи под 1172 г. обширное сказание, освещающее победу Михалки над половцами как «чудо» Богородицы Деся-

- тинной, выступающей как бы в противовес покровительнице Андрея – Владимирской иконе. Ипат. лет., стр. 554–559.
- 7 Возможно, что Всеволод вернулся на Русь уже в 1165 г. и был представлен Владиславом чешским Фридриху Барбароссе. Предполагают, что наемные войска угров, участвовавшие в разгроме Киева 1169 г., были вызваны Всеволодом. Однако ему в это время было всего 14–15 лет. *Грот К.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава. 1889, стр. 352, прим. 1; 390, прим. 2; *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 88–89.
- 8 Ипат. лет., стр. 543–545.
- 9 Там же, стр. 545.
- 10 ПСРЛ, IX, стр. 237–239; ср. Ипат. лет., стр. 541 и *Бестужев-Рюмин.* О составе летописей, стр. 132, прим. 176.
- 11 *Соловьев, I*, стр. 550–551, прим. 1.
- 12 Лавр. лет., стр. 397.
- 13 Ипат. лет., стр. 555.
- 14 *Соловьев, I*, стр. 490.
- 15 *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. I. М. 1914, стр. 397.
- 16 *Пресняков.* Лекции, стр. 239.
- 17 *Приселков.* Лаврентьевская летопись, стр. 106.
- 18 *Пресняков.* Лекции, стр. 237.
- 19 *Соловьев, I*, стр. 568–569.
- 20 Новг. I лет., стр. 148–149; Ипат. лет., стр. 559–561.
- 21 ПСРЛит., I, стр. 241.
- 22 Там же; см. также: Тверской летописный сборник. ПСРЛ, XV, стр. 244–247.
- 23 Лавр. лет., стр. 343–344.
- 24 Новг. I лет., стр. 150; *Погодин М. П.* Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. «Журнал Минист. народн. просв.», 1849, октябрь, стр. 15 (далее сокр.: *Погодин*).
- 25 Ипат. лет., стр. 562; Новг. I лет., стр. 149–150.
- 26 Ипат. лет., стр. 564–566.
- 27 Там же, стр. 566–568; Новг. I лет., стр. 151.
- 28 Ипат. лет., стр. 569–572. *Грушевский*, стр. 199–200.
- 29 Ипат. лет., стр. 572–573. См. также: *Голяшкин*, стр. 276.

- 30 Ипат. лет., стр. 573–576.
- 31 Там же, стр. 575–578; *Погодин*, стр. 25.
- 32 Ипат. лет., стр. 578–580; *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, т. 1. М. 1871, стр. 349.
- 33 *Соловьев*, I, стр. 525, прим. 1; *Дондуа В.* Базили – историк царицы Тамары. «Памятники эпохи Руставели». Л. 1938, стр. 44; *Еремян*, стр. 395–396.
- 34 Ипат. лет., стр. 574.
- 35 *Ключевский*. Курс, I, стр. 401 и 403.
- 36 *Приселков*. Летописание, стр. 76.

IX. Развязка

- 1 *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества, Сочинения. М. 1884, стр. 37.
- 2 Ипат. лет., стр. 583.
- 3 Там же, стр. 704, 710, 921–922
- 4 *Иловайский*. Ук. соч., стр. 35 и 37, прим. 27; *Татищев*, III, стр. 227.

X. Всеволод Большое Гнездо

- 1 Лавр. лет., стр. 352 и след.
- 2 Там же, стр. 355 и след.
- 3 ПСРЛ, XV, стр. 258.
- 4 Ср. события во Фландрии после убийства Карла Доброго. *Пиренн*. Средневековые города Бельгии. М. 1937, стр. 174, 192.
- 5 ПСРЛ, XV, стр. 259.
- 6 Лавр. лет., стр. 415.
- 7 Ср.: Лавр. лет., стр. 279.
- 8 ПСРЛ, XXI, стр. 223; *Тихофоров К. Н.* Пловучее озеро. ВГВ, 1868, № 20.
- 9 Лавр. лет., стр. 360 и след.; ПСРЛ, XV, стр. 261.
- 10 Лавр. лет., стр. 364.

- 11 Там же, стр. 365–366; Ипат. лет., стр. 606; ПСРЛ, VII, стр. 95; XI, стр. 324.
- 12 Лавр. лет., стр. 367–368, 385 и след.
- 13 Там же, стр. 409, 413.
- 14 Осовецкое городище обследовано автором.
- 15 Лавр. лет., стр. 369; Ипат. лет., стр. 625.
- 16 Лавр. лет., стр. 360 и 413; ПСРЛ, XVIII, стр. 41; *Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX-X вв. «Исторические записки», вып. 14, стр. 17 и 29.
- 17 ПСРЛ, XXI, стр. 225.
- 18 Ипат. лет., стр. 618–620. Новг. I лет., стр. 156–157; *Тихомиров М. Н.* Город Дмитров. Дмитров. 1925, стр. 8–9.
- 19 Ипат. лет., стр. 614.
- 20 Там же, стр. 625, 679.
- 21 Лавр. лет., стр. 375 и 379.
- 22 Ипат. лет., стр. 625, 658, 679, 681; Лавр. лет., стр. 391.
- 23 Лавр. лет., стр. 391.
- 24 Ипат. лет., стр. 683–686.
- 25 *Грушевский*, стр. 216–217; Лавр. лет., стр. 393 и 395. Не относится ли запись Лавр. лет. под 1195 г. о закладке Всеволодом Переславля к Переяславлю-Южному? Это год возобновления укрепления Остерского Городца. Лавр. лет., стр. 391. Правда, в Воскр. лет. поясняется: «заложил град Переяславль у озера». ПСРЛ, VII, стр. 102.
- 26 Лавр. лет., стр. 406, 413–414.
- 27 Ипат. лет., стр. 653 и 715.
- 28 ПСРЛ, VII, стр. 116.
- 29 Новг. I лет., стр. 155, 158; Лавр. лет., стр. 368; *Татищев*, II, стр. 246.
- 30 Новг. I лет., стр. 162, 172–174, 176–178; *Соловьев*, I, стр. 574, прим. 1.
- 31 Новг. I лет., стр. 188–192.
- 32 Лавр. лет., стр. 413; Новг. I лет., стр. 192–194.
- 33 Лавр. лет., стр. 387–388, 415; ПСРЛ, XX, стр. 141; *Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. «Ученые записки ЛГУ», серия истор. наук, в. 8. Л. 1941, стр. 226 (глава «Полюдь»).

- 34 *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М. 1915, стр. 144–145. Ср. эти факты с приведенными выше в прим. 8 к главе IX.
- 35 Лавр. лет., стр. 354–359, 373–374, 379; *Насонов*, стр. 16–17; *Адрианова-Перетц В. П.* Ук. статья в 1 т. «Истории русской литературы», стр. 307; *Голяшкин*, стр. 267.
- 36 Лавр. лет., стр. 366.
- 37 Там же, стр. 373; Ср. ту же формулу по поводу татар. Там же, стр. 444.
- 38 *Соловьев*, т. 1, стр. 525, прим.; *Еремян*, стр. 396 и след.
- 39 Ипат. лет., стр. 667; см. также: *Голяшкин*, стр. 256–260.
- 40 Там же, стр. 683–684.
- 41 Лавр. лет., стр. 371; Ипат. лет., стр. 629–630. После поставления епископа Луки во Владимире произошел упомянутый большой пожар 1185 г., когда сгорел весь княжий двор и епископский Успенский собор. Это совпадение напоминает пожар Ростовского собора, случившийся по окончании постройки Владимирского. Не было ли здесь ответной попытки ростовцев подорвать силу Владимира как церковного центра? Восстановив собор, Всеволод сохранил на его северном фасаде разное изображение «трех отроков в печи», как бы символизировавшее бессилие огня уничтожить идейное средоточие Владимирской земли.
- 42 Лавр. лет., стр. 387, 393.
- 43 Там же, стр. 361, 401–403.
- 44 *Анисимов А. И.* Домонгольский период древнерусской живописи. «Вопросы реставрации», II. М. 1928, стр. 138–139; *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. «Советская археология», VI, стр. 235.
- 45 Лавр. лет., стр. 361.
- 46 *Приселков*. Очерки, стр. 137; *Ключевский*. Жития, стр. 11; ПСРЛ, XV, (Твер. лет. сб.), стр. 281.
- 47 *Воронин*. Памятники, стр. 51–65.
- 48 Его же. Скульптурный портрет Всеволода III. «Краткие сообщения Института истории искусств АН СССР», в. 1 (печат.).
- 49 *Приселков*. Лаврентьевская летопись, стр. 107–108.

XI. Накануне нашествия

- 1 *Насонов*, стр. 25; ПСРЛ, VII, стр. 117.
- 2 Лавр. лет., стр. 415–417; , ПСРЛ, VII, стр. 119.
- 3 *Костомаров Н. И.* Северорусские народопространства. СПб. 1886, т. 1, стр. 75, 81; ПСРЛ, XXII, стр. 64.
- 4 Лавр. лет., стр. 469; ПСРЛ, XV. (Твер. лет. сб.), стр. 323.
- 5 Лавр. лет., стр. 470; ПСРЛ, VII, стр. 121.
- 6 Лавр. лет., стр. 420; *Соловьев*, I, стр. 586–587.
- 7 Лавр. лет., стр. 429; *Летописец Переяславля-Суздальского*. М. 1851, стр. 110.
- 8 ПСРЛ, XXIV, стр. 92; Лавр. лет., стр. 426, 431, 433, 434–435.
- 9 *Соловьев*, I, стр. 806.
- 10 ПСРЛ, XV (Твер. лет. сб.), стр. 357; *Новг. I лет.*, стр. 229; *Пресняков*. Образование, стр. 40.
- 11 *Новг. I лет.*, стр. 222, 223, 224, 243; Лавр. лет., стр. 426, 427; ПСРЛ, XV, стр. 334.
- 12 *Соловьев*, I, стр. 806.
- 13 *Новг. I лет.*, стр. 245–246; Лавр. лет., стр. 446.
- 14 *Новг. I лет.*, стр. 197; ср.: *Рожков Н. А.* Политические партии в великом Новгороде XII–XV вв. «Исторические и социологические очерки», ч. II. М. 1906, стр. 36 и след.
- 15 *Ипат. лет.*, стр. 741; Лавр. лет., стр. 423.
- 16 Лавр. лет., стр. 426–427, 433.
- 17 *Ипат. лет.*, стр. 777; *Грушевский*, стр. 249.
- 18 *Грушевский*, стр. 253.
- 19 Лавр. лет., стр. 422, 476; ПСРЛ, VII, стр. 128; XXIII, стр. 68.
- 20 Лавр. лет., стр. 423.
- 21 Там же, стр. 426, 428–429.
- 22 Там же, стр. 418, 422.
- 23 Там же, стр. 430; *Греков*. Волжские болгары, стр. 17–18.
- 24 Лавр. лет., стр. 430.
- 25 *Голубинский*, I-1, стр. 599–600; *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив». Л. 1940, т. III, стр. 88–89.
- 26 Лавр. лет., стр. 421, 429–430, 444.
- 27 *Воронин*. Памятники, стр. 66–78.

- 28 Патерик, стр. 76; *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике. ИОРЯС, VI, кн. 3, стр. 229–233; *Голубинский*, I–1, стр. 759.
- 29 *Приселков*. Лаврентьевская летопись, стр. 120–121; *Воронин*. Рецензия на книгу А. В. Арциховского; *Лихачев*. Русские летописи, стр. 278–279.
- 30 *Гудзий Н. К.* Моление Даниила Заточника. «История русской литературы», т. II–1, стр. 35 и след.
- 31 *Пресняков*. Образование, стр. 47.

ХII. Суд потомков

- 1 *Хрущев*, стр. 240; *Серебрянский*. Ук. соч., стр. 142–145; *Лихачев*. Русские летописи, стр. 241–246. Ср. выше прим. 8 к гл. IX.
- 2 ПСРЛит., I, стр. 241.
- 3 Книга степенная. ПСРЛ, XXI, стр. 221.
- 4 Описные книги царских палат: Золотой и Грановитой, составленные Симоном Ушаковым в 1672 г. – М. 1882, стр. 5; *Серебрянский*. Ук. соч., стр. 146–147 и прил., стр. 87–89; *Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты, в. 1. СПб. 1910, стр. 62 и 66.
- 5 *Грибоедов Ф.* История о царях и великих князьях земли русской. СПб. 1896, стр. XV (предисл. С. Ф. Платонова).
- 6 *Грибоедов*. Ук соч., стр. 15–16; Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. 1903.
- 7 Синопис. СПб. 1810, стр. 114.
- 8 Мнение А. Е. Преснякова, высказанное им в личной беседе; *Голубинский*. Канонизация, стр. 134.
- 9 ПСРЛ, II (изд. 1), стр. 303, 305, 316,
- 10 Отрывки из жития см.: *Доброхотова*. Древний Боголюбовгород, стр. 87–89 и в ВГВ, 1871, № 20, стр. 1, прим.; *Сергий*, стр. 93.
- 11 *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб. 1882, стр. 36.
- 12 «Изображение Андрея Боголюбского находится на северной стороне юго-западного столба в нижнем регистре. Высота

изображения 2.54 м, ширина 1.18. Надписи не сохранились, но так как изображение помещено в цикле портретов князей и по соседству с портретами Георгия Всеволодовича и Александра Невского в схиме, то оно считается портретом А. Боголюбского. Фон золотой, нимб тоже золотой. Обводка нимба внутри коричневая, снаружи белая. Лик – санкир (теплая охра), рисунок коричневый. Пласти на лице сделаны разбеленной охрой. Волосы рыжевато-коричневые с охристой разделкой прядей. Глаза голубовато-серые. На освещенных частях лица и шеи по пласти идут небольшие штрихи белой краской (отметки или движки). Становой кафтан – ярко-голубой с широким золотым воротом и золотым подолом. Подпоясан золотым поясом. Поручи золотые. Складки на кафтане белильные. За пояс заткнут малиновый плат, края (борта) его зеленые с золотой каймой. Тыльная часть плата темно-пурпурная с белым орнаментом. Поверх кафтана надето киноварно-пурпурное корзно с меховым воротником и меховой исподью. Корзно по краям обшито золотой каймой. На плечах – золотые нашивки квадратной формы. По киноварно-пурпурному корзну идут параллельные голубовато-зеленые полосы, между которыми находится белый и коричневый цветочный орнамент. В правой руке князь держит белый восьмиконечный крест, в левой – меч, ножны которого перевиты голубыми и белыми полосками. Окраска сапог не сохранилась, от них остался лишь рисунок-графка. Почва желто-зеленая. Линия обрамления киноварная. Вся фигура и ее детали тщательно ографлены». Подчеркнем, что надписи, удостоверяющей, что описанное изображение представляет Андрея, нет.

- 13 *Малицкий Н. В.* Поздние рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Владимир. 1923, стр. 19, прим. 1.
- 14 Там же, стр. 20–21; *Виноградов А.* История Успенского собора во Владимире. Владимир. 1905 (рисунок на обложке).
- 15 *Татищев, III*, стр. 197.
- 16 «Краткие сообщения ИИМК – АН СССР», в. XI.
- 17 *Рохлин Д. Г.* Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. ПИДО, 1935, № 9–10.

- 18 *Виноградов*. Ук. соч., прил., стр. 15–16.
- 19 *Ломоносов М. В.* Краткой российской летописец. СПб. 1760, стр. 11.
- 20 *Хилков А. Я.* (А. И. Манкиев). Ядро российской истории. М. 1770, стр. 102.
- 21 *Татищев*, III, стр. 493, прим. 512.
- 22 *Щербатов М. Н.* История российская, т. II, стр. 252, 263, 266.
- 23 *Дмитриевский И.* О начале Владимира, что на Клязьме. СПб. 1802, стр. 70–71, 81–82, 163.
- 24 *Карамзин*, II, стр. 32–33.
- 25 *Полевой Н. А.* История русского народа, т. III. М. 1830, стр. 75, 80.
- 26 *Погодин*, стр. 9–10, 28.
- 27 *Забелин И. Е.* Первоначальная история Московской промышленной области. «Живописная Россия», изд. Вольф, т. VI–1, стр. 17 и след. Его же. История русской жизни, т. 1, стр. 31–32; Его же. Взгляд на развитие московского единодержавия. «Исторический вестник», 1881, IV, стр. 248–268.
- 28 *Иловайский Д. И.* История России, ч II. М. 1880, стр. 204–205.
- 29 *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в древней Руси. Исторические монографии, т. XII. СПб. 1872, стр. 62–67; Его же. Русская история в жизнеописаниях, вып. 1. СПб. 1873, стр. 88–89.
- 30 *Корсаков*. Меря, стр. 110–111. Ср. рецензию Е. Замысловского «Журнал Минист. народн. просв.», т. CLXII, отд 2, стр. 157–162.
- 31 *Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М. 1898, стр. 85.
- 32 *Георгиевский В.* Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир. 1894.
- 33 *Пресняков*. Лекции, стр. 237; см. также: Голяшкин, стр. 284–285.
- 34 *Покровский М. Н.* Русская история, т. 1. М. 1933, стр. 90–91.
- 35 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.; Л. 1950, стр. 183 и 187.

Послесловие

- 1 Перечень работ, посвященных жизни и творчеству Н. Н. Воронина, см.: *Царева Т. С.* Культура Владимиро-Суздальской Руси XI – середины XIII вв. в творческом наследии Н. Н. Воронина (1904–1976 гг.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 3–4. См. также: Там же. С. 2–3, 6–9.
- 2 Об этом см.: *Кривошеев Ю. В.* Н. Н. Воронин в Государственной Академии истории материальной культуры // Материалы областной краеведческой конференции (22 апреля 2005 г.). Т. 1. Владимир, 2005.
- 3 *Маслов В. М.* Археологическое изучение Владимира и Боголюбова с 30-х годов XIX века до настоящего времени // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 20–21.
- 4 Там же. С. 25.
- 5 *Рождественская Т. В.* «И чем я Вас всех отблагодарю...» (Н. П. Сычев и Н. Н. Воронин в письмах 1940-х гг.) // Искусство Древней Руси и его исследователи. Сб. ст. СПб., 2002. С. 255.
- 6 Далее фрагментарно излагаются эти материалы, полностью приведенные в книге автора данной статьи (*Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. СПб., 2003). См. также настоящее издание.
- 7 Цит. по: *Ковалев И. В.* Судьба книги Н. Н. Воронина «Андрей Боголюбский» (К 90-летию со дня рождения ученого) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 291.
- 8 Библиографию работ Н. Н. Воронина см.: Культура Древней Руси: Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966; Средневековая Русь: Посвящается доктору исторических наук Н. Н. Воронину. М., 1976; *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись XII–XIII вв. М., 1977.
- 9 В ГАВО она представлена в большей степени не систематизированным материалом (в т. ч. и опубликованных статей), выполненным в основном в машинописном варианте с большим количеством рукописных вставок (см.: ГАВО. Ф. 422.

- Оп. 2. Д. 29). – Ср.: Царева Т. С. Культура Владимиро-Суздальской Руси... С. 5, 15.
- 10 Все цитаты из рецензии Ю. А. Лимонова даются по копии, хранящейся в архиве автора настоящей статьи.
- 11 В сноске перечисляется ряд работ, в т. ч. и самого Ю. А. Лимонова.
- 12 Несколько ранее вышла его монография «Летописание Владимиро-Суздальской Руси» (Л., 1967), где предпринимается, в частности, попытка на основе записей Лаврентьевской и Ипатьевской, а также Никоновской летописей реконструировать «Летописец Андрея Боголюбского», автором которого, по мнению Ю. А. Лимонова, был сам северо-восточный князь. (Надо сказать, что к этой теме обращался и Н. Н. Воронин, приходя к выводу об автобиографических заметках (Воронин Н. Н. Существовал ли «Летописец Андрея Боголюбского»? // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1976. Вып. 1).
- 13 Книга обсуждалась в секторе феодализма тогдашнего ЛОИИ (Ленинградское Отделение Института истории АН СССР, сейчас Санкт-Петербургский Институт истории РАН), и, по словам участников заседаний, подвергалась серьезной критике.
- 14 См., например: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь С. 48, 76, 80 и др. См. также не выдерживающий никакой критики такой «материалистическо-философский» пассаж: «Значение истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. трудно переоценить. Здесь возникли (? – Ю. К.) такие явления (? – Ю. К.) как экономический базис, политическая надстройка, культура, религия, идеология, а также основной субстрат нового общества – этнос» (Там же. С. 5).
- 15 Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.). М., 1991.
- 16 Там же. С. 6, 149.
- 17 Там же. С. 148.
- 18 Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
- 19 Там же. С. 580–656 и др.

- 20 Там же. С. 647–648.
- 21 *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М., 2000. С. 65–94.
- 22 *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы // История СССР. 1991 № 4.
- 23 *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 94.
- 24 *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование.
- 25 См., например: Материалы областной краеведческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. Н. Воронина. Владимир, 2004; Материалы областной краеведческой конференции. Т. 1–2. Владимир, 2005; Древняя столица: история и современность. Владимирские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2006, и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга. К истории неиздания

- 1 В деле хранится также черновой вариант отзыва В. А. Адриановой-Перетц (Ф. 422. Оп. 2. Д. 29. Л. 2).
- 2 Слева на полях в столбик рукой Н. Н. Воронина написано: *Лихачеву, В. П. Адр [иановой]-Перетц, Лазареву, ЦК, Назарову, Грекову, Волгину [неразб] Радовскому, себе, Михневичу.*
- 3 *Это не порок* (здесь и далее на полях рецензии В. Т. Пашуто Н. Н. Ворониным сделаны пометы, которые мы и приводим. – Ю. К.).
- 1 *Это не посылка, а итог книги, предисловие писано на основании работы!*
- 5 *Это можно исправить.*
- 6 *Это можно исправить.*
- 7 *Это можно указать. Но что в этом прогрессивного?*

- 8 Это можно исправить. Спасибо за указ[ание]на противоречие.
- 9 Можно исправить.
- 10 По каким источникам о ней можно судить?
- 11 Сопоставление разных освещений личности А[ндрей]Б[оголюбского] есть в книге в главе «Суд потомков».
- 12 А разве нельзя?
- 13 Противоречие сниму.
- 14 Для характеристики это не лишнее!
- 15 Не одних горожан, но и «дворян», но горожане главное.
- 16 Указание очень глухо, а источники молчат. Думаю, что в XII в. кр[естьянст]во не доросло до сознания единства...
- 17 Именно субъективно, а объективное их знач[ение]показано.
- 18 Умучат смерд без княжа слова.
- 19 Усиление в[елико]к[няжеской] власти «обосн[овывается]» и на крестьянах, и на их усил[ившейся] эксплуат[ации].
- 20 А как иначе? Чем плох термин?
- 21 И это факт.
- 22 Тоже верно. Нет ничего преувелич[енного], об этом говорят и пам[ятни]ки иск[уст]ва.
- 23 А разве они были сильны!? Я об этом пишу в конце о «преждеврем[енности] курса А[ндрей] Б[оголюбского]».
- 24 ? провер[ить]
- 25 Не «сводил», а факты говорят за себя.
- 26 Далеко нет, но А[лександр] Е[вгеньевич] большой историк.
- 27 Об этом вся книга. Союз с гор[ожанами], развитие двор[янства], отрыв от Виз[антии], борьба с местной знатью и русскими феодалами, нац[ионально]-церк[овная], полит[ическая] и пр. + искусство...
- 28 Речь идет о большем, об обреченности политики А[ндрей] Б[оголюбского]и я даю определ[ение] причин этого.
- 29 Неужели по этой частной теме нужно привести всю историограф[ическую] классификацию. Ее пока нет... Н. Р[убинштейн] – 6 шт.
- 30 Но она во Вл[адимире] XII в., да и в Руси была представ[ителем] порядка в беспорядке.
- 31 Да это гениальные произв[едения] русских мастеров.
- 32 Видимо у рец[ензента] был не последний текст верстки?!

- 33 Нет не потому в этом нет почетного приоритета.
- 34 Факт – антич[ный] профиль и пр. выдумали не мы. Да и лет[описи] говорят о “немцах”. А что же их облаять?
- 35 Неверно – это один из очень важных мотивов.
- 36 Все факты, ничего не напишешь. Андрей ударял по святыням Киева.
- 37 Едва ли он был безбожником.
- 38 Почему не интересен человек, а нужна схема мертвая.
- 39 Неверно, отмечено не раз (особенно «Суд потомков»).
- 40 Я ссылался на свои консульт[ации] с Н. Ф. Л[авровым] по Ник[оновской] лет[описи].
- 41 А что противоречит этим гипотезам? Я не знаю.
- 42 Адрианова-Перетц.
- 43 По всей видимости отзыв принадлежит известному искусствоведу В. Н. Лазареву.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С. О. Шмидт. **Н. Н. Воронин – зодчий русской культуры
и ее хранитель** 5

С. О. Шмидт. **Послесловие к предисловию** 16

Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский 19

От автора 21

I. Родина 24

Территория – Древнейшее население –
Связи с киевским югом – Процесс феодализации –
Восстания смердов – Старые города – Раздел Ярослава –
Деятельность церкви

II. Дед 35

Мономах в Залесье – Усобица Олега –
Местное боярство – Укрепление Владимира – Суздаль

III. Отец 42

Окружение Юрия – Женитьба –
Начало борьбы с болгарами – Новгород –
Городок Остерский – Борьба за Киев –
Борьба с Изяславом 1146–1148 –
Первый захват Киева – Изгнание и война 1151 г. –
Международное значение борьбы за Киев –

Церковные дела – Летописание в Ростове – Болгары –
Строительство 1152 г. – Внутренняя политика Юрия –
Развитие городской культуры – Поход на Киев 1154 г. –
Юрий в Киеве – Смерть Юрия – Разгром «суздальцев» –
Характеристика Юрия

IV. Владимирский самовластец 62

Облик Андрея – Ранние годы –
Андрей в боях на юге в 1149 г. – Война 1151 г. –
Отвращение к югу – Военные качества Андрея – Рязань –
Впечатления юга – Уход из Вышгорода –
Андрей и боярство – Вокняжение –
Обстройка Владимира – «Наследство» Владимира I –
Боголюбский замок – Изгнание братьев –
Опора княжеской власти – Внутренняя политика –
Войско – Милостытники и дворяне – Болгарский поход 1164 г.

V. Меч духовный 84

Роль церкви – Позиция Византии –
Основные факты церковной истории –
Борьба с епископом Леоном – Спор о постах –
Ходатайство о митрополите – Грамота Луки Хризверга –
Казнь епископа Федора – Развитие культа Богоматери –
Владимирская икона – Установление праздника Покрова –
Характер богородичного культа – Вопрос о древности
христианства на севере – Культ Леонтия Ростовского –
Андрей и Запад – Теория богоустановленности власти
Андрея – «Равноправие» с императором Мануилом –
Роль епископа Федора – Обличения Кирилла Туровского –
Летописный рассказ о суде над епископом Федором –
Его анализ – Данные Никоновской летописи

VI. Литература 119

«Сказание о чудесах» – его стиль – его народные черты –
Литературные памятники Покровского культа –
Авторы этих сочинений – Вопрос об участии князя Андрея –

Время этой литературной работы — летописание —
«Церковный стиль» — Вопрос о включении в летопись
сочинений Мономаха — Молитвенная концовка
послания к Олегу

VII. Искусство и культура 138

Роль искусства в идеологической борьбе Андрея —
Успенский собор — Его стиль — Покров на Нерли —
Пластика — Боголюбский дворец — Мастера —
Роль Андрея — Прогресс материальной культуры —
Просвещение — Культурные связи — Черты быта —
Культура Киевской и Владимирской Руси

VIII. «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» 149

Отношения к Новгороду — Разгром Киева —
Значение этого события — Поход на Новгород —
Его итоги — Поход на болгар — Конфликт с Ростиславичами —
Его смысл — Поход на Вышгород — Сравнение Юрия
и Андрея — Причина военных неудач Андрея —
Значение политической борьбы Андрея

IX. Развязка 167

Накануне гибели — «Покаяние Давидово» — Заговор —
Убийство — Улита Кучковна — Восстание —
«Нечестивые ворежьбиты»

X. Всеволод Большое Гнездо 173

Междукняжие — Ростиславичи — Ростовцы и владимирцы —
Победа Михалки — Всеволод III — Отношение к убийцам
Андрея — Разгром боярства — Восстание 1177 г. —
Борьба с Рязанью — Походы на болгар — Киевская политика —
Брачные связи — Восстановление Городка Остерского —
Усобица на юге и дипломатия Всеволода —
Смоленск и Витебск — Новгородские отношения —
Восстание 1209 г. — Потеря Новгорода —
«Суздальские порядки» — Внутренняя политика —

Отношение к горожанам – Характер власти Всеволода –
Церковь – Развитие теории о богоустановленности –
Культ – Искусство – Смерть Всеволода

XI. НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ 199

Ряд Всеволода – Позиция Константина – Усобица –
Разделение епископии – Конфликт с Новгородом –
Торжок – Силы Липецкой битвы – Планы Юрия и Ярослава –
Поражение Юрия – Города – Старейшинство Юрия –
Церковь – Ярослав в Новгороде – Оборона Руси на западе –
Национальное значение «суздальской политики» в Новгороде –
Киевские дела – Ярослав в Киеве – Борьба с болгарами
и мордвой – Нижний Новгород – Рязань – Авраамий болгарский –
Юрий и Запад – Культура – Искусство – Литература –
Владимирская земля накануне татарского нашествия

XII. СУД ПОТОМКОВ 216

Оценка современников –
Повести XII в. об убийстве Боголюбского –
Оценка врагов – Летописание XV – XVI веков –
Намерение канонизировать Андрея – XVII век –
Канонизация Андрея – Древнейшие изображения Андрея –
Реконструкция М. М. Герасимова – Конец церковной
истории Андрея – Историки XVIII века –
Противоречия историографии XIX века –
Итоги – Оценка новейших историков

XIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ 232

Ю. В. Кривошеев. ПОСЛЕСЛОВИЕ 238

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга. К истории неиздания 253

Примечания 283

Воронин Н. Н.

В75 Андрей Боголюбский. — М.: Водолей Publishers, 2007. — 320 с. — (Наследие российских историков).

ISBN 978-5-902312-81-9

Книга выдающегося ученого Н. Н. Воронина (1904–1976) посвящена биографии крупнейшего деятеля Руси XII в. князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Автор представляет ее на широком фоне истории Владимирской земли и Руси XI–XIII вв., показывая как источники политики Боголюбского, так и судьбу его политического наследства при его преемниках. Таким образом, содержание книги значительно шире ее заглавия и дает, по существу, целостное освещение культуры Владимирской Руси XII–XIII вв. Автор широко привлекает и интерпретирует памятники литературы, живописи, архитектуры, данные археологии, что позволяет ему впервые в нашей литературе дать многогранную, свежую и исчерпывающую характеристику как самой личности Андрея, так и значения его политической и культурно-созидательной работы.

Книга, наткнувшаяся при жизни автора на непреодолимые цензурные препятствия, впервые приходит к читателю.

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус)6

Воронин Николай Николаевич

Андрей Боголюбский

Научное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректоры *Н. Кондратьева, В. Лихачева*
Художник *В. Харитонов*

Подписано в печать 15.08.07. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskerville
Печать офсетная. Печ. л. 20
Тираж 2000 экз. Заказ № 689.

Издательство «Водолей Publishers»
119330, г.Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б
Отдел реализации: (495) 786-36-35
E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а